

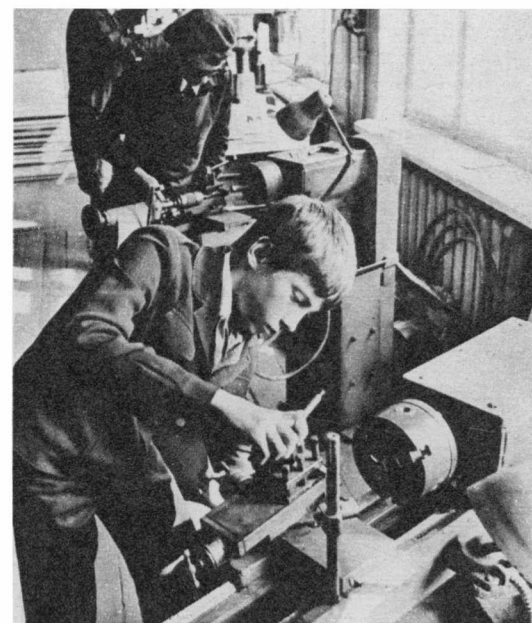

Юля Лукина — пионерка восьмнадцатой школы.

Сегодня праздник!

В школьной мастерской.

НА ЛИНЕЙКУ

«Мы тогда назывались спартаковцами...»
Встреча с первыми псковскими пионерами
Ю. В. Сарафановым и М. С. Носовым.

Юные друзья пожарной дружины.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ОГОНЁК

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Основан
1 апреля
1923 года

№ 20 (2661)

15 МАЯ 1982

© Издательство «Правда», «Огонек», 1982

**Юрий КОЗЛОВ,
фото Михаила САВИНА,
специальные
корреспонденты
«Огонька»**

После весеннего дождя древний белокаменный Псков, насквозь пронизанный солнцем, кажется молодым городом. Деревья тянут ветви вверх, словно делают зарядку. Прямые улицы обретают в чистом, промытом дождем воздухе непривычную перспективу — они уходят прямо в небо. Весну хочется сравнить с пионерским отрядом, весело и шумно шагающим по городу. Сквозь гудки автомобилей, птичий свист явственно различим и залихватский школьный звонок, навевающий закономерную грусть по времени, которое для тебя лично уже минуло, тебе его не вернуть... Но одновременно и преисполняешься бодростью, как от глотка живой воды, хочется сделаться моложе, а следовательно, непосредственнее и проще, чтобы понять тех, кому звенит сегодня школьный звонок. Один известный педагог и журналист когда-то написал, что единственный способ без всяких сделок с потусторонней силой остановить прекрасное мгновение, вновь обрести юность — это попытаться хотя бы мысленно вернуться в детство... Может быть, поэтому каждый раз, оказываясь в школе, испытываешь волнение?

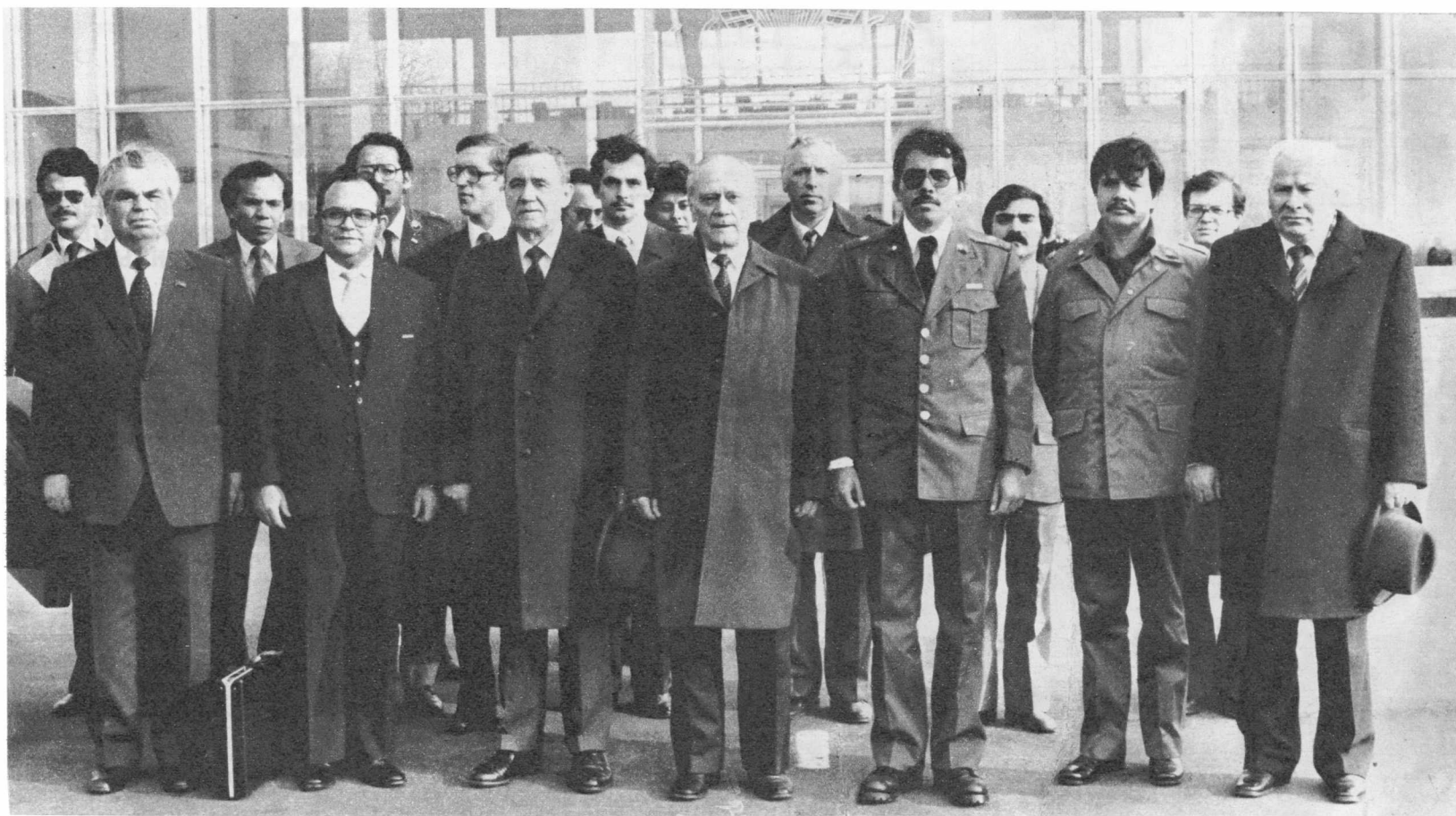
...В городе Пскове двадцать три пионерские дружины, почти девять тысяч пионеров. Дружина имени А. В. Германа восемнадцатой средней школы существует скоро двадцать лет, с того самого дня, как первый директор школы Василий Федорович Федоров, ветеран третьей Ленинградской партизанской бригады, предложил дать дружине имя своего бывшего командира, комбрига Александра Винторовича Германа. Псковщина была в пору войны партизанским краем, и каждый год сейчас в школе проводятся встречи с участниками боев, ветеранами Великой Отечественной войны, многие из которых были разысканы самими пионерами в процессе многолетней работы. Ру-

Окончание см. на стр. 8.

СТАНОВИСЬ!

ВИЗИТ ЗАВЕРШЕН

ВЕРНЫЕ ПОМОЩНИКИ ПАРТИИ

5 мая в Москве, в Колонном зале Дома союзов, состоялось торжественное собрание, посвященное 70-летию газеты «Правда» и Дню печати.

В президиуме — кандидат в члены Политбюро ЦК КПСС, секретарь ЦК КПСС Б. Н. Пономарев,

секретарь ЦК КПСС М. В. Зимин, заведующие отделами ЦК КПСС Л. М. Замятин, Е. М. Тяжельников, председатель ВЦСПС С. А. Шалаев, первый секретарь ЦК ВЛКСМ Б. Н. Пастухов, первые заместители заведующих отделами ЦК КПСС К. М. Боголюбов, В. В.

В СРАЖЕНИЯХ ЗА РОДИНУ

По приглашению ЦК КПСС, Президиума Верховного Совета СССР и Советского правительства с 4 по 9 мая 1982 года в Советском Союзе с официальным дружественным визитом находилась государственная делегация Республики Никарагуа во главе с членом Национального руководства Сандинистского фронта национального освобождения (СФНО), координатором Руководящего совета правительства Национального возрождения команданте революции Даниэлем Ортегой Сааведрой.

Во время визита были подписаны межправительственное соглашение о дальнейшем развитии экономического и технического сотрудничества, а также протоколы, предусматривающие поставки из СССР в Никарагуа машин и оборудования и оказание содействия в развитии гидроэнергетики, горнодобывающей промышленности, сельского хозяйства, связи и других отраслей никарагуанской экономики.

Государственная делегация Республики Никарагуа во главе с членом Национального руководства СФНО, координатором Руководящего совета правительства Национального возрождения команданте революции Д. Ортегой Сааведрой посетила Ленинград и Тбилиси.

9 мая гости отбыли на родину.

На снимке: проводы на аэродроме в Москве.

Фото А. Гостева

Загладин, О. Б. Рахманин, другие ответственные партийные работники, руководители творческих союзов, главные редакторы газет и журналов.

В Колонном зале собрались представители партийных и общественных организаций Москвы, работники газет, журналов, телевидения и радио, информационных агентств и издательства, полиграфических предприятий, рабкоровский актив столицы.

Собравшиеся горячо встретили почетных гостей, руководителей органов печати братских коммунистических, рабочих и революционно-демократических партий из более чем 50 стран мира.

С докладом выступил председатель правления Союза журналистов СССР, главный редактор газеты «Правда» В. Г. Афанасьев.

Выступившие на собрании главный редактор газеты «Известия» П. Ф. Алексеев, Герой Социалистического Труда строгальщик завода «Красный пролетарий» И. И. Мальцев, Герой Советского Союза главный редактор журнала «Новый мир» В. В. Карпов, дважды Герой Советского Союза летчик-космонавт СССР А. С. Елисеев, секретарь парткома совхоза «Правда» Талдомского района Московской области В. В. Щербаков тепло приветствовали многомиллионную армию советских журналистов — верных помощников партии, пожелали новых успехов в их благородном труде во имя коммунистического созидания и упрочения мира.

От имени руководителей средств массовой печати братских партий, прибывших на торжество, коллектив газеты «Правда», всех советских журналистов поздравил кандидат в члены Политбюро ЦК СЕПГ, главный редактор газеты «Нойес Дойчланд» Г. Шабовский. Собравшиеся с большим воодушевлением приняли приветственное письмо Центральному Комитету КПСС, товарищу Л. И. Брежневу.

На снимке: в зале торжественного собрания в Колонном зале Дома союзов.

Фото А. Бочинина

Вышла из печати книга, посвященная боевому пути 18-й армии в годы Великой Отечественной войны, подготовленная Институтом военной истории Министерства обороны СССР.

18-я армия — одна из прославленных в годы Великой Отечественной войны армий. Ее боевой путь, начавшийся у южных границ нашей Родины в трудные июнь-

ские дни 1941 года, завершился на подступах к столице Чехословакии Праге в мае 1945 года. Войска армии участвовали в первых приграничных боях на реке Прут, в кровопролитных оборонительных сражениях на юге Украины, в Донбассе, на Северном Кавказе, в наступательных операциях на Тамани и в Крыму, на правобережной Украине и в Карпатах. Войска армии освобождали города и села, спасли тысячи людей от фашистского гнета. Их как освободителей встречали народы Румынии, Венгрии, Польши и Чехословакии. Славен путь 18-й армии, но наиболее тяжелые и в то же время героические бои она вела за Малую землю и Новороссию. Более чем двухсотдневное сражение — это героическая эпопея о бесстрашии и мужестве советских воинов. И в этой ожесточенной борьбе войска 18-й армии все выдержали, выстояли и победили. Ныне город-герой Новороссийск является символом мужества, героизма и высокого военного искусства его защитников и освободителей.

В книге найдла широкое отражение многогранная деятельность Леонида Ильича Брежнева, который более двух лет возглавлял политотдел армии. Большой предвоенный опыт организационно-

политической работы, принципиальность, высокая ответственность за порученное дело, огромная работоспособность позволяли Л. И. Брежневу оказывать влияние на все стороны боевой деятельности войск. Он в полную меру сил участвовал в руководстве войсками армии: вместе с командармом, членами Военного совета, штабом, начальниками родов войск и служб армии Л. И. Брежнев решал сложные проблемы, связанные с разработкой планов операций и их осуществлением, комплектованием и формированием частей, заботился об обеспечении воинов питанием, обмундированием, а в критические моменты личным примером вселял в солдат и командиров уверенность в победе.

Книга, изданная Воениздатом, хорошо иллюстрирована фотографиями и репродукциями. Она позволит читателям увидеть и познать историю борьбы и побед людей, сильных духом, беспрдельно преданных Отчизне. Их ратные дела и героические подвиги будут служить вдохновляющим примером в воспитании пламенных патриотов, стойких бойцов за свободу, независимость и процветание нашей Родины.

(ТАСС).

«В ПАМЯТЬ 1500-ЛЕТИЯ КИЕВА»

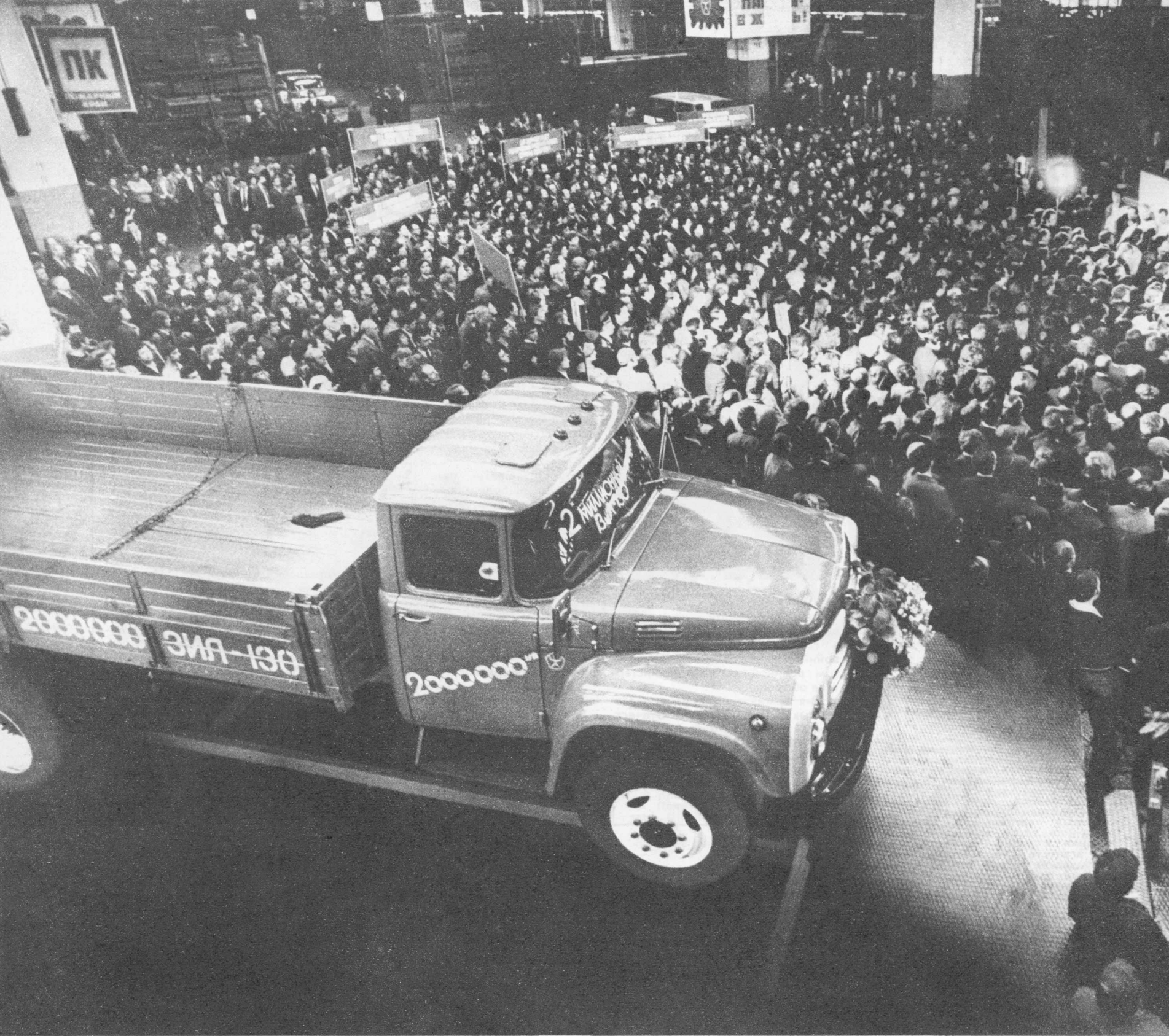
Указом Президиума Верховного Совета СССР в ознаменование 1500-летия города Киева учреждена медаль «В память 1500-летия Киева». Этой медалью награждаются рабочие, специалисты народного хозяйства, работники науки и культуры, государственных учреждений и общественных организаций, военнослужащие, пенсионеры и другие лица, внесшие своим трудом вклад в экономическое и социально-культурное развитие города, проживающие, как правило, в Киеве или его пригородах не менее 10 лет; участники обороны Киева в

период Великой Отечественной войны, награжденные медалью «За оборону Киева», партизаны и подпольщики, сражавшиеся с врагом в Киеве и его окрестностях, лица, принимавшие участие в освобождении города в составе Вооруженных Сил СССР, независимо от места их проживания в настоящее время.

Награждение медалью «В память 1500-летия Киева» производится от имени Президиума Верховного Совета СССР исполнительным комитетом Киевского городского Совета народных депутатов.

Встреча юбилейного автомобиля.

С О В Е Р Ш Е

Первые километры с эскортом почета!

Митинг на столичном автокомбинате № 3.

ЕСТЬ 2 000 000-й АВТОМОБИЛЬ ЗИЛ-130

Фото А. БОЧНИНА

Восемнадцать лет сбегает с главного конвейера автозавода имени Лихачева грузовики популярной марки ЗИЛ-130. Совершеннолетие! В этом возрасте человек преодолевает барьер взрослости, барьер мужественности, а вот у яблони, у конструкции самолета или той же автомашины восемнадцать лет — пора зрелости, когда технология воспроизводства, будь ее автором природа или человеческий интеллект, отработана и самосовершенствуется буквально на глазах. Прежде чем рассказать о празднике рождения 2 000 000-го автомобиля, вернемся в август прошлого года, к номеру, в котором «Огонек» поведал о буднях автокомбината № 3 объединения «Моснабпромтранс». Самоцитирование — редкость в журналистике, и все же следует напомнить читателям о герое репортажа, водителе Алексее Михайловиче Бесчастнов, который более восьми лет нес вахту за баранкой зилковского детища с порядковым номером «1 000 000». Тогда Алексей Михайлович сказал в гараже: «Практически все ресурсы автомобиля давно вышли. Но душа осталась! Душа и кабина, конечно... Считаю, что миллион километров уже пробежал миллионный ЗИЛ...».

Да, та машина дважды подлежала списыванию. Но Алексей Михайлович — автор собственного кодекса бережливости. Опыт он копил годами, еще раньше довел с напарником В. И. Ивановым пробег предыдущего грузовика до 300 тысяч без капремонта и замены двигателя. А затем, используя значительную экономию лимита запасных частей, удлинил безремонтный пробег еще на пятьдесят тысяч километров по столичным улицам. Но это была прелесть, а «сказка» — жизнь миллионного ЗИЛа, такая короткая (1974—1982 годы) и такая большая, поучительная!.. «Машину надо чувствовать», — сказал Бесчастнов менее года назад, предчувствуя близкую разлуку с «миллионером». А что же он пережил (он и его новый напарник В. С. Друженко), когда автомобиль-долгожитель подняли и установили на постамент как символ могучего движения московских водителей-трехсоттысячников?..

Теперь о новом празднике на заводе имени Лихачева. 7 мая смена Д. Ф. Кацебы в ритме, заданном давно выверенным графиком, собрала алого цвета юбилейный — 2 000 000-й — грузовик ЗИЛ-130. Машина тут же прошла стендовые испытания, и в три часа пополудни слесарь Герой Социалистического Труда А. Я. Манахтин передал ключи от зажигания Алексею Михайловичу Бесчастнову с автокомбината № 3. Почему именно ему? Оправдал доверие автостроителей, всему шоферскому братству показал, на что способна модель, если принципы экономии постиг тот, кому доверена техника.

Они шли праздничной колонной по праздничным улицам Москвы — на базу, на место работы. Юбилейный автопоезд сопровождали новенькие, москвичами еще не виданные дизельные грузовики — будущая продукция славного завода. Следом двигались машины, работающие на сжатом природном газе. Это была демонстрация содружества зиловцев с шоферами столицы, демонстрация плодотворной творческой мысли конструкторов и автостроителей.

— Будем с Валентином Степановичем, — говорит А. М. Бесчастнов, — лелеять юбиляра, то есть эксплуатировать грамотно и на полный газ!.. Рассчитываем пройти на автоподарке зиловцев до капремонта на сто тысяч километров больше, чем предусмотрено инструкцией. Обещаю и на двухмиллионном пробежать не менее восьмисот тысяч километров! Опыта и силенок не занимать...

Н. БЫКОВ

Алексей Михайлович Бесчастнов.

Н Н О Л Е Т И Е

На месте вечной стоянки...

На центральной площади Наблуса стоят израильские танки и бронетранспортеры, оснащенные тяжелыми пулеметами. Вооруженные парашютисты патрулируют пустынные улицы. Вдруг из-за угла улицы появляется подросток в окружении израильских солдат. На вид ему не больше 10 лет. Его схватили, когда он собирался бросить камень в машину израильского колониста. Его ведут на допрос.

На захваченных Израилем арабских территориях не спадает волна народного протеста против экспансионистской политики Тель-Авива, разгула террора и репрессий, направленных на подавление выступления коренного арабского населения. Всеобщая забастовка охватила почти все города Западного берега реки Иордан и сектора Газа — от Иерусалима до Рамалла-

ха — очага самого ожесточенного сопротивления.

Правители Тель-Авива возлагают надежды на так называемые «сельские лиги». Израильские власти укомплектовали их из коллаборационистов и пытаются представить их как органы местного самоуправления. Когда уходит почва под ногами, когда арабское население выступает против оккупантов, тут уж приходится полагаться на всяких отщепенцев, загоняя в «сельские лиги» силой и обманом.

Так, преподаватель из Рамаллаха рассказал: «У меня есть друг, отец которого умер в Аммане. Для того чтобы перевезти тело, нужно получить разрешение у губернатора. Губернатор передал прошение в «сельскую лигу», которая потребовала, чтобы мой друг публично вступил в нее. Он сделал это, но на

следующий день после похорон уехал отсюда, так как не хотел «сотрудничать» с лигой».

Численность «сельских лиг» мизерная, но Израиль снабжает их и оружием и деньгами. Однако население питает к ним недоверие и презрение как к новоявленным квислингам. А заявления израильских властей, в которых утверждается, будто эти лиги «более представительны», чем ООП, по меньшей мере смехотворны, поскольку не нашлось даже лиц, способных заменить смещенных сионистами палестинских мэров, и власти были вынуждены назначить на эти посты израильских офицеров.

На снимке: израильские солдаты расправляются с палестинским юношей.

КРОВЬ НА УЛИЦАХ ПОРТУ

1 мая, пытаясь сорвать традиционное празднование Дня международной солидарности трудящихся, в португальском городе Порту ударные отряды полиции открыли огонь по собравшимся в центре города жителям. В результате сотни людей получили ранения, двое — 17-летний Мариу Гонсалвеш и 24-летний Педру Виейра — погибли. Эти кровавые события еще больше обострили обстановку в стране, усилили оппозицию трудящихся, всех демократических сил нынешнему правительству блока правых партий.

Восемь лет тому назад, в апреле 1974 года, в Португалии рухнул фашистский режим Салазара — Кастану, а 1 мая все трудящиеся, все демократы страны грандиозными митингами и манифестациями впервые легально, не опасаясь полицейских репрессий, отметили всемирный праздник трудящихся.

С тех пор празднование этих двух знаменательных дат — годовщины революции и Дня международной солидарности трудящихся — стало своего рода барометром настроений португальцев, политической жизни страны. Именно в дни, когда нескончаемые волны демонстрации катятся по залитым

весенним солнцем улицам Лиссабона, когда бескрайнее человеческое море заливает главные площади Порту, в предельно простом почерке транспарантов и плакатов, в сжатых фразах скандируемых лозунгов видны все радости и горести португальского народа, его чаяния и заботы.

В Лиссабоне и Порту на массовых митингах руководители Всеобщей конфедерации португальских трудящихся — Национального Интерсиндиката решительно осудили кровавые полицейские репрессии. «Нашим ответом на них, — заявляют португальские профсоюзы, — будет всеобщая забастовка».

За два года правления правых положение трудящихся значительно ухудшилось. Экономисты отмечают, что в 1981 году продукт национального валового продукта составил всего лишь несколько десятых процента. Резко упал экспорт и возрос импорт. Дефицит торгового баланса достиг 5 миллиардов долларов, внешний долг — 10 миллиардов долларов. Только за первые три месяца этого года инфляция подскочила до 30 процентов. Армия безработных насчитывает около 500 тысяч человек.

Экономический кризис в стране продолжает углубляться. Это был вынужден признать в только что опубликованном интервью американскому агентству Ассошиэйтед Пресс и премьер-министр Пинту Балсемау. Он попытался переложить вину за тяжелое экономическое положение Португалии на международный экономический кризис, в частности и на «американскую экономическую политику, высокие процентные ставки и взлет курса доллара». Однако демократические силы страны, в том числе коммунистическая партия, видят первопричину экономических трудностей страны и резкого снижения жизненного уровня народа в политике правительства «демократического альянса». Как говорится в первомайском коммунистической конфедерации профсоюзов, «ВКПТ-НИ даст достойный отпор правительству, которое проводит политику, направленную главным образом против прав трудящихся и интересов страны».

Александр ЗДИТОВЕЦКИЙ, соб. корр. АПН — специально для «Огонька».

Лиссабон.

ЭЛЕКТРОСТУЛ НА КОЛЕСАХ

ФЕЛЬЕТОН

Казни — не веселая тема для фельетона. Вряд ли стоило бы вообще о ней вспоминать, когда бы законодатели штата Джорджия не подняли вокруг нее ажиотаж...

В одних штатах в Америке осужденным на смерть грозит виселица, в других — газовая камера, в третьих — ядовитые пары, но все-таки высшая мера наказания в США чаще всего ассоциируется с электрическим стулом. Изобретенный в начале столетия, он стал своего рода символом нынешнего века в практике исполнения смертных приговоров в Америке. Но время берет свое. И это традиционное, опробованное, типично американское изобретение, как сообщает агентство ЮПИ, должно претерпеть существенную модернизацию. Законодатели штата Джорджия предлагают стационарный электрический стул снабдить колесами, с тем чтобы катился он по холмам и равнинам штата, делая остановки в людных местах, желательных там, где были совершены преступления. Впервые преступники получат наглядный урок наказания. Место преступления и место наказания превратятся в одно место!

Авторы проекта всерьез считают, что моторизованный электрический стул станет воплощением карающей длани закона, нагоняя страх и ужас на закоренелых, вооруженных до зубов гангстеров и прочих преступников. На деле же он, думается, еще больше взвинтит нервы рядовому обывателю, который и без того боится выйти на улицу.

Представим, что законопроект уже одобрен. Некий человек по имени мистер Смит (ведь в Джорджии наверняка живет не один мистер Смит) заходит в банк и слышит голос из окошечка:

— Простите, сэр, не могли бы вы подождать минутку? Клерк сейчас подойдет. Он в соседнем зале — там теперь у нас демонстрируется казнь на электрическом стуле...

Любезное приглашение поприсутствовать на электрошоковом сеансе вряд ли вызовет у него бурный восторг. Забыв о цели своего прихода, он пулей вылетает из банка... Шагая домой по Персиковой или какой-нибудь другой улице Атланты, мистер Смит мало-помалу приходит в себя. Дома он включает телевизор, чтобы забыться от безумных впечатлений дня. И вдруг видит и слышит:

— Мы ведем репортаж из Лос-Анджелеса. Жаркий выдался день для законодателей Калифорнии. Идут дебаты вокруг превращения обычной газовой камеры в передвижную газовую камеру. Ее будут видеть повсюду: на улицах, в банках, барах, бурлесках — везде, где есть люди, а значит, и возможные преступники. «Казнь — не шоу», — возражают банкиры и домовладельцы. Они боятся из-за частых визитов газовых камер растерять клиентов, перепуганных и самой камерой и возможной утечкой газа. «Казнь — не шоу, но средство воспитания», — поправляют сторонники модернизации. Их могут поддержать вагоно- или автомобильно-строительные компании. Ведь хоть газовая камера и не автомобиль, но если ее снабдить четырьмя колесами и хорошенько разогнать, то она может подтолкнуть забуксовавшую автомобильную промышленность. Как бы то ни было, а «новый федерализм» — идея нашего бывшего губернатора и нынешнего президента, предоставляющая множество всяких инициатив властям штатов, — наконец-то воплощается в конкретную форму...

Калифорнийский репортаж превращается стуком в дверь и криками соседа:

— Мистер Смит, выходите скорее! К нам приехали показывать казнь!

Н. ВИШНЕВСКИЙ

Зенитное подразделение аргентинской армии на боевой позиции.

Фото ЮПИ — АП — ТАСС.

Аргентинские солдаты на Фолклендских [Мальвинских] островах; высадка английского десанта может начаться в любой момент.

ИМЕНИ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ

Май сорок второго... Почти год грохочут бои Великой Отечественной войны. Гитлеровцам удалось оккупировать Прибалтику, Белоруссию, Молдавию, большую часть Украины. Враг рвется к Волге и Кавказу. Ожесточенные бои идут на Керченском полуострове и под Севастополем.

Но самые драматические события развернулись в начале мая 1942 года под Харьковом. Войска Юго-Западного фронта вели наступление, однако вскоре вынуждены были перейти к обороне. Натиск немецких танковых дивизий на подступах к шоссе Белгород—Харьков сдерживали войска 28-й армии генерал-лейтенанта Д. Рябышева и 38-й армии генерал-майора К. Москаленко.

Трудный участок пришлось оборонять входившей в состав 28-й армии 13-й гвар-

дейской ордена Ленина стрелковой дивизии генерал-майора А. И. Родимцева, той самой дивизии, которая через несколько месяцев насмерть станет в Сталинграде.

Гвардейцы дрались героически, потеряв счет танковым атакам. Не считали их и артиллеристы дивизиона, которым командовал коммунист гвардии капитан И. И. Крикий. Особенно массированными были танковые атаки 14 и 15 мая. Дрожала от взрывов земля, плавился раскаленный металл, горела не успевшая пожухнуть трава. За два дня гвардейцы-артиллеристы уничтожили тридцать два танка и одну бронемашину. В одном из боев командир был ранен, но остался на огневой позиции.

Исклнительное мужество проявил и командир 122-миллиметровой гаубицы 776-го артиллерийского полка комсомолец старший сержант А. В. Смирнов. Тяжело раненый, он продолжал командовать расчетом, который в одном бою уничтожил четыре фашистских танка.

Я рассказал об этих боевых эпизодах для того, чтобы сегодня, через сорок лет, люди узнали, как воевали первые кавалеры ордена Отечественной войны, награжденные Указом Президиума Верховного Совета СССР от 2 июня 1942 года. В этом Указе всего девять фамилий, в основном артиллеристы Юго-Западного фронта.

Учреждение ордена Отечественной войны было большим событием в жизни армии и флота, поднимало моральный дух войск. «Новый орден», писала «Правда», — боевой орден. Он украсит грудь смелых, мужественных сынов нашей Родины. Велика честь быть носителем звезды, на которой значится надпись «Отечественная война».

Согласно статуту, орденом Отечественной войны награждались лица рядового и начальствующего состава Красной Армии, Военно-Морского Флота, войск НКВД и пар-

тизанских отрядов, проявившие в боях за Советскую Родину храбрость, стойкость и мужество, а также военнотруженики, которые своими действиями способствовали успеху боевых операций наших войск. Статут четко определял подвиги, за которые воин обретал право на получение ордена. Летчики истребительной авиации — за три сбитых самолета; техники — за восстановление не менее десяти самолетов на передовом аэродроме под огнем противника; артиллеристы — за подавление не менее пяти вражеских батарей или уничтожение не менее трех самолетов; моряки — за уничтожение боевого корабля или двух транспортов врага.

Рядовой труженик войны — солдат мог быть награжден орденом, если он, презирая опасность, первым ворвался в блиндаж или окоп врага, действовал решительно, смело и обеспечил успех подразделению или из личного оружия сбил самолет противника. Статут определял, что в случае гибели или смерти награжденного, орден, как память, передается его семье на вечное хранение.

Всего в годы войны было около трехсот пятидесяти тысяч награжденных орденом Отечественной войны I степени и более миллиона — II степени. Этой награды удостоены и некоторые города, сыгравшие важную роль в обеспечении победы над врагом.

Только что вся страна торжественно отметила тридцать седьмую годовщину нашей Победы. Собираясь на свои традиционные встречи, фронтовики надзали ордена. И у многих на парадных мундирах и на выходных пиджаках сверкали ордена Отечественной войны — первого военного ордена, учрежденного в годы войны.

Д. КОРОЛЕВ,
капитан I ранга

Начало см. на 2-й стр. обложки

ководит этой работой совет школьного музея, и ведется она по многим направлениям. Одно из главных — операция «Пионерская слава». Ребята ищут и собирают воспоминания первых псковских пионеров двадцатых — тридцатых годов. Так, например, удалось установить, что первый пионерский отряд в Пскове был создан летом 1922 года. Тогда они называли себя спартаковцами. Было в отряде двадцать человек, отрядная газета называлась «Будь готов!». А когда тогдашние пионеры поехали в летний лагерь, то усиленно изучали там, кроме всего прочего, азбуку Морзе.

Первые псковские пионеры обнаружились и среди дедушек и бабушек пионеров нынешних. Например, Юрий Васильевич Сарафанов. Или Михаил Степанович Носов. Читаешь его воспоминания «Как я стал пионером» и чувствуешь динамику, строгий ритм тех далеких лет. Фразы как будто голубые, задиристые и вместе с тем очень энергичные, они как сжатая пружина: «В пионеры вступил в двадцать третьем году в июне. Увидел, как маршируют пионеры по улице. У них было свое обмундирование: ремень с веревкой, панамы. Шли они под дробь барабана. Они решили купаться».

...Многие из собранных ребятами материалов по истории пионерской организации Пскова переданы в городской музей при Доме пионеров.

Нынешний год богат на юбилей и торжественные события: 60-ле-

тие СССР, XIX съезд ВЛКСМ, 60-летие Всесоюзной пионерской организации имени В. И. Ленина. К этому празднику псковские ребята, как и все пионеры страны, готовились тщательно, ждали его с большим нетерпением.

Вот они сидят передо мной: председатель совета дружины семнадцатой школы Саша Васильев, Тамара Зиминая, Катя Молевер, Сережа Бражнин — и рассказывают о восьми маршрутах Всесоюзного пионерского маршрута: «В страну знаний», «Моя Родина — СССР», «Тимуровец», «Сильные, умелые, ловкие», «Мир и солидарность», «Звездочка» — это работа с октябрятами, «Мир прекрасного», «Пионерстрой».

В жизни школьной пионерской дружины, как в капле воды, отражаются жизнь и заботы всей страны.

Тамара Зиминая из 7-го «в» класса — председатель штаба «Гайдаровец». В штабе четырнадцать человек, у каждого своя «зона пионерского действия». Если поблизости есть старики ветераны, просто больные люди, нуждающиеся в помощи, пионеры им помогают, ходят в магазины за продуктами, читают вслух, убирают квартиры. А недавно еще провели операцию «Хозяинский глаз», в меру своих сил и возможностей помогли претворению в жизнь требования «Экономика должна быть

экономной». Началась операция со школьной радиопередачи, где говорилось об экономии конкретной и всем понятной: как беречь труд других людей, не выбрасывать хлеб, не портить учебники и тетради. А потом пошли по подшефным домам, в каждом подъезде вывесили красочно оформленные памятки о бережливости. Если где-то был обнаружен неполадок — немедленно принимались меры. В выпущенной «молнии» досталось даже учителям: днем в учительской зачем-то горел свет! О предстоящих сборах макулатуры жильцы теперь извещаются заранее, чтобы было время подготовиться, упаковать. После этого стали собирать в среднем за раз на двести сорок килограммов больше.

Катя Молевер из 6-го «в» возглавляет штаб маршрута «В страну знаний». Деятельность этого штаба заключается не только в контроле за успеваемостью. В каждом классе, например, прошли занятия на тему «Кем быть?». Выступили не только взрослые, но и ребята. Они рассказали, как сами понимают ту или иную профессию, свой долг перед обществом.

Сергей Бражнин из 6-го «в» в прошлом году ездил в лагерь «Орленок» на Всесоюзный слет юных друзей пожарных дружин. Пожарная дружина восемнадца-

той школы лучшая в городе, и Сергей говорит об этом с понятной гордостью. В конце мая они поедут в Пушкинские горы, уже подготовили специальную агитпрограмму.

О пионерах этой псковской школы можно долго рассказывать. Как послали больше тысячи книг в подшефный детский дом, как ездили с поездом «Дружба» в город-побратим Геру (ГДР), как создали «Школу юного ленинца»... Хочется лишь добавить, что все это результат истинного содружества ребят и взрослых. Пионервожатые — преподаватель русского языка Наталья Голыгина, истории Лилия Иванова, организатор внешкольной работы Зинаида Леонидовна Яковлева и другие учителя — это по-настоящему увлеченные своим делом люди, главным духовным итогом его полагающие воспитание в учениках активной жизненной позиции, непримиримости к злу и фальши. В последние годы много говорится и пишется о преемственности поколений, необходимости для гармоничного развития юных, о родительском доме, о родном крае, о том, что без ощущения своей Родины, причастности — с самого детства — к делам и заботам народа трудно вырасти настоящим гражданином. Точно так же, думается, без добрых и человеческих дел, совершаемых в детстве, будь то тимуровская помощь или что-то другое, трудно вырасти настоящим человеком. А начинается эта причастность, эти добрые, человеческие дела все с того же вечного школьного звонка, учительницы, входящей в класс, красного галстука, повязанного в день рождения В. И. Ленина.

ПСКОВ — МОСКВА.

Л. Шиповский. В. И. ЛЕНИН СРЕДИ ДЕЛЕГАТОВ III СЪЕЗДА КОМСОМОЛА

Я. Крыжевский. МИР НАД ЗЕМЛЕЙ

ВЫПОЛНИМО ИЛИ НЕВЫПОЛНИМО?

Рисунок П. ПИНКИСЕВИЧА

Екатерина ШЕВЕЛОВА

...Отчетное профсоюзное собрание, видно, только что началось: председатель цехового комитета Владимир Николаевич Рыжиков еще устраивался обстоительно на трибуне. Кажется, это ему было нелегко — слишком мало места, локти свисали.

Рыжиков начал свой доклад тихим голосом со стандартных фраз, Люция Александровна в них не вслушивалась, искала глазами Горелова. Нашла. Он жестом показал, что оставлен свободный стул для нее. Пробираясь между рядами, Крылатова обращала внимание только на тесноту. Наконец села и оглянулась: боже мой, так это же бывший Красный уголок, самый большой на тогдашнем, на ее заводе! Название стало гораздо более значительным, а сам зал — гораздо более убогим! Серые, облешные стены. Круглые матовые абажуры на потолке явно засижены мухами...

— У нас есть еще Красный уголок. Новенький. Но невместительный, — тихо сказал Горелов. Интуитивно угадал впечатление приятельницы.

Унылая обстановка, казалось, была под стать докладу, который монотонно зачитывал Рыжиков. «Прилип взглядом к страницам, потому что забюрократился и, наверно, не знает цеховых проблем!» — подумала Крылатова. Рыжиков показался ей довольно колоритным персонажем. Сочетанием несоответствий: мощная фигура и тихий, почти робкий голос; тяжелый подбородок и губки «бантиком»; модный костюм и явная неуклюжесть — даже в том, как переворачивает страницы, как вытирает тыльной стороной руки пот со лба...

Горелов заметил, что Люция разглядывает докладчика, и с обычной способностью интуитивно угадывать ее впечатления и недоумения негромко буркнул:

— Для него это праздник, потому что принарядился.

Помолчал, кажется, подбирая более убедительные слова для характеристики докладчика, но сказал только:

— Лучший свой костюм надел, все заметил!

— А я что? Я ничего! — шепнула Люция и повела взгляд в сторону от докладчика, направо по стене с пятнами и полосами то ли осевшего табачного дыма, то ли заводской копоти и... Натолкнулась взглядом на «Портрет Паука». Подумала, что, пожалуй, не сразу отыщешь его среди пятен и полос, даже если нацелишься разыскивать. И тут же другое подумалось: нет, все-таки слишком бросается в глаза «Паук»... И подпись — не ею самой, а кем-то здесь придуманная — уж очень выпирает: «Бюрократ».

«Стало быть, называли изображенную отвратительность, — с удовлетворением подумала художница, — именем того зла, которое признается наиболее опасным здесь...» Ей пришел в голову — может быть, продолжающийся доклад подсказал — газетный штамп «наиболее опасным в данной общественной среде». И она продолжала мысленно рассуждать: «По-видимому, для данной общественной профсоюзной среды самая главная скверна —

бюрократизм. Поэтому назвали «Паука» бюрократом. А, допустим, ученые, считающие, что главное зло — паутина дилетантизма, опутывающая науку, может быть, сделали бы под ее этюдом подпись «Дилетант». А, допустим, писатели окрестили бы «Паука» плагиатчиком — за цепкие вороватые лапы и глазки, высматривающие добычу... А если бы «Паука» увидели преподаватели Наташиной школы, то, вполне возможно, — Люция чуть не хихикнула громко, со злым удовольствием, — этюд был бы назван совершенно конкретно: «Склочник Шашлыков Матвей Егорович...» Однако, — продолжала она размышлять, — неужели все-таки есть у «Паука» прототип? Почему стали отчуждаться от ее фантазии будто не придуманные, а срисованные глаза-гвоздики, длинная плотоядная улыбка, крючковые проволочки-лапы? И нахохленность, кажущуюся сначала позой застенчивости, а при более внимательном рассмотрении комком затаенной злобы, ей-богу, видела она где-то! Неужели так-таки бессознательно срисовала с кого-то? Может быть, на заседании Комиссии по экологическим проблемам? Нет, не было там никого с отвратительной или даже просто несимпатичной внешностью! Нет, не находила художница в памяти никого, кто мог бы сойти за прототип ее гротескного персонажа!

«И все-таки кого-то напоминает!» — с досадой пробормотала Люция Александровна, поглядывая на свой этюд.

Горелов легонько шлепнул ее по колену, сказал, предельно понизив свой обычно раздраженно громкий голос:

— Ты просила повесить так, чтобы не очень мозолил глаза. Ну, а его, куда ни сунешь, заметно: уж очень выкомаривается, особенно лапами... А «Соловьиный трель» мы возле самой сцены повесили, видишь?

— Вижу.

«Вижу» по отношению к истинной живописи, своей и не своей, для Крылатовой означало «войти» в картину, проникнуть в пределы, ограниченные рамой, размерами холста или бумаги. И оказаться в беспредельной вечности образов, красок, пространства... Нередко она удивлялась тому, что способностью «входить» в произведение живописи обладает, как ни странно, и ее зять, безответственный болтун, ей-богу! Каких только, скорее всего нелепых, слухов о таинственном эксперименте в Красном Бору не пересказал ей на днях Чекедов!.. Похоже, что Бог Искусства порой вслепую тычет десницей, определяя своих избранных!

Люция Александровна «вошла» в написанную ею когда-то картину «Соловьиный трель».

Из путешествия в прошлое, через образы ею же написанной картины, Люция Александровна вернул недоуменный шепот Горелова:

— Ты чего уставилась на свою африканскую крестьянку, будто никогда ее не видела?

Люция Александровна достала из сумки блокнот и быстро набросала лошадь, уткнувшуюся мордой в торбу, воробья, клюющего зерна, соловья с горлом-струной, выводящим трель. Люция вообще часто отвечала на тот или иной вопрос не словами, а быстрым наброском. Под рисунком написала: «Три вида ораторов: один жует, уткнувшись в торбу, другие клонут и посмотрят вокруг, а третьи заливаются соловьями, глядя в небо». А над жующей лошадиной мордой вывела крупно: «Рыжиков».

— Вранье про Рыжикова! — буркнул Горелов. — Выкомариваться не хочет! Никому не надо выкомаривания!.. Он в кузнице долго работал, у кузнечного молота. У нас, на освобожденной, недавно, но дело знает...

Люция Александровна оглянулась по сторонам: действительно, зал заинтересованно слушал монотонное чтение Рыжикова, уже завершающего свой доклад. Пожалуй, только она перешептывалась со своим соседом. Упрекнула себя мысленно: «Не докладчик оторвался от цеховых проблем, а я сама».

Начались прения. Люция непроизвольно прищурилась, всегда в прищуре проявлялось у нее настойчивое намерение... «навести уши». Но сначала показалось, что вслушиваться вроде бы не во что — нет прений, то есть в привычном представлении о прениях, нет их!

Выступающие говорят прямо с места. Сжато: две-три минуты. Только о недостатках:

— ...В «заточке» гложешь! Профсоюз должен продумать и осуществить эффективные действия по борьбе за бесшумный цех!

— ...Плохо с транспортом. Рабочие, живущие далеко, приходят в цех на другой день после ночной смены уже усталые, так как либо они добираются домой пешком, либо бог весть как; в том и в другом случае времени для сна уже нет!

— ...Профсоюзное руководство плохо использует Красный Бор. За все лето инструментальщики выехали туда лишь один раз! Почему бы не организовать праздник «Проводы золотой осени»?

— ...Тарификатор устарел. Зарботки не соответствуют квалификации!

В перерыве Люция Александровна удержала Горелова на месте, чтобы поговорить с ним, не вызывая осуждающих взглядов и шиканья окружающих.

В ответ на ее замечание об исключительно критической направленности выступления Горелов стал с достоинством объяснять:

— Профсоюзы должны защищать интересы рабочих. Увеличение производительности труда должно идти одновременно с улучшением условий труда...

Это были прописные истины. Но Люция видела, что Алексей с гордой серьезностью относится к роли гида известной художницы в малознакомом ей мире заводских профсоюзных задач. Ей показалось, что Алексей даже преобразился внешне — подтянулся, приосанился.

Неторопливо, но все с большей напористостью продолжал Алексей Иванович растолковывать несмысленной прищелице из деликатесной сферы простые, как грубая пища, верные истины:

— Рабочие говорят только о недостатках именно потому, что цех работает хорошо, перевыполняет план, и это всем известно. Зачем же об этом говорить?.. Некоторые чиновники не устают твердить, что в социалистической стране профсоюзам незачем защищать интересы рабочих, — мол, от кого защищать, раз страна социалистическая? Неверно. — Алексей вызывающе повысил голос. — Надо защищать от подобных начетчиков и лицемеров! Послушать их выкомаривания, так выходит, что и бороться за перевыполнение плана нельзя! Против кого бороться? Все согласны, что надо перевыполнять!

Люция Александровна подумала, что сплошь

Глава из романа «Домашний очаг», который готовится к изданию в «Профиздате».

критическое обсуждение доклада может оказаться не менее утомительно-монотонным, чем сплошь хвалебное. Она, пожалуй, может уйти: ведь не партийное собрание, ее присутствие необязательно, и уже достаточно для первого взаимного знакомства художницы и коллектива инструментального цеха.

Она ошибалась: после перерыва на профсоюзном собрании вспыхнула острая борьба, столкнулись две установки, две жизненные позиции. И Люция была рада, что не успела уйти, что помешал встречный рабочий поток — из буфета обратно, в зал конференций.

Началось с того, что очередной выступающий — уже не с места, а с трибуны, поскольку речь была более или менее развернутой, — поддержал предложение о празднике «Проводы золотой осени». И от безобидной, в сущности, поддержки перешел в наступление на позицию невмешательства профсоюзной организации в безотлагательное дело спасения Красного Бора.

Едва оратор сформулировал и бросил в зал призыв к спасению лесного массива, как в десятиминутную рамку его речи втиснулось еще несколько человек. Собственно, «рамки» уже не существует, разломилась, и осколки ее разлетелись по залу: во всех его концах торчат металлические острые реплики.

Люция с непривычки трудно следить за ними, она теребит Горелова за рукав:

— Ты, наверно, догадываешься, даже если не слышишь, что кричат?!

— Одни считают требование правильным, другие кричат: не относится оно к задачам профсоюза... Сейчас Новиков повыкомаривается...

И уже стоит перед залом, выжидая тиши-

ны, ответственный за культурно-массовую работу цехового комитета Яков Борисович Новиков. Худощавый, темноглазый brunet. С проседью. Обаятельная улыбка под орлиным носом, над острым подбородком. Новиков стоит рядом с трибуной, хотя ростом не так уж мал, — не до подбородка была бы ему трибуна, а, пожалуй, только до плеч. Просто профессиональная привычка массовика старой закалки, знающего, что общение с ораторской вышки теряет панибратскую лихость и задушевность. Нет, Яша Новиков не из той безликой бесплотно-язычной новомодной плеяды организаторов культурного досуга, которая через микрофоны воспитывает трудящихся в центральном парке культуры и отдыха!

Однако вопреки внешности, являющейся, казалось, результатом выкомаривания природы — крючковатость, угловатость, витиеватость, — речь Новикова была уверенно-прямолинейной.

Он спокойно опирался на поддерживающие его реплики зала и не обращал внимания на другие, как человек, привыкший пробираться в центр любого пестрого, еще только складывающегося хоровода. Пусть тянут в разные стороны, пританцовывают, кто как может, кто как умеет, — через минуту все запляшут под его дуду!

И, безусловно, смысл его речи укладывался, как четкая бесхитростная мелодия, в сознание каждого: нельзя бессмысленно выдвигать заведомо невыполнимые задачи перед цеховым профсоюзным комитетом! Именно к таким заведомо невыполнимым задачам относится требование спасти Красный Бор!

Судя по недружным аплодисментам, выступ-

ление Новикова не получило твердого одобрения коллектива цеха.

— Кладовщицу нашу заело, тоже руку подняла! — удивленно пробормотал Горелов.

Мария Фоминична поднялась тяжеловато, похуже, что неуверенность мысли сковала обычно проворные ее движения. И не речь стала она держать, а будто разговаривать. Причем со всем залом сразу — с кем-то соглашалась, с кем-то спорила. И от разговора этого набиралась силы и веры в свою правоту.

— Надо искать способы для выполнения будто бы невыполнимого! — говорила Мария Фоминична. — К примеру, я резец выдаю и знаю, что по-разному его можно заточить. Под таким углом. И под этаким. И фигурно даже. Но, конечно, кто как додумается соответственно задаче... Наверно, когда Ленин определил профсоюзы как школу коммунизма, это тоже многим показалось невыполнимым требованием. Что за школа? Как ее построить, как учебу наладить? Наверно, такие были тогдашние вопросы. А у нас уже другие. Насчет всяких возможностей профсоюзов как школы коммунизма. Насчет, стало быть, расширения школьной программы!

Марии Фоминичне аплодировал весь зал. Некоторые, может быть, потому, что одобряли не столь рассуждения ее, сколь решимость: впервые за двадцать лет работы в цехе она, проворная, но негромкая, разговорила в полный голос.

Люция ждала выступления сидящего в президиуме заместителя председателя профсоюзного комитета всего промышленного объединения, «большого профкома», Вячеслава Федоровича Соловьева. Он казался художнице похожим на дружину. Сжатую, но готовую распрямиться. Во всем его облике виделась Люции эта напряженность сильной крупной пружины. И, кроме того, озабоченная сосредоточенность, может быть, особенно вываленная в хмуро нависших над глазами седых бровях.

Но заместитель председателя «большого профкома» так и не выступил. И в резолюции собрания не оказалось ни слова о Красном Боре.

Едва Соловьев, Рыжиков и другие сошли со сцены, как рабочие окружили их. Люция, оставив Горелова, который намеревался вернуться в цех, заторопилась поближе к спору. Да, она не ошиблась: продолжался спор, уже не сдерживаемый никакими рамками регламента. Неудивительно! Ведь только что произошло столкновение двух позиций, двух жизненных установок! И ни одна не получила официального одобрения. Значит, ни одна не одержала победу.

Кто-то, обращаясь к Соловьеву, развивая по-своему выступление Новикова:

— Вячеслав Федорович! Массовик-то наш прав! Наобещаем про Красный Бор, а сделать ничего не сможем!.. Знаете, как в «Крокодиле» про американского конгрессмена? Приехал в город выступать: я вам мост построю! Ему отвечают: да у нас и реки-то нет! А он: я вам и реку дам!

— Конечно, мы не буржуазные болтологи, — сказал Соловьев. Вроде бы поддержал отказ от заведомо невыполнимых задач. Однако, чуть помолчав, Вячеслав Федорович произнес, глядя прямо перед собой из-под бровей, будто из чащи зимней хвои:

— Однако, если воду красноборскую попортят, мы, пожалуй, будем вынуждены через пару лет обещать людям, что дадим новую реку!

«Вот и пойми, за кого он!» — досадливо поморщилась Люция.

То ли Соловьев заметил ее гримаску, то ли он еще во время собрания присматривался к художнице, которая переговаривалась со своим соседом, но неожиданно он спросил Крылатову, по душе ли ей здесь.

Не было бы прямого вопроса, промолчала бы. Но, ничего не поделаешь, наверно, атмосфера откровенности, царившая на собрании, повлияла на Люцию Александровну. Она честно призналась:

— Доклад товарища Рыжикова мне понравился, выступление кладовщицы — кажется, Скворцова она — очень понравилось, я с ней согласна, потому что жить, все время придерживаясь линии наименьшего сопротивления, просто скучно! Даже позиция Новикова, с ко-

торой я не согласна, хороша тем, что она выражена совершенно определенно... А ваше молчание на собрании и, простите, кручение верчения в обе стороны мне совсем не по душе!

Вячеслав Федорович Соловьев оказался человеком выдержанным. Он, что называется, даже бровью не повел. Он даже усмехнулся. Снисходительно. Добродушно предложил:

— Ну, что же, Люция Александровна, в честь вашего вступления в семью инструментальщиков зайдите в новое цеховое кафе, только на днях открыли, посидим, поговорим...

Обернулся к Рыжикову, застенчиво возвышающемуся несколько поодаль:

— Надеюсь, приглашаешь нас?

— Отпразднуем не вступление, а мое возвращение в семью инструментальщиков! — живо откликнулась Люция Александровна, радуясь тому, что Соловьева, по-видимому, не обидела ее бесцеремонная правдивость.

Она решила на всякий случай умерить свою разговорчивость, больше слушать, запоминать, зарисовывать даже. Она никогда не расставалась с большим блокнотом, еле уместившимся в сумке.

Новое цеховое кафе было будто срисовано с кафетериев, которые художница видела за границей, всего месяц назад. Столики без скатертей — отполированные, изящные и в то же время довольно широкие для большего удобства, устойчивые. Возле каждого — четыре разноцветных стула. Занавески на окнах тоже четырехцветные, но они не производят впечатления пестроты — яркие, славные.

Соловьев оглянулся вокруг и похвалил Рыжикова за умение заниматься реальными конкретными делами:

— Не фантазиями несбыточными, а тем, что нужно каждому труженику; до смены зашел сюда, подзаправился, после смены опять зашел, отдохнул в уюте, подытожил мысленно или с товарищами рабочий день, прикинул задачи на завтра.

И, может быть, потому, что сам Вячеслав Федорович не умел ограничиваться только подытоживанием, он добавил укоризненно:

— А зал конференций на что похож! Сумели оформить кафе во время субботников, теперь приведите зал в божеский вид!.. Так постепенно будем толкать жизнь вперед...

— Жизнь движет вперед прежде всего мечта, Вячеслав Федорович! — сказал Рыжиков.

Он, кажется, чувствовал себя здесь ловчей и уверенней, чем в зале, на трибуне, скорее всего потому, подумала Люция, что локти сейчас у него не свисали, а широко лежали на столе и не было необходимости переворачивать страницы тяжелыми пальцами.

«Он за то, чтобы мы вмешались в судьбу Красного Бора», — молча обрадовалась художница. Она с удовольствием пила кофе и не сразу заметила, что мысленно объединила себя с рабочим коллективом: «мы».

Но искра радости исчезла под прямым взглядом Вячеслава Федоровича, — из-под бровей, будто из чащи зимней хвои.

И вдруг, словно сжатая пружина распрямилась, хлестнула по собеседникам:

— В Красном Бору работает институт Альфреда Семеновича Мараньева. Неподготовленно противостоять ему — самоубийство, — сказал Вячеслав Федорович. — Мараньев выучился лицемерию, пока работал за рубежом. Его добродушие — маска. Он мстителен, властолюбив. Умен. Высокомерен. Обладает связями, из которых весьма ловко тклет паутину... Понятно?

— А подготовленно... противостоять? — с запинкой спросила Люция.

— Не знаю. Пока не знаю, — твердо сказал Соловьев.

Люция кивнула. Молча. У нее перехватило дыхание, как бывало давным-давно, когда в Москве раздавалось странно спокойное, как бы наполненное уверенностью предупреждение: «Граждане, воздушная тревога!» Люция никогда не уходила, тем более, не убегала в бомбоубежище. Оставалась в цехе. Ей чудилось, что ее самые обычные рабочие движения противостоят надвигающейся паучьей свастике...

Соловьев еще что-то говорил, Люция не слушала. Думала о своем. Она догадалась, кто прототип «Паука».

КАК В НЕВЕЕСОМОСТИ

А. ГОЛИКОВ,
Э. ЭТТИНГЕР,
фото авторов

Испытатели заняли свои места. Леонид Павлович приказал им спать, и они послушно заснули. Дышали ровно, глубоко, даже прихрапывали. Тогда ученый приступил к формированию у них новой, необычной субъективной установке к гравитационным ощущениям.

Известно, что отрицательное влияние невесомости на человеческий организм — одно из существенных осложнений на пути освоения космического пространства. Эта проблема продолжает тщательно изучаться. Кроме физиологических исследований в космических полетах, широко используются различные наземные тренажеры, в том или ином приближении моделирующие состояние невесомости. Недавно ученые предложили психическую модель невесомости для наземных инженерно-психологических исследований возможностей человека в космосе.

— Идея создания этой модели

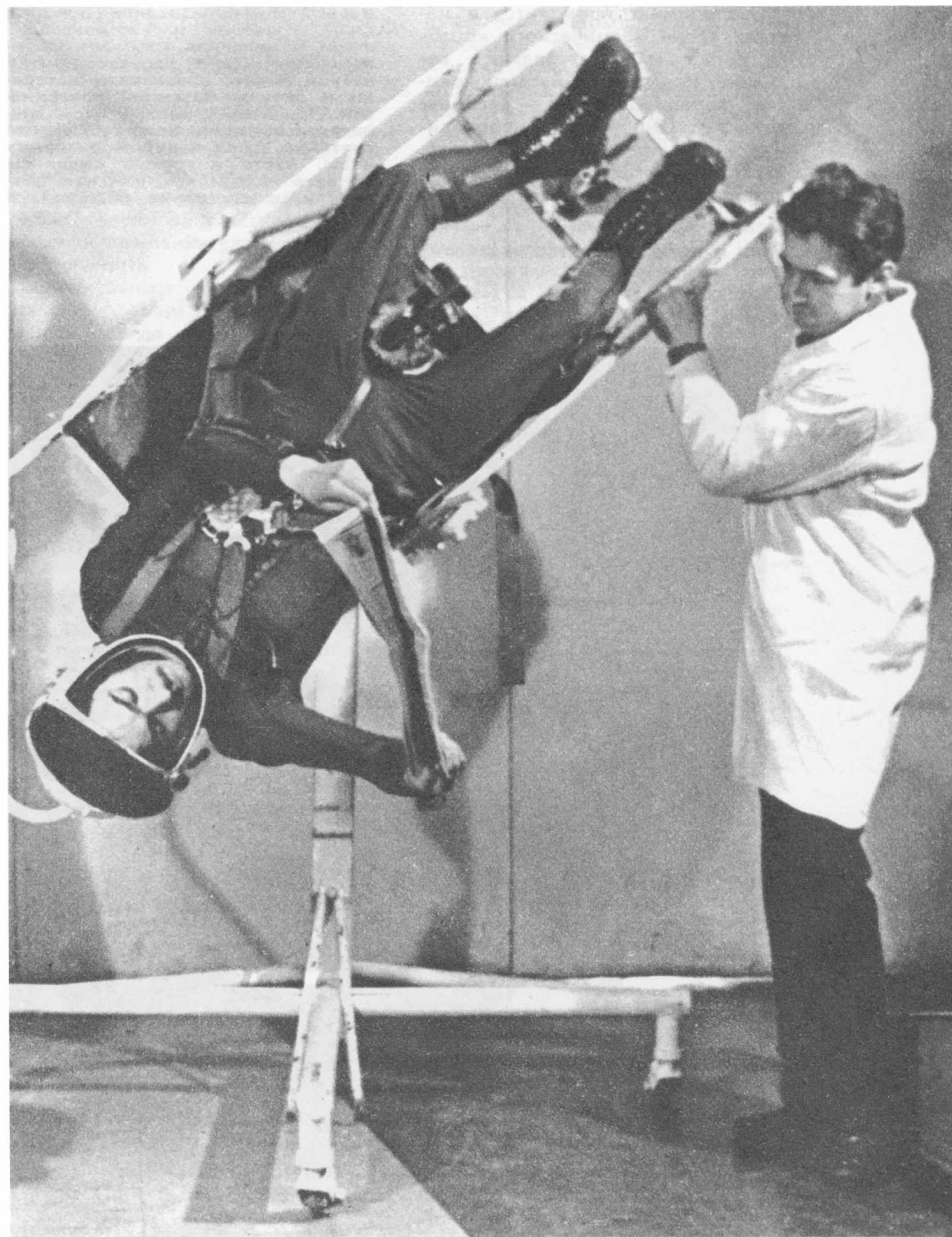
возникла в процессе научных экспериментов с гипнозом, — рассказывает доктор медицинских наук Леонид Павлович Гримак. — Ведь внушение не только вызывает определенные ощущения, но организм соответственно реагирует на них. Скажем, сначала вам внушат, что пятак, вынутый из кармана, раскален. Потом дотронутся им до руки, и вы вскрикнете от ожога, а на руке вздуется волдырь. Или, ударив испытуемого по руке свернутым в трубку листом бумаги, скажут, что ударили палкой, — на месте удара появится синяк.

Значит, если человек с помощью внушения будет длительное время переживать ощущение почти полной невесомости, в его организме должны происходить функциональные сдвиги, близкие к тем, которые бывают в условиях космического полета.

— Но ведь такие явления могут быть вызваны внушением только в том случае, если они имелись у человека раньше. А невесомость? Многие ли испытали это состояние?

— Видите ли, ощущение реального изменения веса собственного тела, его повышения или понижения встречается в повседневной жизни человека нередко: при полете на самолетах, в скоростных

И так читать удобно.

Эксперимент проводит доктор медицинских наук Л. П. Гримак.

лифтах, в бассейне и особенно во время прыжка с какого-либо возвышения. В состоянии гипноза эти кратковременные впечатления можно растянуть во времени. Субъективные переживания, испытанные в невесомости, прочно фиксируются в памяти в комплексе с соответствующими вегетативными реакциями и могут быть вновь активизированы, а их действие продлено специальным внушением на произвольно заданное время. Сегодня вы можете присутствовать на очередном таком эксперименте.

Эксперимент проводится в макетах кабин космического корабля, сделанных в натуральную величину. Испытателями были крепкие парни двадцати—двадцати двух лет. Они прошли необходимую операторскую подготовку, достигнув общепринятого для космонавта показателя, который

называют «выход на функциональное плато».

Л. П. Гримак начал заниматься гипнозом еще в студенческие годы. А когда стал врачом-невропатологом, внушением излечивал заикание, отучал курить... Сейчас он внушал испытуемым, что их нервы постепенно становятся нечувствительными к весу своего тела. Поэтому они отчетливо ощущают, что собственное тело теряет вес, становится очень легким, почти невесомым. Руки невесомы, они всплывают в воздух.

Смотрим, и верно: руки у испытуемых всплыли, а у одного даже слегка приподнялись ноги. А ученый, продолжая внушение, говорил, что это ощущение у них закрепится и станет еще более отчетливым после того, как они полностью проснутся. Ощущение сохранится до тех пор, пока нервам не будет возвращена прежняя чувствительность к весу. Потом Леонид Павлович вывел испытуемых из состояния гипнотического сна. Спросил, как они себя чувствуют.

Один отвечал: «Словно пушинка: ветер дунет — улечу!» Другой также подтвердил, что стал очень легким, боится выпрямиться, — всплывает к потолку.

Испытуемые «с новым гравитационным ощущением» приступили к выполнению программы эксперимента. А она соответствовала программе космического полета значительной длительности и была весьма насыщена.

Рабочий день длился 10 часов. Испытуемые производили ориентацию «корабля» и «астрономические» наблюдения, работали на телеграфном ключе, передавая знаки азбуки Морзе, опознавали материк и океаны наземной поверхности. При этом в первые часы «полета» испытуемые вели себя как-то суетливо, были излишне разговорчивы, часто и громко смеялись. То есть находились, как нам объяснили, в состоянии эйфории. К

концу рабочего дня это состояние прошло. Осанка испытуемых изменилась. Они стали держаться прямее, словно устремляясь вверх, движения обрели плавность, какую-то закругленность. Ходили испытуемые на цыпочках, покачиваясь и балансируя руками. После трудового дня с аппетитом поужинали бортовым пайком космонавтов и доложили, что вкусовые ощущения «как всегда».

Строго по программе проходили сутки за сутками. В протоколе исследований отмечалось, что однажды внушенное ощущение частичной невесомости с течением времени не только не ослабевало, а, наоборот, закреплялось. Двигательные нарушения при ходьбе у испытуемых с течением времени уменьшились, однако темп ходьбы оставался замедленным, изменился ее характер. Испытуемым казалось, что рычаги управления стали им хуже поддаваться, требовали больших усилий, и операторская деятельность ухудшилась. Но это отмечалось лишь в первые сутки «полета».

Интересные результаты показала регистрация электрических потенциалов различных групп мышц у испытуемых. Оказалось, что при переживании в земных условиях частичной невесомости у человека появляется неосознанный прирост тонуса мышц-разгибателей. Происходило своеобразное подсознательное вычитание части усилий, необходимых для преодоления неизменно действующей силы тяжести, но эта реакция имеет место только во время движений. Следовательно, для того, чтобы эффект невесомости тела проявлялся максимально на физиологических и биохимических функциях, испытуемый должен находиться в полном покое. Справедливость этого допущения была подтверждена в эксперименте. Частота пульса у испытуемых с обычных для них величин (60—70 ударов в минуту) во время ночного сна снижалась до необычных цифр: 36—38.

Под конец эксперимента нам разрешили побеседовать с испытуемым, который ночью спал, держа руки и ноги приподнятыми, на весу.

«Так они же невесомые, сами всплывают», — объяснил он и рассказал, что вначале у него было

удивительное ощущение нереальности собственного тела. Потом оно вроде бы стало еще легче, но к этому он уже привык. Ему казалось, что при каждом вздохе он слегка отрывается от пола, и поэтому все время хотелось за что-нибудь держаться. Жаловался на легкое головокружение. Но аппетит был хороший, спал крепко.

Когда время эксперимента истекло, Леонид Павлович снова ввел испытуемых в гипнотическое состояние, а потом стал внушать, что теперь они начинают все отчетливее чувствовать свой вес и он постепенно восстанавливается до нормального. «Увеличение» веса он производил в течение десяти минут. При этом врачи внимательно следили за сердечной деятельностью, кровяным давлением и дыханием испытуемых. Когда испытуемые подтвердили, что стали вполне весомыми, Гримак так же медленно и осторожно вывел их из состояния гипноза.

Оказалось, что восстановление нормальной гравитационной чувствительности принесло с собой такие же своеобразные ощущения, как и при возвращении из космоса. Один из испытуемых с трудом встал и, пошатываясь, сделал несколько шагов, с явным усилием отрывая ноги от пола. «Они очень тяжелые», — объяснил он. Другой говорил, что трудно держать голову, что, когда сидишь, сильно давит кресло, а руки прямо-таки налиты свинцом. У обоих испытуемых отмечались несколько учащенное дыхание и сердцебиение.

...Так закончился этот эксперимент, основанный на целенаправленном формировании «гравитационной анестезии».

Руки и ноги становятся «невесомыми».

ПОТОМСТВУ В ПРИМЕР

В. ШАВШИН

Летом 1983 года исполняется 200 лет со дня основания Севастополя — города неповторимой легендарной судьбы. О его героическом прошлом напоминают свыше 1200 памятников. Первый из них был воздвигнут экипажу брига «Меркурий».

Бриг заложили 28 февраля 1819 года на стапелях севастопольского адмиралтейства. Корабельные мастера под руководством опытного черноморского инженера Ивана Яковлевича Осминина построили его из крепкого крымского дуба. Уже 7 мая 1820 года состоялся торжественный спуск на воду брига, получившего имя бога мореплавания и торговли Меркурия.

...Шла русско-турецкая война 1828—1829 годов. В мае 1829 года в рейсерское плавание к Босфору послали отряд кораблей, состоявший из фрегата «Штандарт», брига «Меркурий» и «Орфей».

Обнаружив русских, два турецких линейных корабля бросились в погоню. Более быстрые «Штандарт» и «Орфей» ушли вперед, а тяжеловатый «Меркурий», потерявший скорость из-за слабого ветра, отстал. Вооруженные 184 пушками «Селимие» и «Реал-бей» стали наступать «Меркурий». Капудан-паша уже предвещал скорую победу...

Командовал «Меркурием» капитан-лейтенант Александр Иванович Казарский. Начав службу 14-летним волонтером, он окончил Николаевское военное училище, плавал на судах Черноморского флота, служил на Дунае. За мужество, проявленное в военных действиях при взятии крепостей Анапа и Варна, получил чин капитан-лейтенанта и саблю с надписью «За храбрость», врученную ему адмиралом Грейгом.

...Видя неизбежность боя, А. И. Казарский созвал офицеров для военного совета. С командиром их было пятеро: лейтенанты С. И. Скарятин и Ф. М. Новосильский, мичман Д. П. Притулов и поручик корпуса флотских штурманов И. П. Прокофьев.

По традиции, заведенной на флоте еще при Петре I, младший по чину Иван Прокофьев высказался первым. Он выразил мнение, достойное русского моряка: драться с противником до последней возможности, а когда не останется никакой надежды, подойти ближе к турецкому кораблю и взорвать бриг вместе с ним. Мнение остальных офицеров и всех моряков было единодушно: сражаться и, если будет необходимо, отдать жизнь за честь русского флота.

На шпиль рядом с кройт-камерой положили пистолет. Последний, кто останется в живых, должен будет выстрелом в запасы пороха взорвать бриг...

В это время к «Меркурию» на пушечный выстрел подошли линейные корабли неприятеля — 110-пушечный «Селимие» и 74-пушечный «Реал-бей». На предложение турок «Сдавайся, убирай паруса» русские ответили огнем.

Завязался неравный бой, беспримерный в истории: 184 орудия турок против восемнадцати русских.

Умело маневрируя, меткими залпами русские повредили такелаж корабля «Селимие», и тот потерял управление. Бой продолжался с «Реал-беем».

Когда турецкий корабль был почти рядом, вражеский стрелок прицелился в командира «Меркурия». Заметив это, матрос Антон Щербакос бросился к Казарскому. Пуля, предназначавшаяся капитан-лейтенанту, пробила грудь моряка...

Уже более четырех часов длился бой. Командир брига был контужен, восемь человек команды получили ранения, четверо погибли. Несколько раз на «Меркурии» возникал пожар, бриг — 29,6 метра в длину и 9 в ширину — имел 22 пробоины, около трехсот других различных повреждений. Но и второй турецкий корабль, «Реал-бей», получив повреждения, стал отставать и вскоре прекратил преследование.

Изнанченный бриг победил. Решимость и твердость двадцативосьмилетнего капитана, храбрость и неустрашимость команды привели их к победе.

Свидетель этого героического боя штурман «Реал-бея» через некоторое время написал в изумлении: «...Дело неслыханное и невероятное. Мы не могли заставить его сдаться: он дрался, ретируясь и маневрируя со всем искусством опытного военного капитана, до того, что, стыдно сказать, мы прекратили сражение, и он со славой продолжал путь. Бриг сей должен был потерять, без сомнения, половину своей команды, потому что один раз он был от нашего корабля на пистолетный выстрел...»

Ежели в великих деяниях древних и наших времен находятся подвиги храбрости, то сей поступок должен все оные помянуть, и имя сего героя достойно быть начертано золотыми буквами на храме славы...

Вскоре весь мир узнал о блистательной победе черноморских моряков.

Бриг «Меркурий» заслужил почетное право носить георгиевский кормовой флаг и георгиевский вымпел на грот-мачте. До «Меркурия» только один линейный корабль «Азов» за участие в Наваринском сражении удостоился подобной чести.

Специальным указом в ознаменование подвига брига предписывалось всегда иметь в русском флоте корабль с названием «Память Меркурия».

Капитан-лейтенанта Казарского произвели в чин капитана второго ранга, наградили орденом Святого Георгия 4-й степени и зачислили в царскую свиту флигель-адъютантом. Остальные офицеры были повышены в чинах и получили ордена, матросы — знаки отличия военного ордена.

Рескриптом царя изображение пистолета было внесено в дворянские гербы офицеров «Меркурия».

В память о славном подвиге брига в 1833 году отчеканили специальную медаль для моряков, о которых в рапорте 15 мая 1829 года Казарский писал: «...только достойному удивления духу всего экипажа... приписать должно спасение флага и судна...»

О героях «Меркурия», совершивших, по словам современника, «сие неслыханное, невероятное и почти как бы невозможное событие», написал пламенные стихи герой Отечественной войны 1812 года Денис Давыдов; художники Айвазовский, Боголюбов запечатлели на своих полотнах подвиг черноморских моряков.

Флигель-адъютантские эполеты не вскружили голову сыну отставного губернского секретаря, управляющего именем князя Любомирского Ивана Кузьмича Казарского.

Честность и прямота А. И. Казарского, привитые ему отцом с

детства, неумение гнуть спину не соответствовали чину царедворца. Казарский считал потерянным каждый день, проведенный без моря и флотской службы.

Он побывал в Англии, где изучал состояние королевского флота, исследовал возможность организации водного пути из Белого моря до Онеги...

В июне 1833 года капитан 1-го ранга Казарский внезапно скончался. В Николаеве на его могиле по проекту архитектора А. А. Авдеева был установлен памятник. Желая, по словам адмирала М. П. Лазарева, «сохранить в потомстве память виновника блистательного подвига», моряки Черноморского флота пожелали на свои средства открыть в Севастополе памятник героям брига «Меркурий».

В сборе средств приняли участие и моряки Балтийского флота. К концу 1834 года, как говорят подписные листы, хранящиеся в ЦГАВМФ Ленинграда, было собрано 12 тысяч рублей.

До недавнего времени считалось, что памятник А. И. Казарскому и экипажу брига «Меркурий» был открыт в 1834 году. Старшему научному сотруднику Музея героической обороны и освобождения Севастополя О. Ю. Грабар удалось найти архивные документы и установить, что только в мае 1835 года был принят эскизный проект памятника, выполненный архитектором, академиком А. П. Брюлловым, братом знаменитого художника.

Строительство памятника затянулось. В 1837 году адмирал Лазарев пишет рапорт начальнику главного морского штаба и просит его представить «на высочайшее утверждение» варианты надписей на обелиске, так как «постройка... отдана уже одному известному в Севастополе каменным дел мастеру, а назначенные для того в рисунке украшения заказаны на заводе».

В июле того же года был утвержден текст на памятнике, но только в декабре 1839 года Лазарев сообщает в Петербург: «Памятник Казарскому с чугунной вокруг решеткой совершенно окончен».

На Матросском (бывшем Мичманском) бульваре стоит этот памятник — первый на севастопольской земле. На высоком прямоугольном постаменте, слегка сужающемся кверху, установлена чугунная трирема (античное военное судно). В верхней части постамента бронзовые военные атрибуты. На чугунном плите рельефы, отображающие в аллегорической форме бой «Меркурия» с турецкими кораблями. На трех сторонах плиты изображены: на лицевой, северной стороне — барельеф бога морей Нептуна, на южной — богини победы Nike, на восточной — Меркурия. На западной стороне памятника, обращенной к морю, — барельефный портрет командира брига А. И. Казарского.

На памятнике удивительно лаконичная и выразительная надпись: «Казарскому. Потомству в пример».

БУДЕМ ВЗАИМНО ВЕЖЛИВЫ

КАК ВАС ОБСЛУЖИВАЮТ

Разные бывают стихийные бедствия: пожары, землетрясения, ураганы, всемирный потоп, ремонт квартиры, протечки. Ну, уж, скажут некоторые, последнее — явно преувеличение. Но так могут думать только те счастливицы, которые этого не испытывали. Представьте себе картину.

Уютный тихий вечер. В доме небольшое семейное торжество. Стол сверкает белозной скатертью, начищенными приборами, переливающимися гранями хрусталя. Гости все нарядны, оживлены. Звучат тосты, шутки, смех. Вдруг из-под двери комнаты выползает струйка воды. Хозяйка вскакивает, открывает дверь и... о ужас — кухня и коридор в воде, а в ней мирно плавают коврик, дорожка, домашние тапочки, опрометчиво оставленные гостями у входа ботинки, дамские сапожки. С потолка каплет не густой, но явно устойчивый дождик.

Празднику пришел конец: советские гости кидаются за тряпками, ведрами, тазами. Хозяйка же, не надеясь на собственные силы, звонит в диспетчерскую жэка. Специалист, слесарь-сантехник Николай Орлов явился незамедлительно. Вооруженный для борьбы со стихией по последнему слову техники, он решительно подошел к раковине, из которой уже фонтанировала не просто вода, а какая-то жидкая, темная грязь. Была вызвана с дежурства соседка с верхнего этажа. Ее квартира находилась не в лучшем положении. В квартире третьего этажа прочистить стояк никак не удавалось, хотя на свет божий были вывешены горы сгнивших капустных листьев, картофельной шелухи, спитого чая и прочих пищевых отходов, которым там совсем не место и которые нерадивые хозяйки ленятся выбрасывать в специальные ведра. Слесарь перепробовал все свои инструменты, но все безрезультатно. Только к концу вторых суток из раковины нижней квартиры с шумом, словно пробка от шампанского, выскочила вилка. Выяснилось, что в квартире третьего этажа гуляла шумная компания и кто-то умудрился пропихнуть вилку в отверстие кухонной раковины.

История эта не выдумана. Рассказала нам ее в своем письме наша читательница москвичка З. Т. Хесина. Так вот один какой-то «варвар» сумел одним небрежным жестом отравить жизнь людям сразу на трех этажах, превратив благо цивилизации — водопровод в источник стихийного бедствия под названием протечка.

— Вы очень ошибаетесь, когда говорите о «варваре» в единственном числе, — поправил нас начальник жэка № 8 В. В. Куренко. — Случай этот, к сожалению, не исключительный. Мы обслуживаем

двадцать девять домов, в которых проживает 7638 человек. Каждый со своим характером, со своими привычками, не всегда самыми благородными. Дома наши не новые, в основном по двадцать—двадцать пять лет стоят без капитального ремонта и, естественно, требуют особенно бережного отношения. Но, к сожалению, еще многие жильцы относятся к своим квартирам как к чужим. Уверен, что на собственной дачке, построенной своими руками, ни один человек не допустит безобразия, которое здесь считается почти нормой. Практически почти все аварийные состояния происходят по вине жильцов: то забыли выключить кран и ушли в магазин, то устроили короткое замыкание, от которого пострадал весь подъезд.

И что говорить, все возмущается, что в подъезде совершенно нового дома тут же появляются «настенные рисунки», надписи самого разнообразного содержания, вплоть до непристойного. С невиданной быстротой вывинчиваются лампочки в световых табло у лифта, указывающие этажи, с мясом вырываются динамики из переговорного устройства для вызова диспетчера. Кодовые аппараты в подъездах становятся жертвами радиолюбителей. Говорят, что это дело рук каких-то пришлых хулиганов или детей неразумных.

— Чаще всего так говорят оттого, что стыдно, стыдно за самих себя, за свое безобразное отношение к собственному дому. Государство бесплатно предоставляет нам это жилье, бесплатно производит ремонт его. Так нельзя же так беспардонно, не по-хозяйски пользоваться всеми этими благами, — включается в разговор мастер ремонтно-строительного управления, обслуживающего этот же 8-й жэк, Алевтина Михайловна Авергиева. — Вернемся к разговору о тех же протечках, кто здесь виноват? Конечно, жильцы, которые не могут поставить в раковину элементарную пластмассовую решетку, не позволяющую проскочить в водопроводную сеть крупным предметам. А то ведь наши слесари-сантехники что только не вылавливали, не вытаскивали из труб: ложки, вилки, ножи, отвертки и прочую домашнюю утварь. Вот на днях в 36-м доме на 3-й Парковой залило пять квартир. Слесарь разобрал всю систему и в конце концов обнаружил тряпку, которую нужно было выбросить на помойку. В двадцать пятый дом жильцы так усердно поливали стенку ванной из гибкого шланга, что она в конце концов совсем прогнила и уже как губка впитывала воду, которая потом протекала в нижнюю квартиру. И каждый раз жэк должен был разбирать ссоры, конфликты между соседями. А не проще было бы промазать вовремя щели между плитками цементом в собственной же ванной и не портить себе и другим нервы? Другая крайность, когда жильцы вдруг решают полностью установить новое оборудование: голубые, розовые ванны, раковинно-тюльпаны, плитку от пола до потолка. Желание понятное, но беда в том, что делают это чаще всего какие-то случайные мастера. Так замуруют этот «тюльпан», что до труб и не доберешься. Вот и приходится слесарю сначала отбивать плитку, потом снова заделывать. На диспетчерской службе на одного сантехника в сме-

ну — две тысячи четыреста квартир, в каждой из которых может быть аварийное положение, а он как раз занят укладкой розовой плитки.

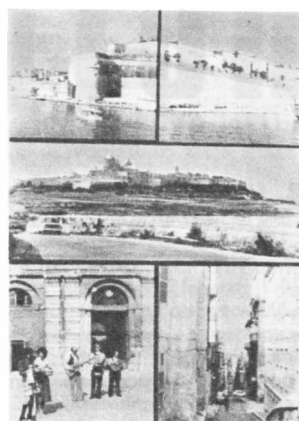
...Критиковать всегда проще, поэтому подчас мы, не замечая своих собственных недостатков, весь свой пафос обрушиваем исключительно на обслуживающий персонал. Тем более, что действительно наша сфера обслуживания не на уровне «мировых стандартов». Тем не менее послушаем еще критикуемую сторону, узнаем, что же они думают о нас, о тех, кого они обслуживают.

— Недостатков в нашей работе масса, устранить их — наша первоочередная задача, — высказывает свои соображения Виктор Васильевич Куренко. — С 1972 года службы РЖУ и РСУ разъединились. Это хорошо и плохо. Хорошо, что жильцы могут позвонить в диспетчерскую РСУ и вызвать электрика, слесаря. Плохо, на мой взгляд, что нам, жэку, они уже не подчиняются, и поэтому мне сложнее разрешать возникающие между моими жильцами и мастерами конфликты. Практически РСУ работает как наш подрядчик.

Или вот другая сложность. По правилам все затраты по ремонту залитой квартиры должен нести человек, повинный в этом. Хорошо, если он беспрекословно заплатит все по официально составленной смете. Но сплошь и рядом он отказывается делать это, и тогда подавай в товарищеский суд, а если сумма превышает 50 рублей, то в народный суд. Бывают случаи, когда товарищеские суды по два-три года не могут добиться разрешения конфликта. Виновные выжидают, у кого скорее лопнет терпение: то ли жэк за счет государства отремонтирует квартиру, то ли пострадавший сам засучит рукава.

Слушая рассказ Виктора Васильевича Куренко, человека энергичного, делового, приходишь к мысли, что уповать на одну сознательность жильцов трудно. Нужны какие-то иные меры борьбы с хулиганством в быту, а иначе и нельзя назвать то, что делается порой за закрытыми дверями отдельных квартир. Помнится, несколько лет назад, беседуя с архитекторами нового района Вильнюса, узнала о деловой инициативе работников жэков и местного телевидения. Стоило, например, кому-либо из жильцов самовольно застеклить балкон на торцевой стороне дома или устроить склад ненужных вещей на глазах у всей улицы, в тот же вечер неряшливый хозяин мог видеть себя на экране телевизора с точным указанием имени, отчества и места работы. Надо, вероятно, сделать так, чтобы руководство жэков было вооружено большими правами в своих взаимоотношениях с жильцами, чтобы жэк был не только обслуживающим органом.

В. МОРОЗОВА

Константин КАПИТОНОВ

...К Мальте подлетали ночью. Пассажиры старенького самолета, дремавшие в мягких креслах, словно по команде прильнули к иллюминаторам в надежде увидеть с высоты птичьего полета Мальтийский архипелаг. Это пять небольших островов, расположенных в центре Средиземного моря. Под крылом мерцали огнями притихшие в объятиях волн самый крупный, давший название всему архипелагу остров Мальта, второй по величине остров Гоцо, где, очарованный красотой нимфы Калипсо, провел семь прекрасных

О МАЛ

лет отважный путешественник Одиссей, и третий населенный остров — Комино, на пляжах которого, как утверждают составители туристических проспектов, «самая прозрачная вода». Два других крошечных островка архипелага — Коминотто и Филфла — до сих пор необжиты, но являются, если верить путеводителям, «идеальным местом для тех, кто желает отдохнуть от городской суеты».

ПРОШЛОЕ И НАСТОЯЩЕЕ

Далекое прошлое ощущается здесь почти на каждом шагу, напоминая о тех бурных временах, когда на Мальте хозяйничали сменявшие друг друга завоеватели. Кто только не захватывал этот многострадальный остров! Финикийцы, греки, карфагеняне, римляне, арабы. В 1530 году Мальтой

завладели рыцари военно-духовного ордена св. Иоанна Иерусалимского, основанного в 1113 году в Палестине, но чаще именуемого Мальтийским орденом. Почти три века правили рыцари островом, пока в 1798 году его не захватил Наполеон Бонапарт. Сам император пробыл на Мальте лишь шесть дней, так как шел покорять Египет, но французы задержались на острове до 1800 года, когда его после 14-месячной блокады оккупировали англичане.

— Вплоть до семидесятых годов нашего века Мальта притягивала Англию своим удобным стратегическим положением, — говорил мне министр иностранных дел Алекс Тригона. — Во времена своего господства англичане использовали остров как опорный пункт в Средиземном море. Естественно, все тяготы колониальной политики ложились на плечи трудящихся мальтийцев.

Но в конце концов английским «томми» пришлось убраться, — с улыбкой говорит Алекс Тригона. — Разумеется, победа далась нам нелегко. Колонизаторы отчаянно цеплялись за остров, который служил им и их натовским союзникам удобной военно-морской и военно-воздушной базой, расположенной на перекрестке путей из Европы в Африку, на Ближний Восток и в Азию.

Антиколониальные выступления мальтийского народа начались

полии. Наконец, на острове осталась военно-морская и военно-воздушная база, что не исключало для Мальты возможности быть втянутой в какую-нибудь авантюру, предпринятую натовскими правилами. Вот почему мы продолжали бороться за полную независимость нашей страны.

Успеху в этой борьбе способствовала победа мальтийской лейбористской партии во главе с Домиником Минтоффом на парламентских выборах 1971 года. Опираясь на поддержку трудящихся страны, лейбористское правительство смогло осуществить ряд прогрессивных реформ, которые способствовали демократическому развитию Мальты и укреплению национальной независимости. Так, в декабре 1974 года правительство Минтоффа провело через парламент две поправки к конституции, в соответствии с которыми Мальта была провозглашена республикой, а вместо английской королевы главой государства стал мальтиец. Был также снижен возрастная избирательный ценз с 21 года до 18 лет, введены ограничения на деятельность церкви, имевшей до недавнего времени большую власть и влияние.

Кроме того, правительству лейбористов удалось осуществить и ряд социально-экономических преобразований, главные из которых — передача под контроль рабочих-судостроителей сухих до-

так низко, что едва не задевали купола соборов. Я стоял у входа в отель «Драгонара» и поджидал Анджелу — сотрудницу министерства информации. Ей поручили показать мне достопримечательности столицы. Она опаздывала. Я разговорился с портье, скучавшим на ступеньках гостиницы.

— Скверная погода, — сказал я первое, что пришло в голову.

— Наоборот, отличная, — возразил он и добавил: — Мальтийцы были бы счастливы, если бы такие дожди шли чаще. Ведь на нашем острове нет ни одной речки, ни одного водоема с пресной водой. Только море вокруг. Вы, наверное, обратили внимание на таблички в отеле, призывающие экономить воду? Увы, ее не хватает. Пусть вас не удивляет, но бутылка воды у нас стоит дороже виски.

Последняя фраза была шуткой, но в ней содержалась доля правды: Мальте с водой не повезло. И парадокс состоит в том, что земля на острове плодородная, может, как мне говорили, давать до трех урожаев в год. Но летом уровень подземных вод опускается настолько, что в городах приходится почти через день отключать воду.

Мальтийцы не падают духом. Заботливо обрабатывают они землю, вырачивают хорошую пшеницу, сочные помидоры, кукурузу, душистые цитрусовые.

Представители «беспокойного племени» медленно брели по центральной улице, щелкали фотоаппаратами, наводили объективы кинокамер на достопримечательности, останавливались у сувенирных лавок и магазинов.

— Туризм остается основой нашей экономики, — вспомнились мне слова министра туризма Мальты Динни Кремона. — Число туристов, приезжающих к нам, с каждым годом возрастает. В среднем на Мальте бывает по два туриста на каждого мальтийца ежегодно. Должен сказать, что обслуживанием туристов у нас заняты почти двадцать тысяч человек. Это в несколько раз больше, чем в сельском хозяйстве и промышленности, вместе взятых. Однако нас беспокоит тот факт, что экономика страны базируется на туризме.

Эту мысль высказывали и другие мои собеседники, подчеркивая при этом, что, хотя Мальта и добилась ухода английских войск, зависимость молодой республики от Англии еще сохраняется. Вот почему кабинет премьер-министра Доминика Минтоффа сейчас активно ищет новые пути укрепления экономической независимости республики. Одним из таких путей лейбористское правительство считает установление более широких связей с социалистическими странами.

В скверике перед Националь-

ЬТЕ И МАЛЬТИЙЦАХ

еще в начале двадцатых годов. Но подлинно массовый характер национально-освободительное движение приняло в конце пятидесятых. Англичане отвечали жестокими репрессиями на все возмущавшее недовольство мальтийцев. Но, поняв, что кнут не лучшее средство для сдерживания народного гнева, Англия решила прибегнуть к «прянику». В 1962 году она восстановила отмененную за три года перед этим конституцию Мальты, а еще через два года предоставила острову «независимость в рамках Британского содружества».

— Мы понимали, что независимость эта формальная, что для полной ликвидации английского засилья нам придется еще побороться, — продолжал рассказывать мой собеседник. — Посудите сами: все, начиная от телеграфной связи и кончая высшей судебной властью, замыкалось на Англии и британском губернаторе. По радио и телевидению мальтийцам рассказывали о жизни английской королевской династии и ни слова не говорили об истории их собственной страны. Наша валюта, привязанная к английскому фунту, в полной мере испытывала на себе пагубные последствия финансовых потрясений в бывшей метро-

ков, установление государственного контроля над банками, воздушным и морским транспортом, телефонной и телеграфной связью, радио и телевидением. Наконец, приняты законы о заработной плате и социальном обеспечении, облегчавшие положение многодетных и низкооплачиваемых рабочих.

И все-таки нерешенных проблем еще много: инфляция, дороговизна, трудности в сельском хозяйстве, обеспечение работой. Но нынешнее правительство понимает, что большинство проблем вызвано зависимостью мальтийской экономики от капиталистических стран. Вот почему в последние годы, пытаясь найти решение внутренних проблем, правительство Мальты активизировало усилия по расширению экономических связей с рядом развивающихся стран и некоторыми социалистическими государствами. Долгим и трудным был путь мальтийского народа к свободе и независимости.

ПО РИПАБЛИК-СТРИТ

Ночью шел дождь. К утру он стих, но небо было затянуто тяжелыми тучами, которые плыли

— А картофель мы даже экспортируем, — с гордостью сообщил портье. — Причем по своим вкусовым качествам он даст сто очков вперед английскому.

Мы, наверное, еще долго говорили бы о сельском хозяйстве, но в это время появилась Анджела. Сев в такси, мы поехали осматривать Валлетту, где, по словам моей спутницы, «каждая улица и каждый дом — это страничка из книги увлекательной, а порой захватывающей истории острова». Водитель не спеша вел старенький «опель» сначала по набережной, затем резко взял вправо и, попетляв по узким улочкам, выехал на площадь, в центре которой возвышался фонтан Тритонов.

Расплатившись с шофером такси, мы пересекли площадь и подошли к гигантским городским воротам в старой крепостной стене, которая 14-километровым кольцом стиснула столицу. Отсюда начинается главная улица Валлетты — Рипаблик-стрит, протянувшаяся на полтора километра до форта Сент-Эльмо.

Мы шли по Рипаблик-стрит, еще не просохшей после дождя, но уже заполненной людьми. Повсюду слышалась разноязыкая речь туристов — английская, французская, итальянская, немецкая.

ной библиотекой, где возвышается памятник надменной английской королеве Виктории, мы присели за столик выпить по чашке кофе. И здесь я неожиданно услышал русскую речь, правда, ломаную, но достаточно ясную, чтобы понять говорившего. А говорили, вернее, пытались говорить, два молодых человека. Извинившись, я спросил, где они изучали русский язык.

— На курсах, — ответили они.

Мы разговорились. Я узнал от Винсента Фаррана и Марио Галеа, как звали моих собеседников, работающих докерами, что на Мальте уже несколько лет существует Общество дружбы Мальта — СССР, которое открыло недавно вечерние курсы русского языка. Общество организует показ советских фильмов, фото-выставки, выступления советских артистов, встречи с гостями из СССР. Двенадцать молодых активистов общества направлены на учебу в Советский Союз. Один из них уже окончил Киевский университет.

— Может быть, и нам удастся поехать учиться в вашу страну, — сказали на прощание Винсент и Марио.

Валлетта.

ВОЗВОДИТ МОЛОДОСТЬ!

...Очень многое зависит от каждого предприятия, каждого цеха и каждой бригады... Это значит—работать не просто дисциплинированно и прилежно, а работать на совесть, умело, результативно, работать красиво, чтобы и другие тебя уважали за твой труд и сам бы ты себя уважал.

Л. И. БРЕЖНЕВ.
Из речи на XVIII съезде ВЛКСМ

Борис С МИРНОВ.
Фото Геннадия КОПОСОВА,
специальные
корреспонденты
«Огонька»

Все смешалось в Старом Осколе. Тихие его улицы по-прежнему горбятся разномастными двухэтажными домиками, но с любого перекрестка можно разглядеть внизу, под городским холмом, белые многоэтажные уступы новостроек, и кажется, что город-крепость, почти четыре столетия то и дело оборонявшийся от врагов, теперь добровольно сам себя окружает кольцом железобетонных великанов. С тех далеких времен, когда река Оскол перестала быть судоходной, город считался провинциальным, а сейчас сюда, как в крупный центр, протянулись новые шоссе и железнодорожные пути, повсюду автомашины с иногородними номерами, техника со всего света, склады забиты грузами, улицы — приезжими. Мягкий среднерусский говор коренных старооскольцев почти не слышен за оканьем и аканьем волжан и рязанцев, гортанным акцентом кавказцев, вопросительными интонациями чуть ли не всех среднеазиатских наречий. Даже иностранные языки нет-нет да прозвучат на улицах — только так и узнаешь прижившихся здесь гостей. Все смешалось в Старом Осколе — в географии и в архитектуре, в городских традициях и в привычках, в самом характере города, который вдруг внезапно, в какие-то считанные годы стремительно помолодел. Пожалуй, только название — Старый Оскол — хранит неизбежную верность истории...

С чего началась новая история города? Пожалуй, с сочетания букв КМА, которыми еще в двадцатые годы обозначали Курскую магнитную аномалию. В районе Старого Оскола, ставшего центром добычи магнитных руд, был построен один из крупнейших в стране горно-обогатительный комбинат, и самыми популярными в городе стали буквы ГОК. А теперь как бы на смену им пришла аббревиатура ОЭМК, ее встречаешь в газетах и на огромных щитах у дорог, видишь на плакатах, на куртках комсомольцев, приехавших в город из разных концов страны. Оскольский электрометаллургический комбинат — это будущее города, а

Один из лучших бригадиров стройки, лауреат премии Ленинского комсомола Виктор Турков.

вернее сказать, сегодняшний его день, потому что комбинат уже живет и властвует во всех городских планах и делах. Слова и термины «бездомный процесс», «крупнейший в мире», «полный цикл обработки», «дешевая высококачественная сталь» теперь знакомы, наверное, любому школьнику в городе. И просто сказать, что город живет в ожидании перемен, будет неправильно: Старый Оскол, строя новейший комбинат, сам вырастает, подтягивается к уровню сегодняшней техники. Может быть, в том и состоит суть научно-технической революции, что она, развиваясь, всегда выходит за рамки чисто производственных проблем. Оказывается, всем, кто хоть как-то причастен к ней, мало лишь выучить ультрасовременные фразы, сломать старые стены и поставить новые: надо, по существу, переосмыслить свою жизнь заново...

— Прежде всего добудем для вас резиновые сапоги! — сказал начальник комсомольского штаба Николай Кулешов, и мы спустились от возвышенных рассуждений о будущем на раскисшую весеннюю землю. Но, оглядевшись, поняли, что нам, скорее, нужны сапоги-скороходы, и в них обогать многокилометровую строительную площадку было бы нелегко. Хорошо, что нашелся на два часа вездеход — «уазик»...

— У нас на одной площадке

разместились сразу три пусковых комплекса, — объяснял по дороге Николай, и мы с безмолвным уважением провожали глазами пятидесятиметровые металлургические установки, вставшие над стройкой гигантской колоннадой, и красноватый прямоугольник цеха окатышей, накрывший бы собой, наверное, целый стадион, и стиснутые стрелами кранов корпуса других цехов и установок, и бесконечные плети труб, поднятых над землей на плечи похожих на мосты эстакад... Большие стройки всегда напоминают мне детские кубики, в беспорядке рассыпанные где попало, и представить, как будет выглядеть собранная из них картинка, воображение просто не в силах.

— Вы-то все здесь, наверное, хорошо представляете, куда каждая труба ведет, — неуверенно предположил я, но Николай засмеялся:

— Куда там! У нас есть точный макет комбината, так вот даже инженеры, специалисты то и дело к нему бегают — проверяют, что с чем стыкуется. Все ведь впервые, такого комбината еще нигде

не было. Представители западно-германских компаний говорят, что таких масштабов в такого рода производстве еще не видели.

— Подождите, что же получается? — удивился я. — Это стройка комсомольско-молодежная, так? Значит, сюда приезжают ребята со всей страны, по комсомольским путевкам, отрядами — все правильно. Энтузиазм — это прекрасно. Но много ли среди них настоящих специалистов, мастеров своего дела, которым можно доверить уникальную стройку? Ведь здесь, вы говорите, на миллиметр ошибиться нельзя...

— А стройку вы назвали не совсем верно: да, комсомольско-молодежная, но еще всесоюзная ударная! Это значит, сюда вся страна присылает самых лучших! Сейчас у нас работает более двух тысяч комсомольцев, ждем еще пополнения. В общем, стройка уже значительно омолодила город — сейчас его жителю в среднем лет двадцать восемь. Конечно, многие приезжают без квалификации, но есть и целые отряды специалистов — например, с КамАЗа. Они нам сейчас особенно нужны, в первом пусковом году. Потом, есть у нас курсы, хорошие наставники, учебно-производственный комбинат — стройка сама по себе хорошая школа. Быстро освоиться, быстро суметь показать, на что ты способен, — вот что такое ударная комсомольская. Хотите, я вас познакомлю с одной из наших лучших комсомольско-молодежных бригад? Там бригадир Виктор Турков, мой сосед — может, слышали, лауреат премии Ленинского комсомола?

Турков, Турков... Я действительно слышал эту фамилию в кабинете секретаря парткома строительства А. В. Строганова. Александр Васильевич рассказывал о напряженном ритме стройки, о том, что некоторые проектные чертежи запаздывали и ряд объектов пришлось строить, как говорится, «с листа». Отсюда — аритмия в снабжении, потери в заработке для монтажников и прочие специфические сложности. Вот такое положение создалось на комплексе водоподготовки. И когда встал вопрос, кто будет там работать, руководство обратилось к бригаде члена ЦК ВЛКСМ, делегата XVIII и XIX съездов комсомола Николая Шевченко и к бригаде Виктора Туркова. Теперь этот участок беспокойства не вызывает... И еще я вспомнил, где мог видеть эту фамилию, — на аллее, где стоят щиты с портретами лучших строителей, и на диаграмме хода соревнований бригад... В общем, мы поехали в бригаду Туркова.

Сегодня штукатуру-малюру Татьяне Молчановой вручен комсомольский билет. Ее поздравляют подруги — Галина Белафина, группкомсорг Гюзель Музафарова и Наталья Захарова. * В Старом Осколе открыта детская школа искусства.

НА РАЗВОРОТЕ ВКЛАДКИ: Флаг трудовой славы поднят в честь победителей соревнования — комсомольско-молодежной бригады В. П. Шестакова. * Бульвар Дружбы в новом районе Старого Оскола.

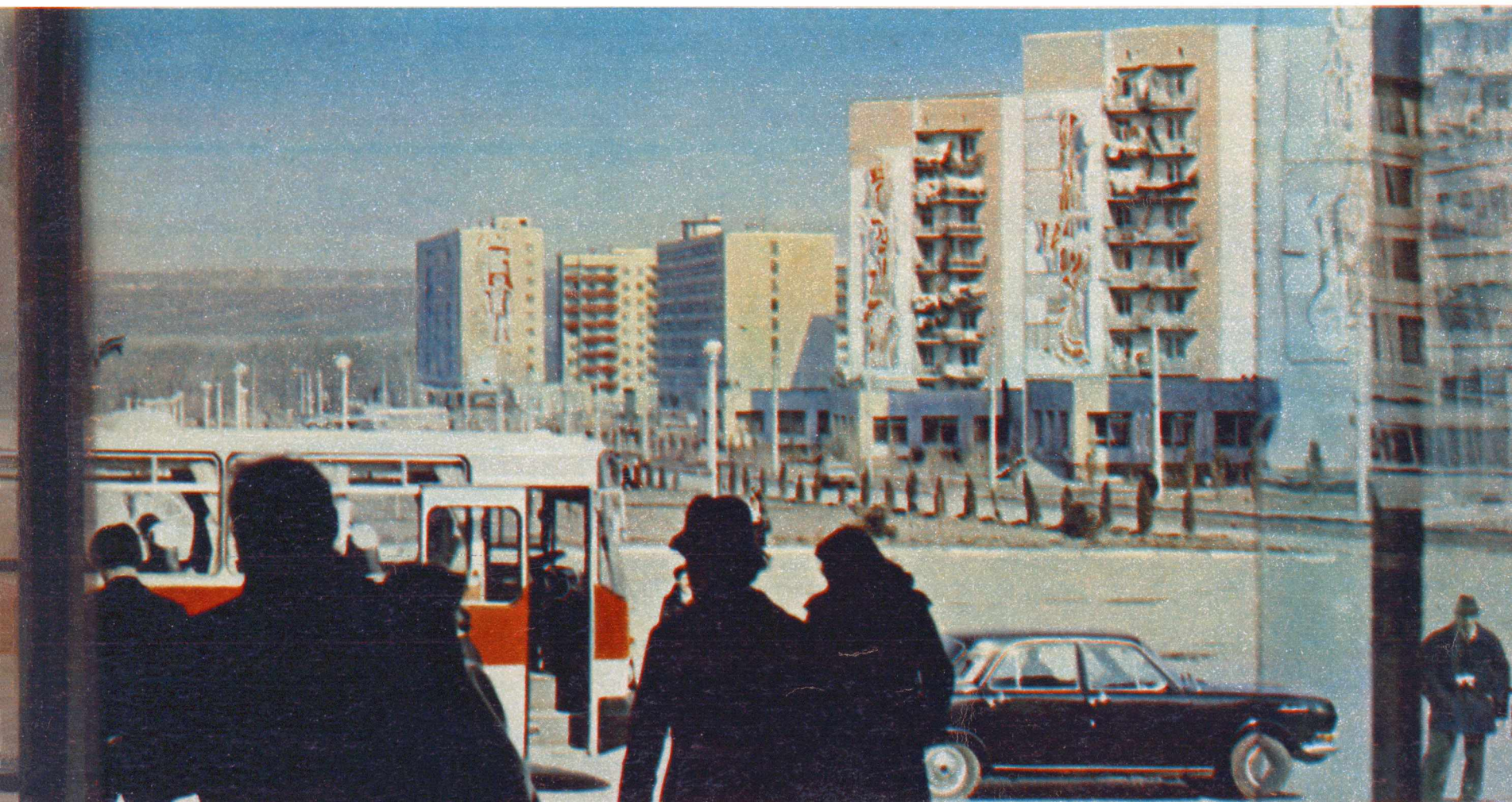

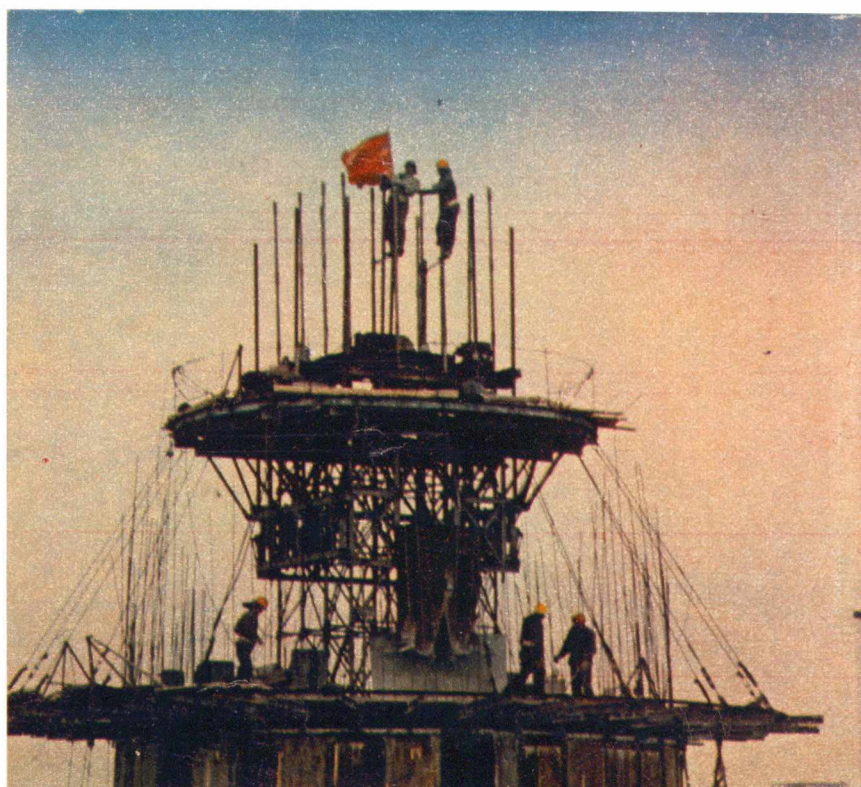
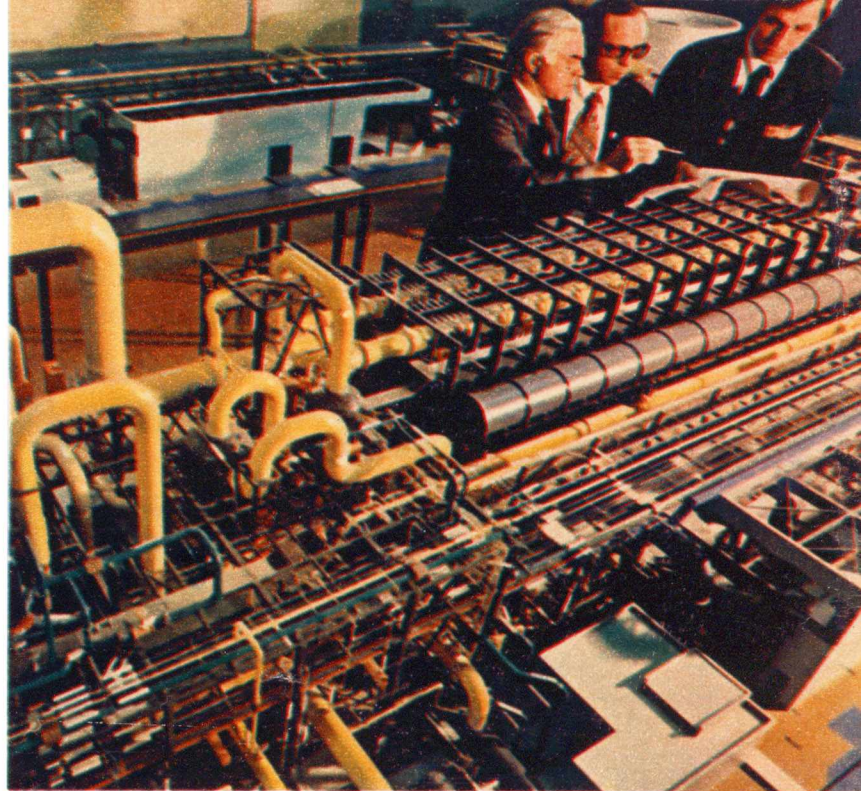

Не раз уже писалось: все стройки внешне выглядят одинаково. Стены с проемами недостающих панелей, сквозняки на полутемных, только что собранных этажах, гулкие шаги по металлическим лестницам-временкам, запах свежего бетонного раствора... Мы, журналисты, бывая на площадках у своих героев, всегда стараемся выисследовать что-то особенное, что отличало бы «нашего», скажем, бригадира от других. И тогда кажется, что блоки здесь уложены ровнее, швы сварки чище, ребята в бригаде работают четче... Но все такое видится и говорится для красного словца. Монтаж здания длится месяцами, включает в себя великое множество всевозможных операций, обстоятельств и факторов, и искусство бригадира — секрет, как мы это часто называем — составляется из тысяч мало-значущих деталей: как поговорили вчера с начальником участка, как составил заявку на стройматериалы, как быстро сумел разобраться в том, что там намудрили проектировщики в чертеже. Даже погоду, даже состояние подъездных дорог, даже название дня недели — и уж, конечно, число дней до конца квартала — должен учитывать бригадир и закладывать в «вычислительную машину» своей собственной головы целый ворох данных, чтобы рассчитать ритм, объем и интенсивность работы бригады на конкретный сегодняшний день.

На площадке Виктора Туркова работа не кипела, как принято говорить, а шла своим чередом. Кран подавал железобетонные панели и бадьи с раствором, шипела электросварка, в одном углу взывал виброуплотнитель, в другом два каменщика размеренно и методично, движениями автоматов, кирпич за кирпичом растили стену. Девушка в брезентовой робе, стоя на стремянке, красила металлическое обрамление дверного проема.

— Вот, лишняя работа, — недовольно покосился бригадир. — Зачем это обрамление нужно? Лишний металл, лишние хлопоты. Представляете, сколько таких две-

рей во всем здании? Явный перерасход, вполне можно было проще делать. Да и вообще, я смотрю, сколько лишнего бетона уходит! Фундамент — с тройным запасом прочности! Всюду монолит, монолит, а обошлись бы и сборным железобетоном. Нет, я уверен, явно проект усложнен...

Сначала мне показалось — рисует Турков. Такие специалисты, да еще заграничные, рассчитывали, а он критикует! Но потом, признаюсь, взял свои сомнения обратно. Бригадир сомневается, потому что безразличие в итоге обходится всем нам ой как дорого...

— Я вот смотрю, вокруг полно корпусов понастроено, и все не готовы. А для пусковых объектов сил может не хватить, — рассуждает Турков. — Вообще до пуска первых объектов несколько месяцев осталось, а я как-то не ощущаю пусковой атмосферы. Медленно раскачиваемся... Будет совет бригадиров — обязательно поговорим об этом.

— А вам достался сложный объект? Как у вас со сроками? — допытывался я у Туркова, но он неопределенно пожимал плечами:

— Ничего особенно сложного, разобрались. Все, что зависит от бригады, мы делаем, это и по итогам социалистического соревнования видно... Ребята стараются! Контроль за качеством очень строгий, чуть что — приемщик мелом крест ставит: значит, переделывать. Правда, у меня в бригаде такого пока не случалось.

— А ваша бригада давно сформировалась?

— В марте семьдесят шестого. Тогда мы строили детские сады, школы, жилые дома...

Надо рассказать о том, как сам Турков стал строителем. Он здесь же, в Старом Осколе, родился и вырос, и может уже сравнивать

сегодняшний город с прежним: помнит, например, что тогда, в пятидесятых годах, тут было всего два автобуса — первый и второй номер, — которые ходили на встречу друг другу... Молодежь, окончив школу, в большинстве своем уезжала из города, и Виктор тоже уехал в Воронеж, поступать в техникум. Но скоро вернулся: экзамены сдать не удалось.

— Наверное, был очень расстроен? — спросил я, но Виктор спокойно ответил:

— Нет, не очень. В Воронеже я чувствовал себя чужим — город большой, шумный. Может, поэтому плохо экзамены сдал, я ведь отличником был в школе...

Потом он поступил в Белгородский строительный техникум — выбрал по справочнику, что поближе. Окончил с отличием, после службы в армии поехал работать на север.

— Трудно было, наверное? — интересовался я. — Все-таки Заполярье: мороз, ветры, долгая ночь... Турков помолчал, по лицу его пробежали отсветы воспоминаний. Видно было, что мои слова о трудностях севера он вроде и не расслышал.

— Там меня научили по-настоящему работать... Там такие люди...

Но дом есть дом, и он, уже с женой, вернулся в Старый Оскол. Здесь сразу предложили: будешь бригадиром? Пошел знакомиться с ребятами. Кто откуда, специальности в основном — каменщики и шоферы. Поставили бригаду на строительство детского сада.

— Да, еще добавлю, я сразу решил начать с бригадного подра. Тогда это дело было совсем новым, я все изучил, растолковал ребятам. В общем, начали с обеда ставить колонны. Побегать мне пришлось, да и ребята старались. К концу смены захожу к начальству, прораб спрашивает: «Как дела, новички?» «Ничего, говорю, шесть колонн поставили!» «Как — шесть? У нас лучшие бригады столько за всю смену ставят!» Все, что был в прорабской, побежали смотреть, проверить. «Не может быть! Ну, молодцы! Не ожидал...» На сле-

дующий день мы, уже при зрителях, опять две нормы сделали. Так и пошло. Монтируем, например, жилой дом: по нормам надо девять месяцев, мы его — за три... — Как-то странно, без опыта... Неужели только за счет энтузиазма?

— Честно говоря, первое время ребята выкладывались, изо всех сил тянулись. А опыт пришел — стали работать легко. Отступать-то уже неудобно... Смотрю, ребята даже между собой договариваются: кто больше делает? Понимаете, хорошая работа увлекает.

— И что, это стало традицией бригады?

— Наверное... Вот несколько дней назад подошел ко мне один парень — попросился в бригаду. Специальности никакой. Я подумал — вроде сейчас он нам не ко времени. Посоветовал в другую бригаду пойти. Потом мне начальство говорит: что же ты парня не взял, он специально на стройку из-за твоей бригады пришел! Ну, раз так, пусть у нас работает... Сегодня, смотрю, он лопатой раствор раскидывает, а рядом — след крови. Что такое? Оказывается, ему вчера зуб вырвали, и от напряжения у него ранка открылась. Говорю, иди в медпункт — не хочешь. Боится, не так поймут... Мелочь, а что-то о парне яснее стало, верно?

Мы сидим в «бытовке» — маленьком тесном вагончике. Чисто, опрятно, все стены увешаны почетными грамотами. Гурьбой входят после смены члены бригады — самые обычные, нормальные молодые ребята... А потом, проезжая по стройке, я увидел щит с надписью: «Мы строим ОЭМК» — и увидел уже не просто слова, а тех ребят из бригады Туркова...

СУДЬБЫ КАК РЕКИ

Обычная человеческая судьба. Миллионы таких судеб сливаются в народную судьбу, как маленькие, неприметные ручейки рождают наши могучие реки. Александр Кильдыбаев родился в селе Большой Ашламаш, что в Советском районе Марийской АССР. Мальчишкой он начал работать в только что созданном колхозе. Войну встретил в армии и прошел по ее дорогам с первого дня до Победы минером. Солдатское везенье — ни разу не был ранен, — только это, пожалуй, и было необычным. С войны в село вернулись немногие.

После войны женился. Уже двое сыновей росли, когда не стало жены. Вторая жена — Зинаида Григорьевна — при-

няла детей мужа как своих, и еще родилось у Кильдыбаевых два сына и дочь.

Передали родители любовь к родному селу детям — все работают в колхозе. Только один, Григорий, уехал из села — он кадровый военный. Сейчас семья выросла, двенадцать внуков — счастье стариков — не дают поселиться тишине в доме Кильдыбаевых. И Александр Самсонович рад такой заботе. Теперь время свободное появилось — недавно вышел на пенсию, а силы есть и еще больше — доброты человеческой. Вот и возятся старики с молодым поколением, воспитывают, учат жить, как сами жизнь прожили.

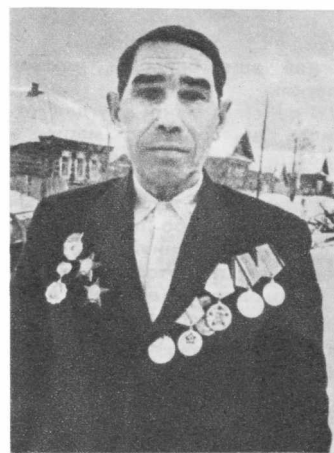
Радостно видеть счастливую семью. Когда собираются Кильдыбаевы вместе, сразу видно — хорошо, полезно живут люди. Есть какая-то уверенность в их поведении, разговорах, гордость своим трудом, детьми, своей большой и дружной семьей. Делают ведь общее дело в родном колхозе: два сына, Валерий и Валентин, — шоферы, Николай — слесарь-наладчик доильных аппаратов, дочь заведует отделением связи в деревне, жена —

санитарка. А сам Александр Самсонович кем только не работал в колхозе — и механиком, и бригадиром, и трактористом, и даже одно время председателем колхоза. Живут дети в колхозных домах для молодых. Вот они, корни, связывающие семью с родным селом, дающие радость полнокровной жизни.

На вопрос, какие же самые счастливые дни у него, Александр Кильдыбаев сказал, что их было много.

— Это День Победы, дни рождения детей и внуков. Урожай в колхозе богатый — это тоже счастье.

По праздникам надевает Кильдыбаев свои боевые и трудовые награды — два ордена Красной Звезды, медали «За отвагу», «За трудовую доблесть»... Но не очень любит рассказывать, как сотни и сотни раз был на волосок от смерти, обезвреживая под вражеским огнем фашистские мины всех хитрых типов. Может, они ему снятся, эти металлические убийцы, и он во сне снова и снова ведет с ними поединок, побеждая смерть. Но теперь это в прошлом. Нужно жить в мире, люди не

А. С. Кильдыбаев.

должны знать ужасов войны.

Вспоминает Александр Самсонович свою жизнь и воспитывает внуков, передает им свою доброту, свою любовь к родному краю.

Обычная судьба, обычный человек. Из таких судеб складывается судьба народа, судьба нашей многонациональной страны.

И. МИХЕЕВА

Для первых объектов Оскольского электрометаллургического комбината нынешний год — пусковой. * Здесь, в гигантской чаше Стойленского горно-обогатительного комбината, добывается железная руда. * У макета будущего электрометаллургического гиганта мастера В. Д. Квашини, А. Г. Стрельников и В. В. Пивень. * Начальник штаба Всесоюзной ударной комсомольской стройки Николай Кулешов, член штаба инженер Елена Серова и машинист башенного крана Людмила Севрюкова (справа налево). * С каждым днем растут объекты комсомольской стройки.

Когда истекла московская неделя Большой Гимнастики и опустели ярусы семнадцатитысячного зала дворца «Олимпийский», и только в пресс-центре еще стрекотали пишущие машинки, а радиоголос melodично приглашал к телефонам и телекам журналистов из Токио, Нью-Йорка, Мельбурна, Рио-де-Жанейро, Берлина, Праги, Софии...

XXI чемпионат мира, состоявшийся осенью в Москве, давно обратился в толстую папку протоколов, испещренных мириадами цифр. Сейчас эти протоколы уже слегка пожелтели и потускнели, однако мы еще долго будем к ним обращаться в размышлениях о путях развития мировой гимнастики. Тем более, что за цифрами — люди с их успехами и неудачами, озарениями и разочарованиями, счастьем и болью, с годами тренировок и одной-единственной секундой, которая может и вознести тебя высоко и бросить в бездну без следа. За цифрами вопросы, на которые даны ответы в Москве, вопросы, оставшиеся без ответов, проблемы, требующие разрешения.

Итак, перелистаем снова папку с голубой диагональной полоской и задумаемся над ее содержанием.

Новой абсолютной чемпионкой мира среди женщин — девятой за историю и шестой советской — стала 15-летняя московская школьница Оля Бичерова. Очаровательный ребенок с крохотным вздернутым веснушчатым носом, круглыми, неизменно серьезными глазами и губками бантиком. Рост — 138 сантиметров, вес — 29 килограммов 700 граммов. Эти данные она отбарабанила на пресс-конференции с видом отличницы, стоящей у доски.

Мы мгновенно полюбили Олю, и то, что я вам о ней расскажу, побудит вас, полагаю, проникнуться к ней еще большей нежной симпатией.

Она действительно круглая отличница. Она собирает марки, и не просто так, а по определенной тематике: «Растения и животные». Она выписывает журнал «Юный натуралист». В утро перед финалом она предприняла научный эксперимент по отогреванию у себя в комнате замерзшего лягушонка (опыт, к сожалению, успехом не увенчался). Она много читает — в последние дни подготовки к первенству прочла «Черную стрелу» Стивенсона. В тренере Борисе Георгиевиче Орлове ее прежде всего привлекает начитанность. Папа и мама Оли — инженеры-электронники, девочка страстно их любит, она чуть ли не со слезами упрашивала, чтобы родители не приходили в «Олимпийский» на чемпионат, а то пере нервничают. То, что они все-таки сидели на верхнем ярусе, глотая успокоительные пилюли, от Оли тщательно скрывалось.

Еще у Оли под Москвой живет дедушка — она его зовет «дед

Захарий», он научил ее собирать грибы, и теперь она безошибочно отличает подлинный опенок, съедобный, от ложного, ядовитого — по кольцу на ножке.

Девочка как девочка. Обычная. Нет, не совсем обычная, наверное, — все-таки в такое попала горнило и выстояла. Почему?

Талант — несомненный — сразу выносим за скобки. Техническую подготовленность тоже: тут заслуга Бориса Орлова. Но вот что интересно: прежде чем Орлов взял Олю в свою группу, ее из другой группы уже успели отчислить — за бесперспективность.

«Уж сколько раз твердили миру» (тренерскому миру в данном случае): «Не торопитесь с выводами о способностях детей, будьте внимательней и вдумчивей!» Кого только не отчисляли за эту пресловутую «бесперспективность»: Валерия Брумель, Людмилу Пахомову... Да та же Елена Давыдова, абсолютная олимпийская чемпионка по гимнастике, третий призер XXI мирового первенства, в свое время была изгнана из зала...

Орлов взял Олю не потому, что приметил какую-то особую ее пластичность, гибкость или силу. Взял, поскольку глаза ее понравились ему — пытливые, сосредоточенные. Она никогда ничего сразу на веру не принимает, ей надо не приказывать, а растолковывать: подумает, потом сделает. Так что она вовсе не заводная кукла наследника Тутти из сказки Юрия Олеши — она Суок, прелестная своим живым обаянием. И — умная. Потому и победила.

Это первое. Но есть и второе обстоятельство. Дебютантка главного мирового помоста по малости лет просто не успела осознать значения происходящего с ней. Ей не было так трудно, как, например, той же Давыдовой, которая вышла на подиум, кроме всего прочего, доказывать правомерность своей олимпийской победы. Это, думается, одна из причин относительной неудачи Лены. Бичерова же, продержавшись достойно-замкнуто три дня борьбы, потом — как рассказывала выходящий тренер нашей сборной Полина Астахова — бежала с ковра и не знала, то ли ей запрыгать, то ли заплакать... Нервы — они и у пятнадцатилетней девочки нервы.

Напрашивается аналогия — судьба Нади Комэнеч, которой в олимпийском Монреале было 15, как в Москве Бичеровой, а первую свою победу (на чемпионате Европы в Штутгарте) она одержала в 14, — справедливый пункт о том, что 15 лет в женской гимнастике, так сказать, порог взрослости, в регламент Международной федерации (ФИЖ) еще не был внесен. И если после Монреаля мы говорили о «чуде Комэнеч», сейчас, по прошествии времени, можем употребить выражение «драма Комэнеч». Вспомните ее триумф в Канаде, серию 10-балльных оценок, образцовость техники, неколебимую уверенность и надежность. Все, и автор в том числе, предрекали ей долгую счастли-

вую жизнь в спорте. Она красовалась на обложках журналов. Был издан роскошный фотоальбом: Надя на тренировке... Надя за школьной партой... Надя дома, на кухне, перетирает накрахмаленным полотенцем роскошную посуду... Надя играет с собакой... гуляет в окрестностях Бухареста... выступает перед рабочими на заводе... Наде вручается звезда Героя труда ССР...

Но олимпийская вершина оказалась самой высокой ее вершиной. Дальше — спад. Перед нами прошла серия неудач девушки с печальными глазами, которая в Москве сидела на трибуне рядом с Ольгой Корбут, Нелли Ким, Николаем Андриановым и другими знаменитостями, покинувшими помост, и категорически отказывалась отвечать на вопросы, почему не выступает и будет ли еще выступать. Не берусь судить, в чем дело — не обладаю достаточной информацией. Просто пусть судьба Нади назовет тренера Оли, тренеров нашей сборной, всю гимнастическую общественность.

Три золотые медали в отдельных видах многоборья завоевала на московском помосте 17-летняя берлинская школьница Макси Гнаук, второй призер Олимпиады, абсолютная чемпионка Европы 1981 года. Перед первенством мира специалисты именно ей предрекали высший титул. Макси доказала, что она большой мастер, именно с ней, вероятно, предстоит в будущем прежде всего конкурировать Оле Бичеровой. Можно ли, однако, утверждать, что, если бы не трезва нога во второй день во время исполнения вольных упражнений, Макси стояла бы на высшей ступеньке пьедестала почета?

Ах, это «если бы»...

Тут все равно, что считать, сколько десятых долей балла потеряла Мария Филатова, наша славная трудовая пчелка, за счет того, что поставлена была в команде «забывщицей» — первой на каждом снаряде.

Ведь существует в гимнастике неписанный, чисто психологический закон «наката»: судья невольно ставит каждому последующему спортсмену той или иной сборной хоть на 0,1, но побольше, чем предыдущему (если, разумеется, не было грубых ошибок). Маша заняла второе место, проиграв Бичеровой 0,325.

Если бы да кабы...

Теперь об общих проблемах женской гимнастики. О некоторых, во всяком случае.

Ну, во-первых, падать девушки стали много. В Москве в утренних сменах, где выступали спортсменки команд-аутсайдеров, то и дело мелькали ошеломительные трюки из репертуара команд-лидеров, вслед за чем девушки либо присаживались на секундожку на помост (что они шуточно именуют «плацкартой»), либо тыкались прическами в маты (что на их языке называется «взять след»).

Суть ситуации, очевидно, в том, что погоня за сложностью элементов привела многих к резкому

отрыву от основы основ — рациональной методики выработки стабильности.

Вы спросите, почему это не произошло в мужской гимнастике — там сложность тоже растет не по дням, а по часам, но средний уровень мастерства выше, ошибок значительно меньше. Объяснение просто. Мужская программа включает такие снаряды (в частности кольца), которые требуют незаурядной силы, чисто физической, она же приходит с возрастом. Следовательно, тут уже не заторопишься, следовательно, есть время на продуманную, целенаправленную отработку деталей техники. И о быстром омоложении, о непродуманном натаскивании на трюки речи быть не может. В мужской гимнастике процессы спокойней, без бурь, без авантюры.

Но вернемся к женщинам (девушкам, девочкам — так, пожалуй, точнее).

Сильнейшие сборные сегодня порядочно оторвались от остальных по мастерству. Они успели не только «набрать» репертуар, но и основательно его отшлифовать. Речь идет обо всех советских спортсменках, всех гимнастках ГДР, о команде КНР (о ней речь ниже), а также об американках. Представительницы США всегда отличались творческой фантазией, поиском, да и влияние нашей школы, популярность Ольги Корбут недооценить нельзя. Сегодня во главе команды чемпионки США Трейси Талавера — рослая, яркая, видная, и вице-чемпионка Джулиан Макнамара — кузнечик со светло-рыжей челочкой, напоминающая ясным и чистым почерком нашу Тамару Лазарович, чемпионку Олимпиады в Мюнхене в командном зачете.

Особо о вольных упражнениях. Совсем недавно они были венцом программы любых состязаний, подлинным концертом. Теперь малость померкли. В этом смысле композиция алмаатинки Наташи Ильенко на музыку России в постановке Н. Мараковой, отмеченная золотой медалью, является собой приятное, но все же исключение.

Происходящее понятно: насыщенность упражнений акробатикой почти не оставляет исполнителям пространства и времени для пластического самовыражения. Но, кажется мне, дело и в другом. Прежде вольные делали в сопровождении рояля, теперь ФИЖ в законодательном порядке ввела фонограммы. Казалось бы, щедрость оркестровки должна обогатить и палитру спортсменки. А она обеднела. Старая добрая клавиатура, сидя за которой опытный пианист воочию видел гимнастку, помогала ему где подчеркнуть акцент, где симпривизировать, затенив ошибку исполнительницы. Словом, существовал душевный контакт между инструментом аккомпаниатора и инструментом души спортсменки. Сейчас музыка сама по себе, гимнастка сама по себе, тем более что музыка оркестра,

ГИМНАСТИКА: ВЕ

так сказать, огромна по сравнению с девочкой, чей рост — метр с бантом.

Вы скажете, что в фигурном катании пленки применяются издавна, и это ему вроде бы не вредит. Но ведь в фигурном катании произвольный номер идет от четырех до пяти минут, в гимнастике — всего полторы, в композиции на льду есть пластические пустоты, раскатка, на ковре их нет.

Проблемы, проблемы...

Скажем, у Леонида Аркаева, старшего тренера нашей мужской сборной, за две недели до старта чемпионата главной проблемой было определение состава. Но не то что кого включать, а кого не включать. Слишком велик был выбор, слишком жалко было даже твердому, суровому человеку Аркаеву кого-то обижать. Вроде бы уж решил: «забойщиком» быть Павлику Суту, нежнолицему юному минчанину, гимнасту красивых, отточенных линий. Но Эдуард Азарян, сын знаменитого Альберта Азаряна, атлет, душа компании в нашей сборной, был настолько на последних тренировках великолепен, что Леонид Яковлевич вроде бы заколебался. В конце концов он поступил согласно спортивному принципу: Сут на чемпионате страны 1981 года стоял в протоколе выше Азаряна, Сут и попал. И подтвердил справедливость выбора, показав среднюю — по 12 снарядам — оценку 9,7 (!).

Но и Азарян сыграл на том чемпионате чрезвычайно важную, хотя и незаметную для постороннего глаза роль. Напомню, что абсолютный чемпион Олимпийских игр Александр Дитятин за 48 часов до старта получил болезненную травму голеностопного сустава. Врачи приняли необходимые меры, но право решать, сможет ли выступать Дитятин, было доверено ему самому. И вот остается 15 минут до выхода к снарядам, Дитятин осторожно разминается за кулисами, а рядом — в полной амуниции — Азарян: возможно, сейчас ему придется заменить лидера. 10 минут до старта. Дитятин жмет руку Азаряну, подходит к Аркаеву: «Я стартую».

Он сделал, что мог, для командной победы. Он показал пример мужества, подарив советскому спорту две золотые награды на отдельных снарядах. Но хвала и Азаряну, который самоотверженной готовностью в трудные для всех минуты вселил уверенность в товарищей.

Хорошая была у нас команда, не хочется никого выделять. Ни Артура Акопяна, от которого глаз не оторвать, до того он по-гимнастически неотразим. Ни Александра Ткачева, обладателя феноменальных данных (ему, пожалуй, лишь постоянное честное самокопание и некоторое преувеличение собственных недостатков мешают добиться большего, чем он добился). Ни Богдана Макуца, истого многоборца-универсала и прирожденного комсорга с темпераментом и энергией общественника.

Ни даже Юрия Королева, нового чемпиона — отважного мальчика из Владимира, города, который прежде был известен Успенским собором, Золотыми воротами и вишневыми садами, потом — мощными заводами-гигантами, а теперь еще и гимнастической школой, давшей миру двух абсолютных — Николая Андрианова и Королева.

Андрианов в составе не было: Николай Ефимович перешел на тренерскую работу, передав капитанскую повязку Дитятину. Но его роль в успехах советской мужской гимнастики трудно переоценить. Особенно в те недавние годы, когда иным у нас казалось, что превзойти спортсменов Страны восходящего солнца невозможно. Он пришел и доказал, что возможно. Он был первым в новом поколении, вернувшим нам первенство. Андрианов напоминает мне легендарного мужичонку, который, хоть и сказано еси: «Не летать человеку, аки птицам, на небеси», — смастерил крылья и воспарил с крутого откоса над Клязьмой. Веселый, неукротимый андриановский дух поныне живет в нашей сборной.

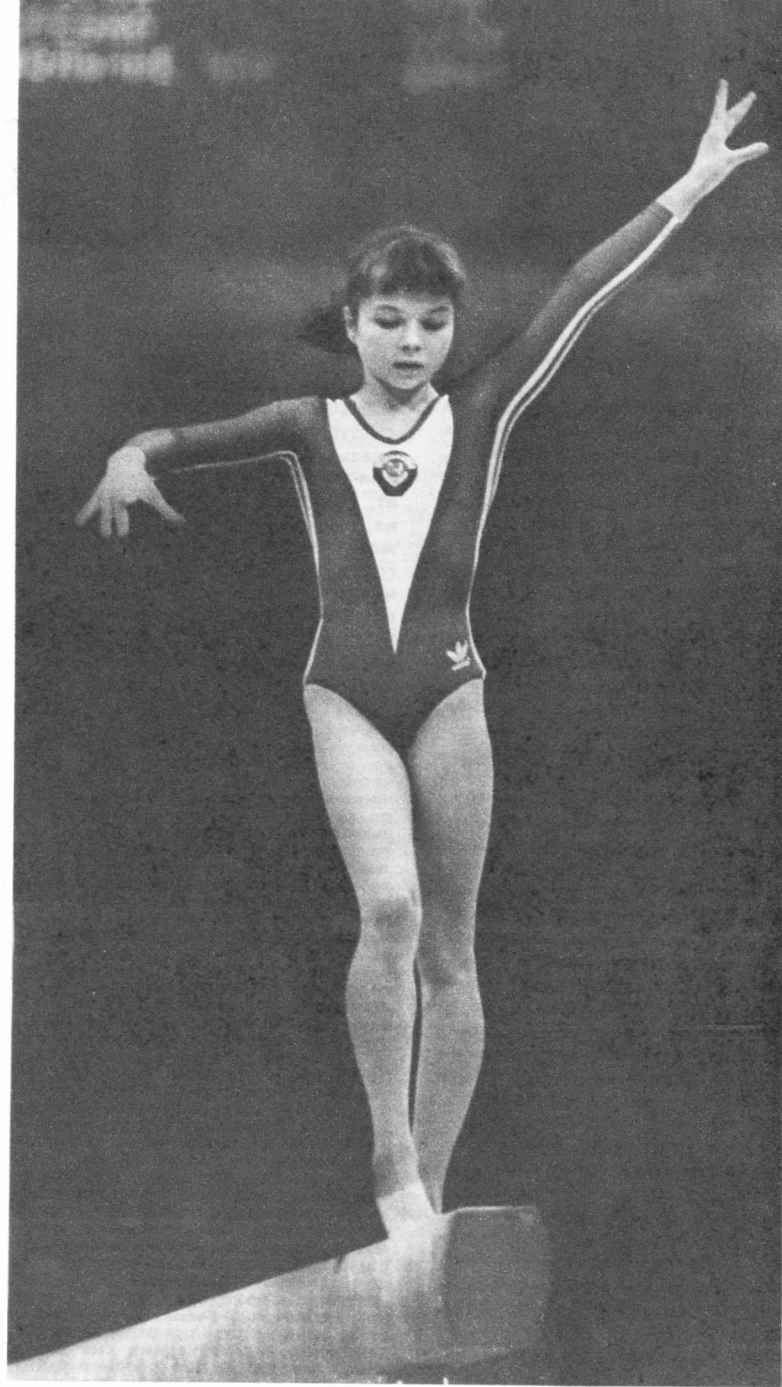
Впрочем, ослабили ли многолетние грозные наши соперники? Постиг ли их кризис после ухода Савао Като, Эйдо Кенмоцу, Сигеру Касамацу, Мицуо Цукахары и других постаревших львов?

Полагаю, считать так преждевременно. Ведь если в Форт-Уэрте, на XX мировом чемпионате, мы выиграли у сборной Японии 3,8 балла, то в Москве — 3,1. Всего чуть больше 0,25 на каждом снаряде. Не так уж много. Так что команда, ведомая Кодзи Гусикеном и Нобуюки Кадзитани, представляет грозную силу, японская школа, мастерство которой покоится на большой популярности гимнастики в стране, на изощренной методике, на дисциплине, истом фанатизме спортсменов, еще не сказала последнего слова, и почивать нам на лаврах нельзя.

Вот кто явственно сдал позиции, так это мужская команда США. В Форт-Уэрте она была третьей (наивысший за всю историю успех), в Москве — пятой, уступив прежнему результату 3,85 балла. Не нашлось, видно, достойного лидера: как известно, Курт Томас, серебряный призер XX чемпионата, в расцвете сил покинул помост в знак протеста против решения национальной федерации не участвовать в Московской Олимпиаде, продиктованного близоруким политиканством администрации Картера. Нынешний же чемпион США Барт Коннер отнюдь Томаса не заменил.

Но дело не только в этом. Американцы проиграли в основном из-за неудачного исполнения обязательной программы — это обычно их слабое место, поскольку за океаном состязания в классическом большом многоборье вообще проводятся сравнительно недавно.

В связи с этим несколько слов об обязательной вообще. Справедливый тезис, согласно которому «школа» служит базисом «средне-

О. Бичерова — абсолютная чемпионка мира.

Фото А. Бочинина

го гимнастического образования», нет-нет да и подвергается оспариванию со стороны тех, кто, скажем прямо, не желает трудиться так серьезно и кропотливо, как это необходимо в современной гимнастике. Отнюдь не случайно на конгрессе ФИЖ в Москве — он предшествовал чемпионату — выдвигалось предложение не считать в финале личного многоборья результатов предыдущих дней (так сказать, все начинать с нуля). В основе предложения — удар опять же по «школе». Предложение, как и следовало ожидать, было забаллотировано.

...Во времена моего детства была популярна книжка «Китайский секрет» (об истории фарфора). Сегодня в гимнастике свой «китайский секрет» — быстрое мужание школы КНР. На прошлом чемпионате, дебютируя на мировом подиуме, их мужская и женская сборные заняли четвер-

тые места, в Москве мужчины были третьими, женщины — вторыми. Думается, роль тут сыграли два фактора. Первый — исконное, уходящее корнями в века искусство национальной акробатики, второй — то, что нынешние китайские тренеры — ученики бывших выпускников советских физкультурных вузов. Как видим, через все ухабы и ямы пресловутой «культурной революции» спортивные специалисты пронесли плоды дружбы двух великих народов. Московским зрителям понравились гибкие и ловкие Тун Фэй и Ли Нин, Ма Яньхун — ожившая статуэтка из китайского фарфора. Москва аплодировала им и их товарищам.

...Гимнастика — немолодой вид спорта. Международная федерация в 1981 году отпраздновала столетие. Но гимнастика — это вечная молодость, вечное движение, вечный поиск.

ЧНОЕ ДВИЖЕНИЕ

ДУША ЧЕ

Литературные журналы и периодика первых месяцев этого года принесли неожиданно много интересных произведений малых форм. Рассказы, например, Н. Думбадзе, П. Краснова в «Дружбе народов»; циклы «Трава-мурава» Ф. Абрамова («Крокодил»), «Затеси» В. Астафьева («Сельская молодежь»), небольшая повесть Б. Можая «Полтора квадратных метра» («Дружба народов») — о разном времени, разных житейских коллизиях, но все они по-своему оригинальны, в них чувствуется стремление четко определить критерии добра и зла, видно «необщее выражение» лица писателей. И это уже выделяет их среди многого опубликованного. Ведь часто приходится читать произведения многих авторов, но написанные как бы одной рукой, когда и самый внимательный критический глаз, увы, неспособен вычленив из общей уныло-однородной массы вещи сколько-нибудь оригинальные по стилю и мысли. Пишущих много, настоящих художников — единицы. И это не знамение времени — так было всегда, и постоянно с ростом грамотности, общего образовательного уровня, увеличивалось число людей, стремящихся не только самовыразиться на бумаге, а и во что бы то ни стало поделиться своими творениями с читателем. И понятна горькая ирония В. Солоухина, заметившего, глядя на современный «бурный» литературный поток, в очердном цикле «Камешков на ладони»: «Каждые «годы», ну, там тридцатые, шестидесятые и т. д., прошлого ли, нашего ли, позапрошлого века, у нас ли, во Франции ли где-нибудь, в Германии ли, оставляли, как правило, девять-десять имен в литературе. Точно так же будет и с нашими «годами». Но зачем же тогда 9000 членов Союза писателей? Проблема существенная даже при всей своей полемической заостренности, и, видимо, не только в арифметическом соотношении ее суть. Разговор о массовой серости, безличности, исполнительском неумении в литературе — особый, на наш взгляд, назревший разговор. Но сейчас речь об ином. Обратимся к произведениям, в которых бьются живая мысль и чувство, ощущается стремление авторов ответить на жгучие проблемы современности, прикоснуться к истории с ее опытом, затронуть тайное тайн души человека, глубины его сознания. Прочитаем произведения не только интересно задуманные, но и талантливо написанные, что самая большая редкость в наши дни.

Рассказ Гария Немченко «Соки земли» («Наш современник» № 3) начинается с притчи-воспоминания о встрече на «дорогом и самодовольном» армавирском базаре со старушкой, почти задаром раздававшей покупателям замечательные яблоки, и трагического повествования о ее дочери, которую засекали казаки у ствола той самой яблони, переставшей с тех

пор приносить плоды и очнувшейся лишь через много лет сказочным урожаем. Его и отдает старушка-праведница людям: здесь иной «за подсахаренный сироп как за настоящий мед требуется. Другой и вообще стоит налегке, только кукиш держит в кармане — это и весь его товар драгоценный!.. А ты меж ними стоишь и уже дрожащей рукою яблоки мне протягиваешь за так: лишь бы, что земля дает, не пропало, лишь бы добрым людям на пользу...»

И каким жестким контрастом звучит в рассказе другая история — о колючем яблонево садике в невиданно урожайный год, когда, не зная, что делать с неожиданным подарком земли (план по сдаче яблок хозяйством был выполнен моментально, а их будто в саду и не поубавилось; в колюче же главное направление — зерноводство, и какие-то яблоки лишь обуза), загнали в сад молодых коров куда как на выпас гоняли. Они с веток внизу пообхватили, и — хочешь не хочешь — все деревья маленько пообтрясли... А напоследок загнали мы в сад свиней, — досказывал молодой председатель. — Чтоб они, значит, все, что еще осталось, подчистили... Конкретные, публицистические ноты: реальные, настраивающие на не веселый лад картины, порожденные вопиющей бездумностью и бесхозяйственностью: «я должен был и не раз, и не два увидеть переломанные плугом, брызнувшие на черный пласт перезревшим семенем запаханные помидоры, и вслед за колючим агрономом из родной моей станицы Отрадной, школьным своим дружком, должен был пройти через громадное поле замерзающей под ранним снегом свеклы...» — и простая, очень старая женщина высокой души, из последних сил везущая в город яблоки с одной-единственной сказочно щедрой яблоней, лишь бы не пропали плоды, которые дарит земля, — вот конфликтный мир рассказа Г. Немченко. Конечно, идея нравственная движет писателем. Поэтому так внимателен он к людям уходящим, так проникновенен в изображении характеров тех, кто хранит традиции (в том числе и высокой ответственности за дело), которые мы, увы, часто с бесшабашной легкостью отменяем. В простых людях того, почти уже исчезнувшего поколения видит писатель хранителей чести и достоинства, справедливости и добра, которых порой не хватает таким деловым прагматичным и так часто отмеченным «дефицитом человечности» детям конца века, сыновьям научно-технической революции.

Рассказ «Соки земли» обнажен автобиографичен, в нем явственно слышны исповедальной прозы и яркой, а точнее, яростной публицистичности. И этот синтез помогает достичь разительного эффекта, очень сходного с тем, когда в художественный текст непосредственно вводится документ, факт реальной жизни. На этом пути писателя, чуткого к движениям человеческой души и проблемам общественного бытия, думается, ждут новые успехи. Рассказ «Соки земли» подтверждает верные слова критика Владимира Коровова, сказанные недавно о прозе Немченко: «Тут впечатляют и картины народной жизни (и в прошлом и в настоящем)... И сами колоритные характеры, образы станичников, прежде всего женские — старых матерей, вдов, да и образ героя-рассказчика, чуткого и отзывчивого, слегка прячущего свою доброту и человеческую щедрость за лукавой иронией, немалую роль тут играют».

Нет, не случайно такое пристальное внимание наших прозаиков все более привлекает духовный опыт минувшего, не слу-

чайно так часто они оглядываются в прошлое ради настоящего; в цельных, сильных характерах стариков и старух ищут они альтернативу «дефициту человечности», нравственную опору, точнее, своеобразные маяки, без ориентирования на которые бесполезны и тщетны все ухищрения прогресса.

* * *

«Уважение к минувшему — вот черта, отличающая образованность от дикости».

А. С. Пушкин

Ответственность памяти, внимание к прошлому характерно и для новых произведений В. Солоухина, опубликованных в журнале «Наш современник». Когда-то писатель сказал, что он принадлежит к типу художников, у которых «документ, факт, стоят... впереди фантазии». Да, описывает он то, что видит, но все дело в том, как он это делает. Давно утвердилось мнение о Солоухине как о признанном мастере так называемой лирической прозы, имеющей глубокие традиции в русской литературе. Манера его письма — спокойная, неторопливая, его пристрастие к не выдуманному, а взятым из жизни сюжетам и героям, с их подлинными именами, профессиями, реальными делами; стремление писателя идти от впечатления к осмыслению заинтересовавшего явления и, наконец, доверительный, как бы с глазу на глаз способ общения с читателем, при котором создается особая атмосфера откровенной беседы, — видится за всем этим линия русской литературы, представителями которой были, например, С. Т. Аксаков и М. М. Пришвин, К. Г. Паустовский. Но Солоухин не только плодотворно развивает традицию — он создает свою обостренно характерную прозу, где точность лирических описаний и пристальное внимание к деталям укрепляются последовательной, четко выверенной гражданской позицией.

В новом цикле очерков «Продолжение времени», имеющем подзаголовок «Письма из разных мест» («Наш современник» № 1), Солоухин продолжает традиционную для него тему «уважения и предания», которой посвятил он и давние «Письма из Русского музея», и «Черные доски», и отточенные, исторически выверенные исследования-эссе, вошедшие в книгу «Время собирать камни». В ней он обратился к печальной судьбе мест, связанных с именами замечательных представителей русской культуры. Очерк о Званке Г. Р. Державина на реке Волхове; селе Аксаково под Оренбургом; лучшее из многого написанного о блокаде Подмосновье — «Большое Шахматово»; исследование об Оптиной пустыни, связанной с именами Гоголя, Достоевского, Толстого в Калужской области, поднимали проблему отношения к культурному наследию народа, к встречающемуся, к сожалению, не так уж и редко неумению к историческим и духовным ценностям. Не только просветительская идея движет писателем, с редкой настойчивостью продолжающим стучаться в одну и ту же дверь, но и стремление к действительному изменению создавшегося положения в отношении старой архитектуры, живописи, музыки, сложившегося ландшафта.

«С одной стороны, государство с самого начала стоит на страже всего этого. Ленинские декреты, личные высказывания В. И. Ленина, указания, недавнее создание Всероссийского общества по охране памятников истории и культуры, наши советские законы, наша Конституция, наконец, где это записано черным по белому. Но, с другой стороны, почему же утрачено так много бесценных архитектурных памятников? Почему же до сих пор на местах мы встречаемся с очевидным небрежением по отношению к историческим и культурным ценностям? И это отнюдь не риторический вопрос. Мы не случайно назвали работы Солоухина исследованиями. В его очерках естественно сочетается взгляд художника, видящего и чувствующего острее, чем обычные люди, и позиция аналитика духовных, социологических и нравственных проблем нашей действительности. Продуманные, аргументированные выступления писателя порой влекут за собой и конкретные решения. Самый последний и яркий тому пример — постановление Совета Министров РСФСР о создании в Подмосновье Государственного музея-заповедника Александра Блока. Немалую роль в принятии этого правительственного решения сыграл большой очерк-исследование Владимира Солоухина.

Вот и теперь, в новых работах писателя, явственно прослеживается мысль о необходимости спасти то, что еще можно спасти. Конечно, невозможно восстановить московское Зарядье. Но Солоухин предупреждает новые ошибки, новые безвозвратные потери, в конечном счете играющие пагубную роль в жизни нашей и следующих за нами поколений, ибо прагматически-кагоричные решения судеб памятников истории теми, кто считает их лишь обременением на снос ветхозаветным хламом, «вытравляют из сознания народа уважение к величии человеческого духа». Судьба Зарядья, исследованная в очерке «Знаменский собор в Москве», показательна еще и тем, что здесь, как пишет Солоухин, «получилось, как во многих подобных случаях, по Ивану Андреевичу Крылову: «А Вася слушает, да ест». Сколько спорили, писали, шумели, организовывали «круглые столы», развели дискуссии, высказывали единоедушное мнение, а Зарядья меж тем нет...»

Очерки Солоухина затрагивают немалый ряд вопросов. Возмущает писателя и судьба восстановленной «Триумфальной арки», и пока не возрожденных «Красных ворот», и знаменитой Сухаревой башни; он размышляет о вечных культурных ценностях, которые составляют основу духовной жизни человечества, и видит немалостораживающего в небрежении этими ценностями. «Можно быть спокойным, никто не позволит перестроить поближе к современности (и Корбюзье) Невский собор или Василия Блаженного, никто не позволит переписать (поближе к Пикассо) Синистерскую мадонну Рафаэля, и люди всегда будут видеть это здание и эту картину такими, какими они созданы, какими их видело до нас не одно поколение людей. Но, оказывается, в уставах соответствующих обществ нет параграфов, а в соответствующих законах нет статей, охраняющих от последующих вмешательств памятники литературы и музыки». Действительно, что же как не искажение духовных основ и эстетических критериев, разного рода «экспериментальные», но обязательно вынесенные на самую широкую аудиторию

Л О В Е Ч Е С К А Я

«толкования» Чехова, Толстого, Достоевского, Островского и т. д., все эти микрофонноподобные, пляшущие, извращенные, неузнаваемые образы героев классической литературы и театра. Истинная культура неразрывно связана с почитанием того, что сделано предшествующими поколениями, и ценности эти негоже пускать на распыл в угоду ветреной моде и дурному вкусу.

Все эти проблемы теснейшим образом связаны с нравственным обликом людей, ведь небрежение историей своей земли, наплевательское отношение к прошлому в конечном счете обездоливает человека, ожесточает его душу. Гибнущие по глухому чиновничьему равнодушию памятники культуры, забытые могилы предков, исчезающие изделия народных промыслов — многие неразрешенные и назревшие конкретные проблемы поднимает в этих очерках Солоухин. Порой в полемической заостренности он бывает, на наш взгляд, неправ, резко выступая, например, против Московского музыкального камерного театра, не учитывая специфики именно камерной оперы; неточен, рассказывая о якобы неизвестном авторе детской песенки «В лесу родилась елочка», в то время как о Р. А. Кудашевой были и статьи (например, в «Огоньке») и книжка ее детских стихов выходила; можно уточнить и упомянутое писателем время сноса Сухаревой башни, и заметить, что опера «Иван Султанов», вопреки его утверждению, благополучно идет в Большом театре, но, конечно, не в этих частных недостатках дело. А в утверждающем пафосе очерков, в высокой духовности героев Солоухина — художника Павла Корина, просветителя Алексея Кулаковского и, конечно, Марии Клавдиевны Тенишевой, создательнице Талашкина, одной из тех, кто, как писал Н. Рерих, «слегал ступени грядущей культуры». Жаль, конечно, что во многом порушились эти выложенные Тенишевой на Смоленской земле ступени, но и горький урок, который преподает на примере судьбы Талашкина В. Солоухин, в высшей степени поучителен.

В очерке о П. Корине у Солоухина есть отличная мысль: «В отстаивании своих принципов настоящий художник может пойти на костер, на плаху вовсе не потому, что он такой уж бесчувственный и природожденный храбрец, но просто потому, что это для него наиболее естественная линия поведения. Он и не догадывался, что можно вести себя иначе».

Да, часто писателю, художнику требуется гражданское, личное мужество. И в последовательной, аргументированной, твердой позиции Владимира Солоухина в защите культурного наследия — теме, прошедшей через многие его произведения, видится следование заветам великой русской литературы, всегда бравшей на себя решение проблем общественных, нравственных и остроактуальных.

* * *

*Не так ли я, сосуд скудельный,
Держу на запретный путь,
Стихи чуждой, запердельной,
Стремясь хоть каплю зачерпнуть?*

А. А. ФЕТ

Недавно, после длительного перерыва, читатель вновь встретился с художественной прозой Валентина Распутина. Еженедельник «Литературная Россия» и газета «Советская культура» напечатали два рассказа писателя. В повестях Распутина всегда присутствовал реальный сюжет, порой реальная конфликтная ситуация, в которых и раскрывались характеры героев. Психологизм «Прощания с Матерой», «Живи и помни» и других его произведений был по преимуществу социальным: личность человека изучалась им во взаимоотношениях с окружающим миром, действенным и осязаемым. Новые рассказы писателя на первый взгляд существенно отличаются от его предыдущего творчества.

Распутин, давно испытывавший интерес к «чувствованиям», как он их определял, — «поскольку последнее предполагает более тонкий разрез человеческой души», — в новых произведениях существенное место уделяет именно странному, непривычному, необычным состояниям души. Для того, чтобы осмыслить их в художественной прозе, чтобы заинтересовать ими читателя, нужно связать эти состояния с явлениями реальными, нужна идея, которая смыкала бы два мира — внешний и внутренний, идея, которой подчинилось бы все произведение. Иначе, пытаясь просто пересказать смутные, безотчетные движения души, писатель рискует остаться непонятым, ведь эта задача существенно более сложная, чем так называемый «поток сознания», чуждый, в общем, русской литературной традиции.

В двух новых произведениях Распутина есть вполне реальный сюжет и отчетливо улавливаемая идея.

В рассказе «Что передать вороне?» человек, верный своим, «взрослым» законам, огорчается, обижается не понимающую и не принимающую этих законов маленькую девочку — свою дочь. Чувство вины перед ребенком, мучительное осознание тягостности, а часто и бессмысленности собственной подчиненности жесткому миру взрослых переживают герои рассказа в форме усложненной, где сознательное перемешивается с бессознательным, где житейский эпизод является не только поводом, но и причиной анализа странных «чувствований».

«Не знаю, бывает ли у кого такое еще, но у меня нет чувства полной и неразделимой слитности с собой» — так начинается основная, как представляется, часть рассказа. Для героя характерно ощущение своей, как он выражается, «подменности», своего «несовпадения с тем местом в мире, которое отведено было для другого» и по какому-то недоразумению досталось ему. Задумавшись или забывшись, герой рассказа может «терять себя», «отлетать в какое-то предстоящее мне пограничье». О таком «небытии в себе» стремится рассказать писатель, подробно, шаг за шагом прослеживая странный день, прожитый героем, как бы ниспосланный ему в урок и в наказание за обиду, нанесенную ребенку, и как предвещает беду — на следующий день он узнает, что дочь заболела. ...Герой-рассказчик, не находя в

себе сил для работы и не зная, чем заняться, чтобы унять расстроенную душу, бредет бесцельно по берегу Байкала, поднимается по «голому каменному крутяку». Описание пути, озера, лежащего у подножия горы, неба, которое «стянулось и стало над Байкалом, точь-в-точь повторяя и цвет его и форму», дано рукой опытного мастера, в котором острая наблюдательность художника сочетается с каким-то особенным, свойственным Распутину приглушенно-торжественным и тревожным мироощущением. Природа у Распутина вовсе не «равнодушная», не безучастный свидетель; в ней отчетливо ощущаются некие соответствия тождественности душевного настроения героя. «Я сидел не шевелясь, с рассеянной, как бы ожидающей особенного момента значительностью, глядя перед собой на темное зарево Байкала, и слушал поднимающееся из глубины, как из опрокинутого, направленного в небо колокола, гудение. Тревога и беспокойство слышались в нем, в движении, — или они затихали, или, напротив, набирали силу — мне не дано было понять: тот миг, за который они родились, растягивался для меня в долгое и однозвучное существование». Как бы растворявшись в окружающем его мире, герой Распутина ощущает, что «все больше и больше и сознание, и чувства, и зрение, и слух приятной подавленностью меркли во мне, отдаваясь в какое-то общее чувствование». «Ни неба я не видел, ни воды и ни земли, а в пустынном светонорме миру висела и уходила в горизонтальную даль незримая дорога, по которой то быстрее, то тише проносились голоса... И странно, что, приближаясь, они звучали совсем по-другому, чем удаляясь, до меня в них слышались согласие и счастливая до самозабвения вера, а после меня — почти ропот. Что-то во мне не нравилось им, против чего-то они возражали. Я же, напротив, с каждым мгновением чувствовал себя все приятней и легче, и по мере того, как мне становилось легче, затихали и выходящие голоса. Я уже готовился и знал каким-то образом, что тоже помчусь скоро, как только буду готов, как только она откроется передо мной в яви, по этой очистительной дороге, и мне не терпелось помчаться. Я словно бы нестерпимый зов слышал с той стороны, куда уходила дорога». Герой переживает как бы двойное бытие, и самое поразительное — передача писателем момента осознания одновременности: «Я вдруг увидел, как поднимаюсь со своего прежнего места возле березок и направляюсь в гору. Я продолжал стоять там же, где обнаружил себя, для верности ухватившись рукой за торчащий от упавшей ливневницы толстый сук, и одновременно шел, шаг за шагом, взгляд за взглядом, выбирая удобную тропку; я ощущал в себе движение и слышал каждый свой вздох. Наконец, я приблизился к тому месту, где стоял возле упавшей ливневницы, и слился с собой».

Второй рассказ «Наташа» по сути — описание сна (впрочем, герой не совсем уверен, что это было просто сон — «То, что я вспомнил, жило во мне давно, и не знаю, откуда взялось. Вероятнее всего, привиделось что-то во сне, но не в полной картине...»), в котором герой рассказа и девушка летают над Байкалом. Ничего больше не происходит в этом сне, но он чрезвычайно эмоционально насыщен. Распутин передает беспокоество и тревогу героя (на земле), острый восторг (в полете) и, наконец, полное успокоение (в парении). Опять здесь появляются тропинки, зовущие его, как и незримая дорога в первом рассказе: «Небо остывает, и я хорошо вижу в нем обозначившиеся тенями тропинки, тальмы провисшими путками ведущие в разные стороны». Он чувствует, что способен «почти главную, все объединяющую и все разрешающую тайну, в кото-

рой от начала и до конца сошлась жизнь... Вот-вот она осенит меня, и в познании горького ее груза я ступлю на ближнюю тропинку».

Итак, что же перед нами? Новый Распутин? Ни в коей мере. Вспомним прежние произведения писателя. «О себе Павел хорошо знал, что у него часто случаются затмения, когда он теряет, выпускает куда-то, на какую-то волю, себя, и, бывает, надолго; и где он был, куда отлетал, что делал — не помнит» («Прощание с Матерой»). А «вещный», «обойденный» сон Натальи и Андрея Гусковых, сон с «потерянным» концом? («Живи и помни».) Нет, и в прежних произведениях Распутина звучала эта тема: «Собственно, это был даже не сон, а что-то среднее между сном и обыкновенными, вполне контролируемыми размышлениями, составившими в забытой горячую картину, бред истерзанного сомнениями мозга» («Вверх и вниз по течению»). Именно интерес к «более тонкому разрезу человеческой души» издавна привлекал к себе внимание писателя. В последних же рассказах эта тема главенствует. Вне всякого сомнения, интересно его стремление проникнуть в самое существо человеческого «я», художественными средствами попытаться передать непостижимые, пограничные состояния (он и не понимая свое поэтому хочет передать, а ощущение — «чувствование»). Распутин давно и хорошо сознает сложность задачи — в давней сравнительно повести «Вверх и вниз по течению» «полудедушка-полупрофессор», явившийся во сне Виктору, убеждает его в невозможности для писателя пытаться проникнуть в не пережитые им самим области чувств: «Это настолько больше и значительней, настолько невероятней того, что может придумать ваша бедная фантазия... И потом... ваши слова не годятся для этого...» Впрочем, заключает старик: «Если ты и впредь собираешься писать, — дело твое, но только не ходи никогда дальше своих сил». В новых рассказах Распутин не посягает на постижение чужого, не пережитого им самим опыта. Как ни прямолинейно может показаться отождествление героя рассказов с автором, но представляется, что он старается передать хорошо знакомые ему ощущения.

Однако для этих «небытий в себе», этих снов тоже невозможно трудно подобрать слова, созданные ведь все-таки для определения явлений вполне реального мира. Известно, как сложно, почти невозможно пересказать сон. Даже «сюжетные» сны имеют в обычном пересказе совершенно иную насыщенность и окраску: все волнующее, ужасающее, радующее представляется слушателю (читателю) неоправданным и чаще всего непонятным. Сны наполнены значительностью переживаний, не соответствующей вызвавшим их событиям. «Заразительность» — непременное условие истинного искусства, труднее всего, пожалуй, возникает при попытке пересказать интенсивно эмоционально окрашенное сновидение. Именно эта окраска и пропадает. То же касается и передачи ощущения частичной «выключен-

ности» из реального мира. Но Распутин пишет об этих состояниях так, что возникает чувство сопереживания — таинственная и тревожно-мучительная атмосфера, в которой пребывает его герой, улавливается несомненно.

Оба рассказа Распутина в контексте всего его творчества убеждают в том, что интерес его к тайнам жизни души не самодовлеюще. Попытки художественно осмыслить их не оригинальничание и не игра утонченного ума. Писатель, как представляется, убежден в том, что наша повседневная жизнь находится в теснейшей связи с глубинными переживаниями, что частичное выпадение из привычного причинно-следственного мира с его хорошо отлаженным автоматизмом восприятия-действия не является случайным. Для Распутина-художника, напряженно вглядывающегося в человека, такие «тонкие разрезы», имеющие и самостоятельную значимость, интересны прежде всего тем, как и почему они связаны с реальной жизнью, с межличностными отношениями. Так, тревожное, недужное состояние души героя рассказа «Что передать вороне?» оказывается и предвестием и наказанием за невольную, но все же осознанную обиду, причиненную ребенку, недаром и сопровождается оно чувством вины. Мир детства, как и мир старости, равно вызывает у Распутина благоговение: «...Старый да малый — только они как следует и способны чутко и остро удивляться своему существованию, тому, что окружает их на каждом шагу» («Последний срок»). Этому миру противопоставляет писатель мир взрослых, деловых людей, опутанных «установленными» и «выдуманскими» правилами. А медсестра Наташа — существо «немного не от мира сего... без странностей, причуд и наивных глаз которых мы, люди мира сего, давно свихнулись бы в своем могучем поживательстве и пожинательстве, давно свернули бы себе шею, если бы нас не оставляло их робкое непонимание», — и во сне она охраняет героя и в реальной жизни предстает — наверное, не случайно? — сестрой милосердия. В обоих рассказах трезвый, но тоскующий об утраченной им «незамутненности» человек оказывается в контакте с существом чистым и наивным.

Новые произведения Распутина позволяют надеяться, что, углубляя и развивая тему человека в его соотносительности как с окружающей реальной жизнью, так и со своим собственным, внутренним «я», писатель создаст новые произведения, где будут гармонично сочетаться оба мира — включающий человека и заключенный в нем. Художником слова, того, которое «годится» для воссоздания явлений реальных, Распутин утвердил себя давно. Попытки художественного постижения тех пограничных областей сознания, которые граничат с «запредельем», изучавшихся до сих пор преимущественно психологами, касаться которых в литературе решались пока лишь поэты — и великие поэты! — Лермонтов, Фет, Тютчев, Блок (в прозе часто встречаются фантастические сюжеты, но ракурс, избранный Распутиным, представляется совершенно особым), заслуживают серьезного внимания и обнадеживают. Распутин уже сумел рассказать о них со всей доступной простотой и образностью, дающими возможность почувствовать их тем, кто не заглядывал туда, и задуматься тех, кто пережил подобный опыт.

В произведениях, о которых говорится в этой статье, звучит тревога за человека, за сохранность извечных духовных ценностей, с утратой хоть малой части которых беднее и опасней становится наш сложный мир. Симптомы духовного оскудения чаще всего оказываются связанными почему-то именно с экологическими и культурно-историческими проблемами. Стараться как можно меньше потерять из опыта духовного, увлекшись преобразованиями, а потерянное найти, вернуть человеку — вот в чем забота писателей-гуманистов.

«ГЕНИЙ ПЕРВОЙ ЛЮБВИ»

К. М. Садовская первая справа во втором ряду. (Публикуется впервые.)

Все та же озерная гладь,
Все так же каплет соль
с градирен.
Теперь, когда ты стар и мирен,
О чем волнуешься опять?

Иль первой страсти юный гений
Еще с душой не разлучен,
И ты навеки обручен
Той давней, незабвенной тени?

Александр Блок набрасывал эти строки в июне 1909 года в небольшом курортном городке Бад-Наугейме, вспоминая происшедшую здесь двенадцать лет назад свою встречу с К. М. Садовской. А через некоторое время до него дошел оказавшийся ложным слух о смерти Ксении Михайловны. Поэт посвятил ей цикл прекрас-

ных стихов «Через двенадцать лет» — один из шедевров его лирики.

Все, что память сберечь мне
старается,
Пропадает в безумных годах,
Но горящим зигзагом взвивается
Эта повесть в ночных небесах.

Жизнь давно сожжена
и рассказана,
Только первая снится любовь,
Как бесценный ларец
перевязана
Накрест лентой алой, как кровь.

Конечно, нельзя подходить к поэзии лишь с мерками простых житейских соотнесений. Здесь все сложнее, причудливый ход поэтической мысли часто настоль-

но углубляет тему и усложняет образ, что за ним едва узнается прототип. И все же, все же... Насколько бы обеднено было наше представление о лирике, например, Пушкина, если бы мы не знали сейчас судьбу и облик многих адресатов его стихов...

Поэтому исследователи творчества Блока настойчиво стремились узнать как можно больше о К. М. Садовской. Она сохранила письма, адресованные ей поэтом — их тоже 12, — поистине число символическое для Блока. В общих чертах была известна и ее биография.

А портреты, фотографии? Во многих изданиях воспроизведена фотография К. М. Садовской 1915 года (когда ей уже больше 50 лет). И вдруг находка — фотография 1903 (1904?) года, то есть сделанная всего два года спустя после окончательного расставания с Блоком в 1901 году.

Усталое лицо — в глазах напряженность, тревога. Племянница Ксении Михайловны, И. М. Садовская, сохранившая эту фотографию, вспоминала: «В Бад-Наугейме Ксения Михайловна приехала не на летний курортный отдых, а со своим сыном, болезнь которого была крестом всей ее жизни. В 1897 году ей было 39 лет. О «наугеймовской истории» она уже в преклонном возрасте часто рассказывала родным. О том, что Блок стал известным поэтом, знала, стихи его читала. Хранила его письма (те 12, которые сейчас в Пушкинском доме), но в голодный 1919 год в Одессе готова была их продать. В Одессе же она и скончалась».

...Моментальная, чудом сохранившаяся любительская фотография донесла до нас ее облик, а в замечательных стихах навсегда запечатлелся образ:

Синеокая, бог тебя создал такой.
Гений первой любви надо мной.

Встал он тихий, дождями омытый,
Запевает осой ядовитой.

Разметает он прошлого след,
Ему легкого имени нет.

Вижу снова я тонкие руки,
Снова слышу гортанные звуки,
И в глубокую глаз синеву
Погружаюсь опять наяву.

Л. ИЛЬЮНИНА,
научный сотрудник
мемориального музея-квартиры
А. А. Блока
Ленинград.

ГЛАВНЫЙ ГЕРОЙ — СПОРТ

В книге Александра Кулешова «Олимпийское беспокойство» три повести и, естественно, три главных героя — спортивный дипломат Сергей Алхимов, спортивный журналист Александр Луговой и председатель спортивного общества Святослав Монастырский, но, по существу, в книге герой один — Спорт. Хорошо знакомый миллио-

* Александр Кулешов. «Олимпийское беспокойство». Москва. «Физкультура и спорт». 1981.

нам зрителей и читателей, многоликий, неутомимый, вечно стремящийся к новым вершинам товарищ Спорт. И вдруг мы убеждаемся в том, что не знаем своего любимого героя, встречаемся с ним чуть ли не впервые. И это объяснимо: ведь мы привыкли общаться со спортсменами на аренах, наблюдать их в открытой борьбе, а в повестях Александра Кулешова этот привычный для нас ракурс неожиданно нарушен, смещен. Читая трилогию «Олимпийское беспокойство», мы становимся свидетелями той борьбы, тех конфликтов, которые никогда не находят своего отражения ни в итоговых протоколах соревнований, ни в журналистских репортажах.

«Мы до обидного часто забываем о том, что даже самые великие спортивные соревнования, самые высочайшие международные чемпионаты и первенства — это всегда лишь видимая часть огромного айсберга, лишь последние — пусть очень торжественные и важные — метры долгой и трудной дороги многих людей», — пишет в своем предисловии к книге Роберт Рождественский.

Сказано точно. В книге Кулешова действуют люди, которых мы действительно не встречаем в заводных списках участников чемпионатов, те, кто не поднимается на пьедестал почета. Но эти люди тоже ведут неустанную борьбу в спорте за его чистоту и неизменно охвачены олимпийским беспокойством.

До самой сокровенной глубины зная подноготную большого спорта, автор трилогии создал остро сюжетные произведения, действие которых происходит в невидимых

для нас сферах. Время действия двух первых повестей разворачивается в преддверии Московской Олимпиады, а события в третьей, завершающей, развиваются и на самой Олимпиаде и после нее. Автор убедительно показывает, как лицемерно, как лживо звучит в устах буржуазных спортивных воротил утверждение, что спорт должен стоять вне политики. Ведь они неизменно пытаются использовать большой спорт, олимпийское движение в своих корыстных политических целях. Герой первой повести, заведующий кафедрой физвоспитания Московского института иностранных языков, мастер спорта, ставший спортивным дипломатом, Сергей Алхимов с блеском защищает интересы мирового спорта в международной федерации борьбы и там впервые сталкивается с нравами буржуазных дельцов. Главное действующее лицо второй повести, спортивный журналист Александр Луговой также не обладает опытом борьбы за нулистами спортивных соревнований, но быстро постигает ее сущность и раскрывает истинное лицо своего антипода — буржуазного спортивного журналиста Виста. Большой и плодотворной работой в спортивном обществе «Эстафета» занят третий герой Кулешова — председатель центрального совета этого общества Святослав Монастырский. И благородство его жизни, устремлений и целей еще более подчеркивает история американского спортивного дельца Трэнтона.

Большой и интересный мир раскрывает нам трилогия Александра Кулешова.

В. ВИКТОРОВ

Три черепахи

Олег ШМЕЛЕВ

ПОВЕСТЬ

Рисунки М. ПЕТРОВОЙ

Глава VIII

ЗАЧЕМ НУЖЕН ПАСПОРТ!

Басков слушал рассказ Зыкова, и у него было такое ощущение, словно он заперт в затхлой комнате без окон, куда не проникает ни светлый день, ни людской шум. Не верилось, что рядом живет огромный город, что где-то

Продолжение. См. «Огонек» №№ 12—19.

на заводах станки точат и шлифуют металл, в парках плещут фонтаны и смеются дети.

Этот Зыков, педантично выворачивавший свое вполне реальное пахучее нутро, казался ему нелепой выдумкой, персонажем бреда, плодом больного воображения. Вот встряхни головой — и он исчезнет, развеется, как дым.

Но нет, такая прочная плоть не исчезнет ни под чьим безразличным взглядом, она только посмеивается над высшими субстанциями — разумом, душой и прочим.

Однако абстрактные размышления о смысле существования на земле таких, как Зыков, личностей Басков считал бесполезными. Ему надо было выяснить роль Зыкова в расследуемом деле...

Из того, что теперь ему известно, вычерчивалась странная схема.

Ограбив совхозную кассу под городом П. и взяв 23 тысячи рублей, Брысь-Балакин и Петров по кличке Чистый знали, что немедленно будет объявлен всесоюзный розыск, и до 24 июня отсиживались где-то в тихом месте. Это понятно и естественно...

24 июня они появляются у Шальнева, чей

адрес Брысь имел. Это уже менее понятно. Ленинград очень опасен для преступника, которого разыскивает милиция всего Советского Союза. Нужны какие-то особые причины, чтобы рецидивист с опытом Брыся решился так рисковать. Невозможно представить, чтобы Брысем руководило сентиментальное желание повидать друга детства, с которым в последний раз встречался года двадцать два тому назад, в 1957-м. Правда, тут примешана еще и несчастливая любовная история Брыся и Ольги Шальневой. Но что могло остаться от любви за двадцать два года? У Ольги выросла дочь, но ее отец Брысь все эти годы о ней и не подозревал. И что ему до нее? Как угодно поворачивай, но риск Брыся ничем не оправдан — или же существует мотив, скрытый пока от Баскова...

У Зыкова пропал паспорт. Внешностью Брысь немного похож на Зыкова. Вполне допустимо, что он паспорт и взял...

В рассказе Зыкова обращают на себя внимание два момента.

Разговор у Брыся с Чистым, который подслушал Зыков, шел, вероятнее всего, о день-

гах. Брысь требовал, Чистый не давал. Что за счеты между двумя грабителями?

Ссора на прощание между Шальневым и Чистым имеет какую-то связь с подслушанным разговором, ибо Чистый упомянул о «сухих», то есть о деньгах. Но какую?

Так или иначе, добытые сведения нисколько не проясняли вопроса, каким образом паспорт Балакина оказался в кармане у Шальнева на бульваре Карбышева.

Теперь Басков имел основания подозревать Чистого. Во-первых, Чистый мог легче, чем кто-либо еще, заполучить паспорт Брыся. Во-вторых, из пьяных разговоров ему нетрудно было выудить подробности прошлой жизни Шальнева и истории его несостоявшейся семьи, имя сына и где он сейчас живет. Но зачем Чистому понадобилось нападать на Шальнева?

Предположим, у Шальнева имелись деньги — те самые, о которых шла речь в подслушанном Зыковым разговоре. Даже крупные деньги. Для чего же Чистому надо было доставать левой рукой правое ухо, разыгрывать такой сложный спектакль, если он мог просто отнять эти деньги еще на квартире? Боялся Брыся? Но если деньги крупные, ему вовсе не обязательно встречаться с Брысем и докладывать: так, мол, и так, я изъяс у твоего друга злую сумму.

Нет, и тут плохо вяжется — или опять-таки есть мотив, неизвестный Баскову...

Где-то на самом дне сознания померещилась Баскову комбинация, что все это мог сотворить и сам Брысь. Но для этого ему нужно обладать большим изуистством, ибо Брысь обязан был рассчитать за следователя невероятно витиеватый ход мысли. Он должен был рассуждать так: я убиваю Шальнева и оставляю у него в кармане свой паспорт; следовательно не имеет причины думать, что это сделал я, потому что именно я и дал деньги Шальневу; со мной был Чистый, и только он знал обо всем, значит, подозревать будут только Чистого...

Но Басков эту версию принять не мог, хотя она и не казалась совершенно уж абсурдной. Он по-прежнему не верил в возможность того, что преступление на бульваре Карбышева совершил Балакин.

И, наконец, как самый маловероятный, но все же допустимый вариант: на Шальнева напал с целью ограбления Зыков. Зыков подслушал разговор — раз. Поменялся паспортами с Брысем — два. Его паспорт был к стати Брысю, паспорт Брыся оказался к стати Зыкову, если он задумывал ограбление с инсценировкой, а может быть, и натолкнул его на мысль об ограблении Шальнева. О сыне и взаимоотношениях Шальнева с ним Зыков был отлично осведомлен — три. Но чтобы включить эту версию в число подлежащих рассмотрению, надо прежде дожидаться, что скажет старший лейтенант Шустов, который как раз сейчас выясняет, что делал Зыков 20 июля, в день нападения на Шальнева...

И еще насчет Зыкова: если он и непричастен к преступлению на бульваре Карбышева и если действительно не заглядывал в шкатулку год или два, то паспорт вдруг понадобился ему неспроста. Возникла какая-то причина. Но какая? А может, он все-таки просто уступил свой документ Балакину по его просьбе?

Басков перебирал в уме все эти рассуждения, а Зыков, видя, что он задумался, сидел тихо, не двигаясь, ожидая, что последует дальше.

Закурив, Басков отодвинул магнитофон в сторону, облокотился о стол и спросил:

— Скажите, Константин Васильевич, новый паспорт вы получили?

Зыков, конечно, какого-нибудь вопроса ждал, но явно не такого. Однако ответил, не смутившись:

— Больно скоро! Там сказали, дней через десять... Справки навести требуется.

— А зачем вы вдруг паспорт искать стали?

— Да не искал я... Карточки поглядеть захотелось... Я ж говорил...

— А как в милицию написали? Где потеряли?

— Ну-у, где... На улице потерял...

— Зачем соврали?

Зыков сделал страдальческое лицо и сказал обиженно:

— Пытаете меня, товарищ майор, а за что? Если там с Андреем чего, так я не виновный.

Басков решил приоткрыть перед Зыковым краешек правды — это иногда развязывает язык.

— Слушайте, Зыков, дело серьезное. Ваше соседство хотели убить. О паспорте я не из любопытства спрашиваю. А вы что-то скрываете...

С Зыковым произошла мгновенная перемена: впервые Басков увидел, как лицо его побледнело. Он молча встал, открыл шифоньер, достал из пиджака вчетверо сложенный листок и положил его перед Басковым, выдохнув:

— Вот.

Это оказалось извещение из почтового отделения, написанное от руки чернилами: «Получите денежный перевод».

— Когда это принесли? — спросил Басков, нисколько не удивившись.

— В среду.

— Восемнадцатого?

— Ну да, прошлую среду.

— А Шальнев когда телеграмму получил?

— Я ж говорил — тоже восемнадцатого.

— Шальнев про перевод знал?

— А зачем мне докладывать?

— От кого деньги?

Зыков прижал обе руки к груди.

— Ей-богу, товарищ майор, знать не знаю. Никогда ни от кого не получал.

— А сколько?

— Так ведь не показали, — скороговоркой заторопился Зыков. — Прихожу, удостоверение служебное предъявляю, а она, вредная, — паспорт надо.

— Может, должок чей?

— Взаимы не даю... Оно знаете как...

Басков поднялся со стула.

— Одевайтесь, пойдем на почту. А потом еще в магазин надо. Вы где костюмы покупали?

— На Невском, в Пассаже.

...Начальница почтового отделения, оставив их в своем кабинете, сама сходил за бланком с переводом на имя Зыкова. Это оказался телеграфный перевод на 300 рублей. Отправитель — Александр Иванович Балакин. Внизу отступаны четыре слова: «Спасибо за все Саша».

Басков повертел бланк в пальцах и протянул его начальнице.

— Вижу, это из Москвы послано. А из какого отделения?

— Вот, тут все есть — и часы и шифр. А отделение связи — четыреста сорок восьмое.

Басков записал номер и встал:

— Благодарю. Будьте здоровы.

— А что же дальше? — Начальница приподняла бланк за уголок, словно он был липкий. Басков улыбнулся.

— У адресата паспорт потерялся. Выправит новый — получит деньги.

Басков собрался уходить, но сообразительная начальница сказала:

— А вы разве не хотите посмотреть бланк-подтверждение?

— А что такое бланк-подтверждение? — спросил Басков веселым голосом, мысленно ругнув себя за то, что не знает вещей, которые ему полагалось бы знать.

— Ну, как же, — сказала начальница. — Сначала мы получаем по телеграфу, сколько кому перевести, а потом нам присылают бланк-подтверждение по почте... Ну, самим отправителем денег писано...

Басков в душе поблагодарил почту за такой хороший порядок.

— Покажите, пожалуйста, этот бланк.

— Одну минуточку.

Начальница принесла бланк-подтверждение. Басков прочел тот же текст, который до этого видел в телеграфном исполнении. Но этот был сделан от руки и написан чернильными печатными буквами.

— Я, простите, должен это изъять у вас, — сказал он начальнице.

— Ну, раз надо...

У Зыкова после посещения почты на лице снова играл румянец. Он даже пытался по пути к Пассажу, на Невский, заговаривать о капризах ленинградской погоды, но Басков его не поддержал.

— Вы лучше скажите, за что вам Саша платит.

Зыков смик.

— Не виновный я, товарищ майор...

— Ладно. Деньги отнесите в милицию. — И, подумав секунду, спросил: — А на прощание он вам сколько подарил?

— Я уж сказывал: сотню дал, одной бумажкой, с рублями, — ответил Зыков и полез в карман.

— Не надо, — остановил Басков. — Поберегите пока. То речистый вы, Зыков, то клещами тянуть приходится. Вы костюмы помните, какие покупали?

Зыков наморщил лоб.

— Счас вспомним... Значит, так... Финские костюмчики, по сто восемьдесят... Саше коричневый подошел, в клеточку такую синюю, еле-еле видно... А Мите этому — мышастый. Они подошли к остановке, сели в троллейбус.

В отделе мужской одежды Пассажа Баскова интересовали финские костюмы — коричневые в синеватую клетку и темно-серые, мышиного цвета. Серых уже не осталось — распродали, а два коричневых висели — в точности такие, подтвердил Зыков, какой он купил для Балакина.

Выйдя из Пассажа, Басков позвонил в отделение милиции, но старшего лейтенанта Шустова не оказалось на месте. Басков попросил передать Шустову, чтобы он его дождался, и сообразил, что давно пора чего-нибудь пожевать — было без двадцати минут пять.

— Значит, так, — сказал он ожидавшему в сторонке Зыкову. — Вы свободны. Спасибо за содействие. Но одна просьба: будут вести от этого Саши или Мити и вообще если что — звоните старшему лейтенанту Шустову. И деньги ему сдадите.

Басков вырвал из блокнота половинку листка, переписал в него телефон Шустова и отдал Зыкову со словами:

— А теперь всего хорошего.

— До свиданья, товарищ майор, будет сделано, — с поклоном отвечал Зыков.

— Да не кланяйтесь вы! Что я — чудотворная икона?

Басков повернулся и зашагал прочь.

Пообедав в кафе, он отправился в отделение милиции. Шустов уже был там.

— Ну что? — спросил Басков.

— Двадцатого июля он работал с шестнадцати до двадцати четырех.

Так, значит, Зыков отпоедал.

— Хорошо. Сумею я на «Стреле» сегодня уехать?

— Устроим.

— Тогда еще одна просьба, Шустов. Нужно держать связь с почтовым отделением. Если будет что для Шальнева — вскрывай. Зыкову пусть доставляют, но ты поинтересуйся у него, от кого. Он скажет. И не удивляйся — деньги принесет, три сотни. Прими, оформи.

— Понял.

Было десять часов утра, когда Басков пришел к себе на Петровку. Скучный Марат сразу повеселел, встретив его в коридоре.

— Как съездили, Алексей Николаевич?

— Кое-что есть. У Шальнева как дела?

— Еще без сознания, но вроде лучше.

Басков открыл кабинет.

— Заходи.

Марат сел к окну. Басков достал из сейфа папки.

— Вот что, Марат. Возьмешь фото Брыся и Чистого, подберешь портретики посторонние и поедешь... — Басков заглянул в свой блокнот, — поедешь в четыреста сорок восьмое отделение связи... Позвони, где это находится.

Марат позвонил.

— Улица Глаголева, дом восемь, Алексей Николаевич.

— Глаголева, Глаголева... Это же по проспекту Жукова?

— Точно. И от ресторана «Серебряный бор» рядом.

— Интересно. А родной дом Чистого у нас где?

— На другом конце, на Таганке.

— А сынок Шальнева на проспекте Жукова живет. — Это Басков сказал как бы самому себе, потому что о семейных обстоятельствах

Е. Романова. ПРЕДСЕДАТЕЛЬ КОЛХОЗА

Я. Антманис. У РЕКИ.

пострадавшего Шальнева Марат еще ничего не знал.— В общем, дело вот какое. Восемнадцатого июля из этого отделения был отправлен телеграфный денежный перевод на триста рублей в Ленинград Зыкову Константину Васильевичу. Отправитель — Балакин. Предъяви девушке, кто там этот перевод принимал, фото. У тебя рука легкая, вдруг признают...

Марат порывисто вскочил.

— Нет, ты совершенно безнадежный,— сказал Басков.— Сядь, еще не все... Возьми это.— Он вынул из папки обрывок телеграммы, найденный в кармане у Шальнева.— Спроси, пусть посмотрят — должен быть оригинал. Послана тоже восемнадцатого и по тому же адресу, только на имя Шальнева...

— Все, Алексей Николаевич? Машину бы... Я ее держать не буду...

— Да уж не держи, пожалуйста. И звони мне сразу, как там.

...Редко когда нетерпеливый по природе Басков ждал звонка с таким нетерпением, потому что он был уверен: сообщение с почты или подтвердит версию, возникшую у него после Ленинграда, или еще больше все запутает.

Узлом был денежный перевод. Когда Зыков у троллейбусной остановки подтвердил, что Брысь подарил ему сто рублей, Басков будто бы вмиг прозрел. Так бывает, если разглядываешь загадочную картинку, на которой в сплетении древесных ветвей надо найти охотника: крутишь туда-сюда минут десять, и вдруг глаз схватывает нужные контуры, и ты удивляешься, что потратил столько времени на розыски, потому что охотник со своим ружьем просто кричит с дерева, кроме него, ничего уже и не видишь.

Действительно, что же получается?

Брысь хотел отблагодарить Зыкова за услуги. И вдруг ему вздумалось послать еще триста рублей. Можно это хоть мало-мальски убедительно объяснить? Вряд ли.

Будем считать, что деньги послал не Брысь. И телеграмму тоже. Тогда кто?

Ответ напрашивается.

Человек, пославший телеграмму и деньги, должен быть знаком с Балакиным, Шальневым и Зыковым, знать ленинградский адрес. Он также должен быть осведомлен о семейной драме Шальнева и о том, что его сын Юрий живет в Москве.

Таким человеком мог быть Чистый.

Если же вернуться к преступлению на бульваре Карбышева, принять во внимание все выяснившиеся обстоятельства и спросить: кто мог положить в карман Шальневу паспорт Балакина? — вполне естественный ответ: Чистый.

Раз так, все концы сходятся. Правда, эта версия оставляет темными два вопроса: ради чего Чистый хотел убрать Шальнева и зачем столь сложно готовить преступление? Но тут ответить мог только сам Чистый...

Марат позвонил в половине двенадцатого.

— Порядок, Алексей Николаевич.

— Выкладывай.

— Перевод послан в десять тридцать. Но не Балакин деньги посылал. Я фото предъявил, девушка категорически заявила: не видела таких.

— Значит, Чистый?

Марат замялся.

— Видите ли, какое дело... Насчет Чистого у нее уверенности нет... Сначала я в числе трех его показывал — не узнала, а одного показал — вроде знакомое лицо.

— А что с телеграммой?

— Отсюда, из четыреста сорок восьмого, в Ленинград восемнадцатого июля не посылали.

— Слушай, Марат, спроси там: есть почта на проспекте Жукова, поближе к началу?

— Минутку.

Баскову вспомнились все его выкладки на этот счет, и ему пришла мысль: человек, посылавший телеграмму от имени Юры с целью вызвать Шальнева в Москву, для вящей убедительности должен был послать ее из отделения связи, ближе всего расположенного к дому, где живет Юрий Мучников. Надо полагать, Шальнев, зная адрес сына, знал и почтовый индекс этого адреса. А получив такую неожиданную и такую желанную для себя телеграмму, он, наверное, сто раз разглядывал, не веря глазам, каждую букву, каждую цифру...

— Алло, Алексей Николаевич,— послышался в трубке голос Марата.

— Да.

— Есть. Триста восьмое отделение, проспект Жукова, три.

Значит, дом, где живет Юрий Мучников, всего метрах в ста от почты.

— Поезжай туда. Проверь все, как сделал с переводом. Я жду.

Через час Марат снова объявился.

— Я из триста восьмого, Алексей Николаевич. Такая же история. Отправлено в одиннадцать двадцать. Балакин — наотрез нет, Чистый — может быть.

— Оригинал нет?

— Есть. Но печатными буквами.

— Изыми...

По рукописному тексту, исполненному печатными буквами, очень трудно установить, кому принадлежит почерк, зато по двум таким текстам можно определить, писал ли их один и тот же человек. И то хлеб...

Марат привез оригинал телеграммы. Басков положил рядом оба бланка, поглядел на Марата и сказал:

— Мы с тобой не графологи... Но похоже? — Похоже, Алексей Николаевич.

Басков сунул бланки в конверт.

— Отдай графологам...

Баскову очень не нравилось в людях то, что он называл шаманством. Самую обыкновенную свою работу, за которую ему выдают зарплату, шаманствующий человек обставляет такими сложными мнимыми трудностями, что со стороны это смахивает на магию и волшебство. Чаще всего так делается с целью пустить пыль в глаза менее опытному коллеге или завоевать симпатии женщины. Но, как правило, это только вредит делу, а иногда и самому шаману.

Простой здравый смысл заставлял Баскова принять то, что само собой напрашивалось, хотя дознавательская практика ясно говорит: очевидное — отнюдь не самое вероятное.

Он пошел к начальству, доложил добытые данные и сказал, что считает наиболее правдоподобной и перспективной версию, согласно которой на Шальнева покушался Чистый. Начальник МУРа спросил, какие специальные розыскные мероприятия в отношении Чистого он может предложить. У Баскова таких предложений не было. Он мог добавить лишь кое-что из примет, полезных для розыска: преступники одеты в финские костюмы такого-то и такого-то цвета.

Поскольку ведется всесоюзный розыск Брыся и Чистого и поскольку они, так сказать, в одной связке, оставалось ждать результатов. Для оперативного работника нет ничего хуже такого пассивного состояния, но тут приходилось мириться...

Минуло почти две недели, а на след Брыся и Чистого напасть все еще не удавалось, по видимому, они отсиживались в укромном месте.

9 августа ожидание, наконец, кончилось. Баскову из Ленинграда позвонил старший лейтенант Шустов.

— Есть письмо, Алексей Николаевич,— будничным голосом сообщил он, не подозревая, как празднично звучит это для Баскова.

— Кому? От кого?

— Шальневу. Подписано: Саша.

— Откуда?

— В письме обратного адреса нет.

Праздник моментально померк.

— А штемпель? — почти крикнул Басков.— Почтовый штемпель на конверте есть?

— Есть, Алексей Николаевич. Послано из Харькова.

— Ну, ты большой драматург, Шустов,— облегченно вздохнул Басков.— Вези письмо в городское управление — пусть по телетайпу передадут сюда. А оригинальчик вышли.— Басков подумал секунду и добавил: — И заодно вот что: купи конверт, попроси начальницу почты, где мы были, тиснуть штемпель... Ну, скажем, одиннадцатого августа. И тоже вышли.

Через два часа Басков прочел короткое письмо, переданное по телетайпу.

«Игорь! Почти месяц прошел, пора что-то получить от тебя. Как все устроил? Срочно напиши. Город — сам знаешь. До востребования,

Зыкову К. В. Не удивляйся, после объясню. Буду здесь до 25 августа. Привет. Саша». И в приписке — номер почтового отделения.

Так, значит, паспорт Зыкова все-таки оказался у Брыся, но каким путем — выкрали его или Зыков отдал сам? И, значит, Брысь заранее наметил, куда отправится из Ленинграда, раз сообщил Шальневу город еще у него в гостях. И если уж он такой завзятый конспиратор, что не называет этот город в своем письме, то вполне возможно, что харьковский штемпель на конверте ничего Баскову не даст,— Брысь мог попросить кого-нибудь бросить проездом в Харькове письмо в почтовый ящик. Но харьковский вариант необходимо отработать.

В пятницу, 10 августа, из Ленинграда пришел пакет. Рукописный оригинал письма мало что говорил Баскову, но мог пригодиться графологам, потому что хоть и редко, но иногда все же удается идентифицировать скороспись с текстом, выполненным печатными буквами.

Конверт со штемпелем ленинградской почты Басков повертел в пальцах и подумал, что, пожалуй, с этим конвертом он немного пошаманил: если Брысь действительно явится в почтовое отделение в Харькове, у него не будет времени ни разглядывать штемпель на конверте, ни почерк, а уж читать письмо — тем более.

Басков положил в конверт чистый листок бумаги, заклеил, написал адрес и тут же подумал, что все это вообще ни к чему, лишнее. Придет Брысь на почту — хорошо, а получит он там что-нибудь или не получит — не имеет значения.

В Харьков Басков взял с собою инспекторов Сергея Фокина и Ивана Короткова. Ему с ними не раз приходилось ходить на задержание опасных преступников, в них он не сомневался. Марат умолял включить в группу и его, но Басков знал, что у него больна мать, по ночам ему приходится быть сиделкой, и потому отказал...

Засада у такого объекта, как почта, да еще днем, да еще на людной улице — дело щекотливое. Брысь мог быть вооружен, поэтому Басков хотел взять его так, чтобы свести к нулю риск для посторонних.

Фокин сидел внутри почты за столом — будто писал. Коротков прогуливался по противоположному тротуару. Басков сидел перед окном в доме напротив. Метрах в пятидесяти на улице стояла «Волга» с двумя инспекторами из городского угрозыска.

У всех были фотопортреты Брыся, так что его появление обязательно кто-нибудь заметит еще до того, как Брысь войдет в помещение почты. Каждый постоянно видел хотя бы одного из товарищей, а об условных знаках было четко договорено...

Миновало три пустых дня.

Брысь пришел в четверг, 16 августа, в половине одиннадцатого утра. Он появился из ворот дома, около которого стояла их «Волга». Коротков, заметив сигнал из автомобиля, дал знак Баскову. Басков покинул свой пост, вышел из дома и увидел Брыся. Прежде всего он узнал костюм — коричневый, в синеватую клетку.

К двери почты они подошли одновременно. Басков пропустил Брыся вперед, и, когда тот, приблизившись к стойке, сунул руку во внутренний карман пиджака, Басков дал знак Короткову, а сам, положив ладонь на плечо Брыся, сказал:

— Здравствуй, Балакин.

Брысь медленно повернул голову, посмотрел сначала на него, потом на Короткова, вставшего рядом с другого бока. Баскову было не до выражения его глаз, но смотрел Брысь недобро.

— Оружие,— сказал Басков.

— Не ношу,— ответил Брысь хмуро.

Коротков единым плавным долгим движением обеих рук огладил его от груди до щиколоток.

— Не ношу,— презрительно повторил Брысь.

Коротков зашелкнул наручники.

— Извините.— Басков вынул из кармана у Брыся паспорт, откинул корочку.

Это был паспорт Зыкова.

Продолжение следует.

К Р У Г

Иван САВЕЛЬЕВ

ПОЭМА

*Сердца!
Да это же высоты,
Которых отдавать нельзя.*

Василий ФЕДОРОВ

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Волны бухают со стоном
О тяжелый парашют.
Над туманным Альбионом
Ходят тучи. Солнца нет.
Темзы стонущее соло...
Дождь.
Разверзлась хлябь небес...
Из России социолог
Прибыл в Лондон на конгресс.
Он известен, знаменит.
Он сегодня спором взвинчен:
— Много ль может индивид?
— Много может только
личность!
Он с коллегами любезен,
Неуступчив, как всегда:
— Главной общества болезнью
Стала духа нищета.—
Он спешил, Сергей... Отель
Замерцал огнями рядом.
...Выпил чаю — и в постель:
Выспаться перед докладом.
«Здесь, — доклад на ум не шел,
— Не Москва, как ни печально...»
И рукою машинально
По транзистору провел.
Затрепало, зашумело,
Понеслось навстречу сну...
Но, услышав имя «Стэллы»,
Зафиксировал волну.
И пока он голос смутно
Узнавал — сквозь треск и вой, —
Со «Свободы» грязной, мутной
Душу залило волной:
«...Нам нужна свобода слова.
Надо мной витает страх...»
Это Стелла Комарова
Говорила о «правах».
И сознание, словно светом,
Мысль прожгла, обнажена:
«Да ведь это ж... — думал, — это
Стелла говорит!.. она...»

«...Нет у нас свободы слова,
Мы зажаты, как в тиски...»
«Неужели... до такого?!» —
Думал он, зажав виски.
А волна слова катила,
Голос вкрадчив был и тих...
И, смещаясь, время плыло
Вспять, к началу судеб их...

ГЛАВА ВТОРАЯ

Годы университета,
Где вы, юные? Виват!..
На соседних факультетах
Мы учились, два студента,
Говоря друг другу: «Брат!»
Ах ты, молодость, опять я
Твой в душе услышал свет!

Десять лет не знались «братья»,
Не общались десять лет.
Много это или мало?
Спросим «брата» моего.
Значит, много, если стало
Вдруг тоскливо без него.

Телефон меж тем в кармане —
Строю заново мосты...
— Это кто?
— Да я... Комарик!..
— Ты откуда?
— Из Москвы.—
И молчанье, словно вечность,
Между нами пролегло.
— Это далеко зело...
Жду, старик.
— Тогда до встречи! —
Словно в юность, еду к «брату»
С мыслью тяжелой: виноват!
По Садовой. По Арбату.
Дом высотный...
— Здравствуй, брат!

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Едва порог переступил —
У Комаровых гости были, —
Я обществу представлен был.
И обо мне... тотчас забыли.
Гремел магнитофонный твист.
Торшеры млели томным светом.
— Мы ждем: придет журналист
Из модной западной газеты.
Он прогрессист, — Сергей сказал, —
По-русски говорит что надо...
Звонок.
— Простите... опоздал...
— Да что вы, Дик!
— Хелло!
— Порядок! —
И по тому, как шел с лентой,
Как сел за стол непринужденно,
Я понял: он определенно
У Комаровых парень свой.
Он что-то Стэллочке сказал,
И выдал несколько «историй»
Для всех
И сразу в центре стал
Сего широкого застолья.
...Маг крутился обалдело,
Звуки падали, дробясь...
— Не прочтет ли нынче Стелла
Что-то из самой себя?
— Прежде, может быть, по
баночке?..
— Я прочту поэму «Бабочка».

Отрывок из поэмы «Бабочка»

«...Писать о жизни тягостно и
хлопотно,
Я — бабочка, я крылышками
хлопаю.
Земля рожала, мучась столько лет,
Чтоб только появилась я на свет.
И я пришла. И мысль ко мне
пришла,
Что до рожденья я уже была.
И, значит, мир лишь потому велик,
Что он меня, пришедшую, постиг.
Я — бабочка. Но сердцем слышу я:
Вокруг меня вращается Земля.
И если я сгорю в своей любви,
То мир сгорит, как крылышки
мои!..»

— Bravo!
— Блеск!
— Эффектно!
— Смело!..
— Господа, я пью за Стэллу!
— В ней цветаевское чувство...
— Ахмадулинский интим!
— Так давайте ж за искусство
Воздадим!..
— И воспарим!..
И компания гуляла,
И хмелела от вина,
И попутно низвергала
С пьедесталов имена:
— Нынче новая эпоха!
— Плоски эти... от земли! —
От Исаева до Блока,
До Есенина дошли...
Сбитый с толку, озадачен,
Прощептал Сергею я:
— Объясни, что это значит?
— Утверждают, брат, себя! —
Он поднялся. Трезвым взглядом
Всю компанию обвел.
— Мне бы, Стелла, с другом
надо... —
Повернулся и пошел.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Мы в кабинете с ним одни.
Крутили в зале Окуджаву.
— Скажи, Сережа, кто они?
— Ты все об этих? Ищут славы.
— Какой, прости меня, какой?
И этот Дик... пошляк бесстыжий...
— Ты много видишь, милый мой.
А думаешь, что я не вижу?
Я вижу их, я знаю их.
У одного бывал я в доме.
Там все в актив берется, кроме
Железных принципов моих.
Там дружно чешут языки,
Там все — вне круга их — невежды.
Там пришивают ярлыки,
Как пуговицы к одежде.
Бездарные наверняка,
Апологеты самиздата,
Живут в России, а рука
Туда протянута — на Запад...
— Тогда я не могу понять,
Зачем ты с этими? И Стелла...
— Эксперимент. Хочу понять,
Какая ржа их души съела.
Что за душою у людей?
Где корень зла? Первопричина?
— Так, значит, на себе, Сергей,
Испытываешь ты вакцину?
— Не понял... —

И спросил опять:
— Нельзя ли, братец, пояснее?
— Ясней? А что тут понимать?
Он, этот Дик...
— И что ж?
— Да с нею!
Ужели ты совсем ослеп?
— Я запрещаю! —
Он поднялся.
— Эк-спе-ри-мент!
Да он нелеп!
Ты, социолог, просчитался...
— Ну вот и встретились...
так-так... —
Он зашагал по кабинету.
И сквозь затихший полумрак
Просвечивала сигарета.

ГЛАВА ПЯТАЯ

Катился дней круговорот.
Мы часто виделись. Звонили...
Но встреча та и вечер тот
Из головы не выходили.
Дик хорошо их понимал,
Ревнителю «свободных»
взглядов.
Он видел их и там, где надо,
На чувствах каждого играл.
Он знал, средь игроков — игрок:
Тот жаден, а другой тщеславен,
По части «лирики»... не строг,
За рюмкою сентиментален.
Дик руку Стелле целовал —
Глаза возвышенно блестили.
Подарки щедро расточал
«Талантливой и чудной» Стелле...
Дик с блеском роль свою играл...
И, «нагрузившийся» порядком,
Он, улыбаясь, повторял:
— Мы — дети Хельсинки...
разрядки...

ГЛАВА ШЕСТАЯ

К добру ли это, не к добру —
И сам не понял, как случилось, —
Я видел: в странную игру
Какой-то втягиваюсь силой.
Откуда, думал я, они
И им подобные берутся?
Возможно ль это в наши дни?
Чем их «исканья» обернутся?
Какая ими движет цель?
Во что их слово воплотилось?..

Я понимал, что мне досель
Таких встречать не приходилось.
И вдруг профессия моя
Мне показалась несерьезной,
Как будто я уже не я,
Не врач-биолог, а философ.

Я так до этого мечтал
Болезни победить скорее!
И, ясно дело, отвергал
Все сумасбродные идеи.
А разве ж был я не борец,
Ведь так уж повелось от века,
Что человек — всего творец,
А я спасаю Человека!
Я в Человеке все любил,
Обожествляя генов тайны.
Я о бессмертье говорил,
Что обязательно настанет!
Бессмертие! Пусть — не теперь,
Не в нынешний, а в день
грядущий, —

Ведь побеждает лишь идущий,
Распахивая тайны двери!
Бессмертие! Прядется нить
Из века в век мечты красивой...
Чтоб звездный мир одушевить —
Такое смертным не под силу.
И хоть к бессмертью путь не

прост,
Они в одной упряжке вечной —
И бесконечность мира звезд,
И нашей жизни бесконечность!..
Я взор свой к звездам обращал
И, восхищенный силой грозной,
В воображении рисовал
Обжитый человеком космос,
И подчиненный ход планет,
Желанью нашему подвластный,
И расшифрованный и ясный
Пространства-времени секрет.
Так думал я. И счастлив был
За будущие поколения...
Когда ж о том, чем годы жил,
С Сергеем я заговорил,
Он мне ответил:
— Заблужденные.
Люблю красивую мечту,
Но ей не предаюсь беспечно.
Все, что рождается,
К о н е ч н о! —
Сказал он, подводя черту.

В другой бы раз,
В такой момент
Я дал бы отповедь Сергею.
Но я смолчал. Душой моею
Владел его эксперимент.
А что же Стэллочка?
Она,
Создав беспомощные опусы,
Вниманием окружена
Сверхсовременнейшего общества.
Она, внушали ей, из тех,
Кто богом создан для протеста,
Кто может мысль загнать
в подтекст, —
Ведь нынче время для подтекста!

И я все больше прозревал,
В происходящее не веря.
— Пора бы кончить этот бал...
Но отвечал Сергей:
— Не время... —
Он все чего-то ожидал.
Всегда открытый жест:
— Пожалуйста... —
Он Стэлле запросто прощал
Все поэтические шалости.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

И я ловил себя на том
(Куда моя девалась гордость?),
Что в измерении другом,
Наивный, жил все эти годы.
Наук естественных успех
Считал я и своей победой
И с высоты глядел на тех,
Кто тайн, известных мне, не ведал.
Но не они — не ведал я
(Ценой потерь мой путь оплачен),
Что повседневность бытия
Куда как глубже и богаче.
Какой в познание сделан шаг!
Покорно плазменное пламя.
Открыты гены. А душа,
Как прежде, за семью замками.
Я знал любой людской недуг.
Болезнь. Я мог бороться с нею.
Но есть еще затмение душ,
Которое куда страшнее!
Да, да, они затмевались,
Их ветер времени не тронул.
Они мне представлялись
Кроной,
Побеги бедные которой
Корней глубинных лишены.
Легко, что чуждо, отрицать.
Сложнее линию такую
Найти, чтоб мир души вписать
В систему общества живую.

Я возвращался в те года,
Где хлеба нет, но много неба.
Да мог ли думать я тогда,
Что есть заботы, кроме хлеба?!
Что в дом, где нам открылся свет,
Спешит не всякий возвратиться,
Что сможем мы по десять лет
Жить —
Друг без друга обходиться.
И не в бревенчатой избе
(Что мне мила, замечу в скобках) —
Мы станем жить в больших

коробках,
Спокойно — каждый по себе.
И наши мысли — сколько их! —
Не встретят понимание друга...
И снова думал я о них,
Об этих мальчишках... Из круга.
В себя опасно влюблены,
Они одно твердят: «Желаем!..»
Им нету дела до страны,
Что все, чтоб выросли, дала им.
Зато запросов их — не счесть,
Таким иные звезды светят..

И то, что где-то они есть,
Мы тоже, может быть, в ответе.
Уйти от этого нельзя —
Забьешься ли от жизни в угол? —
Так думая, как бы в глаза
Смотрел я каждому из круга.
О, как их логика ясна,
Кощунственна — до омерзенья:
«В нас — дух высокого горенья,
И нас оценят времена!..»
И те, что на своих плечах
Войну проклятую тащили,
У н и х в бессмертных должниках —
Достойны жалости —
Ходили.
И тот, кто в голодуху пух,
Отчизну поднимал из пепла,
Должник, на них работал слепо,
Чтоб их расцвел
«Свободный» дух.
И что им Родина и Честь —
Развязны мысли, как походка...
Они! Вот эти-то и есть
Для диков — верная находка...
А я?.. Ну что о них я знал,
Любителях вина и жвачки?
Так сам себя я обличал,
Как бы проснувшийся от спячки.
И через мысленный бурелом
Брел медленно к себе опять я:
Что знал о друге я своем
И о своих ученых братьях?
«Привет» — «Привет»...
И, у ворот
Услышав пару анекдотов,
Я уходил в свою работу...
Так — день за днем,
За годом год.
Все человечество любя,
Работая его во имя,
Я жил заботами своими,
Упорно замкнул на себя.
И, не стеснив себя ничуть, —
Ведь ты один так много значишь,
Легко похлопать по плечу,
Мол, ничего, трудись, товарищ!
Работай, милый, создай,
Ведь дел хватает, как известно.
На внуков хватит. Только знай
Свое, как говорится, место.
Вот так, казня себя, казнясь
Всем тем, в чем сам себе

признался,
Причинно-следственную связь
Впервые я найти пытался.
Мы — дети света, как и тьмы.
В нас гены их противоборства.
И потому меж «Я» и «Мы!»
Скрепить союз совсем не просто.
Да, да, я размышлял, все так.
Коль «Я» и «Мы!» не совпадают,
То их не примирить никак...
И вирус онкогенный в рак
Порою ткань перерождает.

И, думая, что наконец
Я сам нашел первопричину,

Собой довольный — молодец! —
Я на Арбат повел машину.
Я уравнение к нулю
Привел. Я истиной владею.
Вот, думал, то-то удивлю
Своими мыслями Сергея.
Мне не терпелось: что теперь
Он скажет, добытатель истин?
Мне Стэллочка открыла дверь:
— Я не одета... извините.
«С чего это она на «вы»?..» —
В моем мозгу тотчас мелькнуло.
— Сергей уехал из Москвы... —
Но не сводил я глаз со стула.
На нем (замки-глаза горят)
Самодовольно красовался
Роскошный черный «дипломат»,
С которым... Дик не расставался.
С его передней стороны
Смотрели томно и туманно,
Известностью утомлены,
Глаза звезды киноэкрана.
Да, я не вовремя пришел...
И, словно свой визит итожа,
Я взгляд на Стэллу перевел:
«О, боже, как они похожи!..»
Бросала под «Москвич»
Москва
Шоссе стремительную ленту.
А я твердил одни слова:
«Вот и конец эксперименту...»

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

Волны бухают со звоном
О тяжелый парапёт.
Над туманным Альбионом
Скрыли тучи лунный свет.
Ночь промозглая до крика.
Тени странные в окне.
В полуяви, в полусне
Шел к Сергею голос Дика.
Под прицелом страшных слов
Был он,
Как под автоматом:
«Все — о кей!
Теперь с докладом
Выступайте, Комаров!..»

За окном машинный грохот,
А в ушах, как гул сквозной, —
Хохот, хохот, хохот, хохот
Над поруганной судьбой.
С Темзы холодом сквозило...
И над ним — покой и свет —
Стэлла голову склонила,
Та, которой больше нет.
И, ни в чем пред ним не каюсь,
Потому как — без вины,
Пряди лба его касались,
Юностью озарены.
Словно снова двое, оба
В деревенке под Москвой
До стыдливо озноба
Вместе — телом и душой.
Там, где пересуды-толки
От избы к избе ползли:
«Хороша невеста... только
Больно уж не от земли...»
«Дочь профессора...»
«Везенье...»
«А с фамилией чудной...»
«Что фамилия? Изменит,
Стала б доброю женой...»;
И друг друга так любили
В дни запевные свои,
Что любые б клятвы были
Оскорблением любви;
Сколько смеха, сколько песен —
Неужель смеялись впрок? —
И горел медовый месяц,
Словно месяца рожок;
Где в полях, в лесу подолгу
Он с любимой бродил,
И покров для них дорогу
Чистым золотом стелил;
И несла в подоле осень —
Иль то женщина была? —
Ржи тяжелые колосья,

Клубни спелые несла;
И сверкала первой льдинкой,
И в лицо дышала им
Древним полем
Бородинским —
Русским воздухом святым.
И, пронизанная светом,
Что нашла в глазах людей,
Стэлла молвила:
«Об этом...»
Я еще скажу, Сергей!..»
И роняла счастья слезы —
Были оба без ума! —
То ли речка,
То ль береза,
То ли Родина сама...

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

...Машина мчалась долгим лесом,
Когда, притормозив на миг,
Он поравнялся с «мерседесом»,
А в нем — она!
И рядом — Дик...
И, темнотой наплывая,
Летела мгла — не продышать...
И сердце — рана ножевая —
Устало, кажется, стучать.
Сидел, не видя ни земли,
Ни быющего в глаза восхода...
Лишь слышал: прожитые годы —
Все сразу —
На сердце легли.

...К рукам тянулся куст
сиреневый,
А он его не замечал,
И шел скрипучими ступенями
И машинально в дверь стучал.
И дача, где всегда душой
Он отдыхал от напряжения,
Такой дохнула пустотой,
Что он забылся на мгновение.

И все прошедшие года,
Вместившиеся в слово «было»,
Глухая дачи пустота,
Как фотопленку, проявила:
Они стояли перед ним
Так близко —
Хоть рукою трогай...
И тут же таяли, как дым,
И обрывались у порога.
Навстречу шло лицо жены
И лица тех, что были рядом.
И он смотрел со стороны
На них каким-то новым взглядом.
Наивнейший интеллигент!
Его по-своему «любили»:
Не он — они эксперимент
С ним и со Стэллой проводили...

ЭПИЛОГ

Летел над городом балкон.
И круто выгибался Млечный...
— Ты помнишь, — бросил я, —
тот вечер?
Ни слова не ответил он.
Молчал Сергей. Он постарел
И стал как будто ниже ростом.
— Прости, Сергей, я не хотел...
Но возмущился он:
— Да брось ты!..

Светился запад и восток,
Москвы раздвинув панораму...
И тут послышался звонок,
И мигом позже:
— Телеграмма... —
Не знаю, сколько я держал
Листок — аж сердце онемело! —
Пока — сквозь боль — не прочитал:
«Покончила с собой Стэлла».
Забыв, что нахожусь не дома,
Беспомощно шептал: «Ну, вот...»
Но друг мой вполуборот
Стоял ко мне
В дверном проеме.

БЫЛА КОГДА

Ирина ПИРОГОВА

Почему именно со спектакля «Пойти и не вернуться» по повести В. Быкова хочется начать этот разговор о Московском новом драматическом театре? Наверное, прежде всего потому, что последняя война, чем дальше время ни уносило бы ее в прошлое, по-прежнему остается высшей нравственной точкой отсчета не только для ее участников и свидетелей, но в еще большей степени для тех, кто не изведал на своем опыте ее ужасов, кто всегда и всем будет обязан и павшим и живым, победившим фашизм. И всякое новое талантливое произведение о ней «из первых рук», каким является повесть В. Быкова, — это как бы письмо из боевого прошлого Родины, адресованное нашему горячему веку, каждому из нас, кого жизнь в любой момент может поставить в такие обстоятельства, когда придется решать для себя вечный гамлетовский вопрос, только в еще более обостренной форме: каким быть и каким не быть, заостряя проблемы гражданские, нравственные, а не абстрактно-философские. Поэтому понятен интерес театра к литературному произведению, где в обостренной кризисной ситуации крупно и в то же время тонко и глубоко выявляется человеческий характер, почва, на которой рядом, в одних условиях вырастают совесть и бесовскость, подвиг и предательство, когда только в самом себе человек может найти или не найти силы для борьбы.

Василия Быкова влечет исключительно повесть. «...Я не ощущаю тесноты в этом обжитом мною жанре. Я думаю, что это очень емкая форма прозы и в ней можно выразить очень многое, а главное — без утомительных излишеств», — говорит он.

В повести «Пойти и не вернуться» — снова характерный быковский сюжет: двое выходят из затравленного в болотах, окруженного врагами партизанского отряда: маленькая, хрупкая Зоська Нарейко и сильный, ловкий, отвоювавший уже восемь месяцев Антон Голубин. Тропка среди болот у них одна, а дороги, цели и весь смысл существования на земле оказываются настолько противоположными, что в финале Голубин стреляет Зоське в спину, чтобы сохранить в тайне не физи-

ческое, не совершенное им посредством действия, а нравственное предательство Родины, которое уже произошло.

У прозы Василия Быкова суровые законы: в малом объеме, в коротком, как правило, временном пространстве события развиваются так стремительно, что ни диалоги героев, ни внешняя мотивировка их поступков, ни точная суровая лаконичность изображения этой самой «кризисной ситуации», а именно само авторское повествование, глубочайшее проникновение писателя в мир своих героев, органичное вживание в характер, не только близкий автору, но и враждебный ему по духу, создают тот трагический конфликт, который потрясает, заставляет нас задумываться и о судьбах героев произведения и о самих себе. Перенести это на сцену чрезвычайно сложно, считает и сам писатель, с беспощадной искренностью художника признавший недавно, что, по всей вероятности, ошибался, соглашаясь с попытками инсценирования своих повестей, и в будущем постарается эксперименты с театрами свести к минимуму.

Однако эти трудности не останавливали Е. Вихрева и В. Ланского, в инсценировке которых спектакль идет на сцене Нового театра (режиссер В. Тищенко). Путь, избранный ими, не отличается новизной, оригинальностью. Сохраняется сюжет, убираются из этой скупой на «население» повести «лишние», на взгляд инсценировщиков, действующие лица — большой чахоткой партизанский связной Петряков, его помощник перевозчик Бормотухин — мальчишка, которого война сделала взрослым, — все те «местные» люди, которые так зримо выписаны в повести, судьбы которых болью отдаются в сердце, напоминая, что именно они — те белорусы, из которых в этой великой народной войне погиб каждый четвертый. Зато сохраняется для оживления действия сцена встречи в лесу с румяной молодой, из тех, кому «что война, а что мать родная», приехавшей за бревнами для ремонта хаты и «отхватившей» в мужья «окруженца», любовно закармливаемого ею салом.

Так нарушается расстановка нравственных сил, меняется тональность сценического повествования. Но если бы только это...

Конечно, я далека от мысли о том, что инсценировщики, перенос на сцену образы Зоськи и Антона, руководействовали желанием лишь повторить зрителям немеркнущую истину о том, что героем быть хорошо, а предателем — плохо.

Они, пожалуй, пытались проследить нелегкий путь нравственной победы Зоськи, его истоки, а также уяснить, почему стал предателем Антон. Правда, средство

для этого избрали не лучшее. По причине скупого в повести речевого материала у главных героев в их уста на сцене щедро вложили авторский текст с его особыми то лирическими, то суровыми, то полупрезрительными интонациями, когда речь идет об Антоне, «озвучили» на уровне бытовой беседы внутренние монологи действующих лиц о самом потаенном. Передали слова одних персонажей другим.

И «все смешалось в доме Облонских»... Разрушилась внутренняя целостность характеров. Навивная, скромная, внешне простенькая Зоська с ее огромным светлым внутренним миром (такой она, кажется, могла бы быть в исполнении эмоциональной и вдумчивой Н. Егоровой) то производит в слух длинные свои раздумья о дружбе и любви, которые, по мысли автора, скрыты в самом заветном уголке ее сердца, то подробнейшим образом рассказывает Антону свои сны, предвещающие его предательство. В повести сны эти ярко раскрывают тонкую душевную структуру девушки. А в устах самой Зоськи они приобретают какой-то совершенно несвойственный атмосфере повествования сентиментально-мистический смысл. Не больше повезло и сценическому образу Антона. Василий Быков — один из первых военных писателей, который ради истины в литературе пытается глубоко и серьезно исследовать «правду» человека, пришедшего к подлости и предательству, неумолимую логику его поступков, начатых маленькой ложью, самолюбованием, самосохранением и приводящих к полному распаду души, а следовательно, и жизни.

Писателю в авторском тексте было дано исследовать эти истоки зла в характере Антона. Но когда интересный и неординарный актер Н. Полков сам излагает подробности и закулисы своей жизни (о которых ему и задумываться-то не по характеру), перед нами почти с первых его шагов по сцене возникает образ самодовольного шкурника, и итог ясен задолго до конца второго акта.

Внутренний протест вызывает и финал спектакля.

После выстрела умирающая Зоська, собрав все силы, ползет к людям, чтобы «предупредить своих об этом перевертыше», исполнить долг, который для нее сильнее боли, сильнее смерти. Она думает об этом с напряжением, обрывочно, то проваливаясь в пустоту, то обретая сознание, и оттого делается нам еще более близкой, понятной и дорогой своей великой силой маленького израненного тела и нерастоптанной души. Финал же спектакля неистребимо патетичен, что так чуждо В. Быкову. Антон, быстро выстрелив, убегает. Романтично, но знакомо кружатся стволы деревьев. А Зося с выражением гордой

муки на лице поднимается, освещенная прожекторами, произносит длинный трогательный монолог, которого так и не удалось отыскать в тексте повести, и заканчивает его словами: «Нет, я не умру, потому что это ужасно: пойти и не вернуться!» И еще трижды с нарастающей силой: «Я не умру!..»

Нельзя, к сожалению, не вспомнить и о некоторых деталях, досадно разрушающих и так довольно зыбкую атмосферу достоверности. Красноармеец (В. Донцов) появляется на сцене не только со своим присловием «японский городской», но и с золотым обручальным кольцом на руке, что вызывает оживление у зрителей. Зоська вместо деревенского плюшевого сачка и латаных сапожек ходит по сцене в интеллигентном бархатном пиджаке и новых сапогах, рыжий крестьянский кожанок Антона превращается в черную полудубленку, изнашиваемую нынче доброй половиной мужского населения Москвы.

...Немногочисленные зрители после спектакля расходились спокойно и чинно.

— Ну что ж, все в порядке: зло наказано, добродетель возмужествовала, — с усмешкой сказал кто-то из идущих позади.

В данном случае спорить не о чем. Но, поставив перед собою цель говорить о коллективе молодом требовательно и без обидной снисходительности, как о театре, отнесем несовершенство спектакля прежде всего за счет неудачной инсценировки. Это болезнь нынче повсеместная, и ее вообще можно было бы считать не виной, а бедой коллектива, если бы один из авторов данной инсценировки, В. Ланской, не был к сему главным режиссером этого театра.

Но вот, кажется, более удачный случай показать Новый театр во всем блеске своей новизны, молодых сил, надежно усвоенных традиций и уроков мхатовской школы, «отпочкованием» которой считается коллектив. Премьера комедии «Бешеные деньги» А. Н. Островского в постановке В. Ланского должна была бы стать некоторым итогом шестилетнего существования театра. В определенных театральных кругах пошли слухи о «необычном» Островском, о том, как освежил и омолодил его наш постановщик.

Сколько коварства таит в себе слово «комедия», если не ограничивать суть его рамками театроведческой терминологии. Чеховский «Вишневый сад» — комедия. «Бешеные деньги» — комедия. Помилуйте, и сюжет-то каков! Провинциальный деловой человек Васильков (впрочем, в Лондоне бывал и капитал имеет) женится на московской красавице из разоренной барской семьи,

-ТО СТУДИЯ

тщательно это скрывающей. У барышни — Лидии Чебоксаровой, — натурально, куча долгов и поклонников, которые кажутся ей богаче и роскошнее ее мужа, и каждому из них она предлагает дать ей денег, расплатившись своим «расположением».

Адюльтер, столь недвусмысленно предлагаемый театром, наконец раскрыт, семейный разлад грозит разрывом. Но в конце концов все сводится к той же нехитрой формуле: порок наказан, добродетель торжествует — грешная Лидия отправляется на перевоспитание в деревню, а Васильков едет на биржу наращивать свой бюджет.

Да простят меня читатели за столь вольный слог. Это ведь не о комедии Островского. Это о спектакле Нового театра.

«...Публика ждет от искусства обличения в живую изящную форму своего суда над жизнью, ждет соединения в полные образы подмеченных у века современных пороков и недостатков...» — писал Островский.

Кого же судит его пьеса? Обличение, каких пороков и недостатков делает ее современной? Наверное, главное в ней — совсем не веселая мысль о том, что «бешеные» деньги еще никого не сделали счастливым, о том как погоня за ними, слепая ли, бездумная или наполненная энергическими усилиями незаурядного ума, одинаково опустошает душу, превращая и неплохого, в общем, человека в циника, о бездуховности и никчемности такой жизни.

И тут не надо ни «обновлять» Островского, ни тем более пытаться его «переосмысливать», рядить в чуждые ему одежды, тем более что, сурово, но справедливо судя общественные пороки, Островский рассматривал идейное и эстетическое начало своих пьес в неразрывном единстве. Он считал: «Чем произведение изящнее, чем оно народнее, тем больше в нем этого обличительного элемента».

Студийцы Алексея Денисовича Дикого помнят, как, начиная очередную репетицию, он спрашивал: «Ну, чем сегодня удивлять будем?» Постановщик спектакля, а вслед за ним и его участники слово «удивлять» понимают буквально, отвергнув начисто логику характеров и эстетику «Бешеных денег». Первое впечатление: несколько актеров наших дней собрались на сцене сыграть сцену из купеческой жизни в духе «ретро» со скидкой во времени на век с небольшим.

Прожигатели жизни Глумов (А. Литовкин) и Телятев (Н. Попков) разгуливают по сцене в бархатных фраках и светлых цилиндрах. Рядом с ними особенно шутовским и ненастоящим кажется Васильков (В. Рудый) в тра-

диционном ярмарочном наряде загулявшего купца средней руки: чесучовой поддевке, алой рубашке, картузе и сапогах. От всей его фигуры веет балаганом, и с каждой секундой он все далее и далее уходит от того социального типа нового, пореформенного буржуа, промышленника, который особенно заботил в этой пьесе Островского.

В работе актера В. Рудого не чувствуется ни сознания социальной важности этой роли, ни профессиональной ответственности. Бывает, что и бесхарактерность — это тоже характер, своеобразная сверхзадача. Но здесь откровенное комикование сменяется болезненной раздражительностью, неумеренные восторги — мелодраматическим отчаянием. Единственный честный человек в этой компании, способный поначалу на искреннее чувство, самая драматическая фигура и вместе с тем серьезный предвестник коренной перестановки сил среди властвующих в пореформенной России, превращен в пустую, шутовскую фигуру. В связи с этим в центр спектакля переместились шашни Лидии Чебоксаровой с князем Кучумовым. У всех, видевших «Бешеные деньги» в постановке А. Миронова в Театре сатиры, без сомнения, на памяти князь Кучумов в блестящем исполнении Георгия Менглетта. Вот достойный пример той яркой сатиры, которая наряду с сильным драматизмом является как бы гербовой печатью драматургии Островского, ведущим признаком ее своеобразия.

И. Кашинцев в Новом театре вольно или невольно изображает своего князя фигурой откровенно фарсовой. Это «воляпюк». Его беготня за Лидией вокруг рояля и откровенное «лапанье» ее с плотоядным выражением лица ставят под сомнение самые скромные требования, предъявляемые к хорошему актерскому вкусу. А тут еще Надежда Антонова Чебоксарова, романсируя под собственный аккомпанемент, откровенно кокетничает с зятем... Лидии же Юрьевне (Н. Беспалова) очень трудно вывести зрителя из ощущения, что она сродни современным девицам, которые знают «что почем», и стоит ей только переменить костюм и прическу, как она найдет себе место в любой современной пьесе средней руки, где требуется хорошенькая нагловатая героинечка, желяющая любой ценой удачно устроиться в жизни, можно и не выходя замуж. Страстные поцелуи и объятия, вызывающая откровенность поз, мелодраматические сцены, полное оглушение слуги (А. Курманов), различные иные ухищрения, направленные к тому, чтобы вызвать «оживляж» публики, — полный «джентльменский набор» дешевого провинциально-

го водевиля давно минувших лет. Пожалуй, только А. Литовкин (Глумов) и Н. Попков (Телятев) как-то пытаются вырваться из этого порочного круга, приоткрыть душу, в которой, кажется, что-то проблескивает, но это, увы, не меняет общего горького впечатления. Почти шестьдесят лет назад А. В. Луначарский выдвинул лозунг «Назад к Островскому!», призывая театр от бездумной развлекательности, претенциозности, мелкотравчатых новаций к глубокому реалистическому социальному искусству. Как это ни печально, так много времени прошло, а призыв Луначарского, как никогда, актуален. Парадокс только в одном: иным современным театрам идти надо уже не назад, а вперед к Островскому.

...В день премьеры «Бешеных денег» на сцену принимать поздравления вышел главный режиссер Нового театра В. Ланской, которому был в свое время доверен бывший курс — студия профессора В. Я. Станицына для создания Нового театра, театра-студии, основанного на традициях мхатовской школы, устремленного в будущее, способного прокладывать в завтра свой самобытный путь. Но поздравить его, в сущности, не с чем. Напротив, нельзя не разделить того беспокойства, которое высказывают сегодня мастера театра о творческом состоянии театров, «не помнящих родства» с теми, кто дал им путевку в жизнь.

«Еще недавно по способу произнесения текста можно было определить, к какой школе актер принадлежит, в каком театре работает: в Художественном говорили иначе, чем в Малом, в Ленинграде по-другому, чем в Москве. Эта разница ощутима сейчас только у артистов старшего поколения, у остальных же преобладает некий усредненный стиль... О любви говорят так, как о покупке холодильника или счете на электричество...» — пишет в газете «Правда» народный артист СССР Всеволод Якут. Его опасения, к сожалению, не лишены почвы. Так называемый «усредненный стиль» в старом, имеющем прошлые заслуги театре — это стремление идти «в ногу с временем», отдавая ему формальную дань.

«Усредненный» же стиль, а точнее, отсутствие собственной индивидуальности у молодого театра — это свидетельство его творческой индифферентности, отказ от поиска, риска возможных ошибок и заблуждений, холодный расчет на маленький «оживляж». Так что же тут нового? Это все уже было... И не однажды. Но есть еще одно серьезное обстоятельство, которое побудило к этому разговору. Новый театр расположен в молодом многонаселенном рабочем районе Москвы, в котором живут и ра-

ботают люди, съехавшиеся со всех концов страны, потому что непрестанно ширящейся столице потребовались их трудовые руки. Они еще только входят в сложный процесс формирования «московского характера», постижения славных традиций, которыми горда и славна столица.

Для многих из них (у кого за плечами сельская школа, профтехучилище и армия) спектакли Нового театра — это первая встреча с искусством, от которой так много зависит... Но какой же нравственный, духовный, гражданский урок они получают здесь, где за шорохом тараканов в старом доме не слышно ликующего и тревожного голоса эпохи; где драмы в малогабаритных квартирах, сентиментальные романы, неудачливые родители и напористые, эгоистичные, а также инфантильные молодые люди с комплексами и без оных, но, как правило, с претензией на престижность являются основным объектом внимания? Споры нет, и эти темы, пьесы, по крайней мере лучшие из них, имеют право на жизнь. Но с каких это пор показ на сцене сильных, цельных людей труда, больших, бескомпромиссных чувств и поступков, общественно значимых конфликтов стал чуть ли не дурным тоном? Где спектакли, проводящие со зрителем такую большую нравственную работу, которая в свое время казалась по плечу «Ленинградскому проспекту» И. Штока, «Премии» А. Гельмана? Почему на сцене вместо правды томятся, тоскуют и грациозничают ее современные «двоюродные братья»? И, наконец, классику, как все, относящееся к памятникам истории и культуры, у нас тоже обязывает закон сохранять и защищать! Но в сегодняшнем своем творческом качестве Новый театр вряд ли оправдает благие надежды тех, с чьей помощью и верой в его благо он создавался.

...Уже слышу возмущенные голоса некоторых оппонентов: ну можно ли быть так суровым к театру, который работает в сложных условиях? Хорошие режиссеры там работают не хотят... Выход исполнителя в одном из вышеуказанных и в других, не указанных выше спектаклях выглядят чуть ли не актом трудового героизма и самоотречения.

А давайте-ка вспомним, сколько талантливых актеров в театрах страны, сколько новых пьес и спектаклей рождено в больших ее и малых городах в условиях куда более суровых, чем те, которые покрывают Новый театр неким флером жертвенности и неприкосновенности. Давайте честно спросим себя: не сбился ли с курса данный театральный корабль? Не превратилось ли слово «новый» в пустой звук?

Киевские динамовцы совершают круг почета.

Фото А. Бочинина

КУБОК У КИЕВЛЯН

По пять раз владели Кубком СССР киевские динамовцы и московские автозаводцы. 9 мая встреча на Центральном стадионе имени В. И. Ленина должна была определить, кто из них в шестой раз станет обладателем почетного приза. Всего один гол, забитый киевлянами в первом тайме, решил исход финального матча. Кубок отправился в Киев.

АВТОР УНИКАЛЬНЫХ ФОТОГРАФИЙ

Николай Николаевич Ежнин.

Я хочу рассказать об одном удивительном человеке. 1918 год. Со своим научно-исследовательским судном «Мод» Амундсен зазимовал в районе мыса Челюскин. Когда в навигацию 1919 года судно продолжило пла-

вание, два матроса с его борта остались на берегу. Они должны были дойти до острова Диксон, а оттуда отправиться на родину, в Норвегию, чтобы доставить отчеты о полярной экспедиции и почту. Отважные моряки погибли. Один из них, Пауль Кнутсен, исчез бесследно, а останки второго, Петра Тессема, были найдены в трех километрах от полярной радиостанции Диксон известным охотником-промысловником и исследователем Севера Никифором Бегичевым. Тогда же были сделаны снимки останков и могилы, в которой они захоронены зимовщиками.

Я позволила себе напомнить об этом давно минувшем времени потому, что никогда и нигде до сих пор не писалось о том, кто сделал эти уникальные фотографии. Имя этого человека — Николай Николаевич Ежнин.

Полковник медицинской службы Н. Н. Ежнин последние годы перед уходом в отставку заведовал стоматологическим отделением в кислородном санатории Министерства обороны СССР. А за стенами тихого зубокабинного кабинета остались десятилетия героической жизни. Сорок лет служил он в рядах Советской Армии и двадцать из них в военно-морском флоте.

В первые годы Советской власти Ежнин, тогда военфельдшер, работал в управлении по обеспечению кораблевождения в Карском море и устьях рек Сибири. Служба забрасывала его на Шпицберген, Землю Франца-Иосифа, Сахалин, Диксон.

Трудовой жизни Николая Николаевича хватило бы и на двоих, а на его долю выпало еще и три войны. Военные награды говорят об его подвигах.

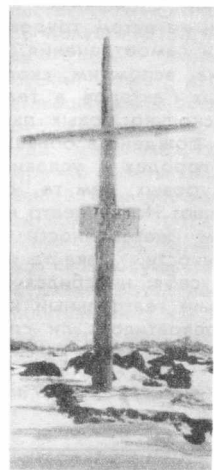
И вот я теперь сижу в его квартире.

— Как случилось, что эти северные фотографии публиковались раньше без указания автора? — поинтересовалась я.

— Видите ли, сам Николай Николаевич снимки в печать не посылал, — объясняет Александра Михайловна, его вдова. — Думаю, что дал их для публикации кто-нибудь из его бывших сослуживцев по Северу. Ведь он тогда, в 1921 году, многим роздал свои фотографии — так, на память.

Т. ЧЕРНИКОВА,
медсестра

Кисловодск.

Здесь лежат останки отважных исследователей Севера. Фото Н. Ежнина

ТРИЛОГИЯ

КИНО

Новая картина студии «Мосфильм» «Фронт в тылу врага» — заключительный фильм кинотрилогии, поставленной по мотивам документального романа С. Цвигуна «Мы вернемся».

Первая лента из этого цикла «Фронт без флангов» вышла восемь лет назад. Однако ее создатели (автор сценария С. Днепров, режиссер И. Гостев) еще не знали тогда, что за нею последует продолжение. Но появились два других фильма. Идею создания трилогии подсказали сами кинозрители. Успех картины был необычайным. В своих письмах и отзывах люди просили кинематографистов рассказать о дальнейшей судьбе героев, которых узнали и полюбили...

Новая кинолента завершает рассказ о героическом пути отряда особого назначения под командованием полковника Млынско. Эту роль исполняет Вячеслав Тихонов, артист, пользующийся особой популярностью.

Идет рассказ о новых подвигах воинов... На боевом счету отряда немало дерзких диверсий, отважных вылазок в глубокий тыл врага. Родился отряд в самом начале войны, в подмосковных лесах, где Млынскому, тогда еще майору, бывшему учителю, удалось создать из нескольких сот бойцов-окруженцев сплоченный ратный коллектив, чьи фронтовые дела внушали захватчикам страх и растерянность. Каждый фильм трилогии — ле-

топись много, нового этапа борьбы народа с фашизмом. «Фронт без флангов» повествует о первом, самом тяжелом времени испытаний, когда в огне войны исподволь ковалась и крепла воля к действию, к сопротивлению, к победе... «Фронт за линией фронта» — второй фильм. Тут действие разворачивается в лесах Белоруссии.

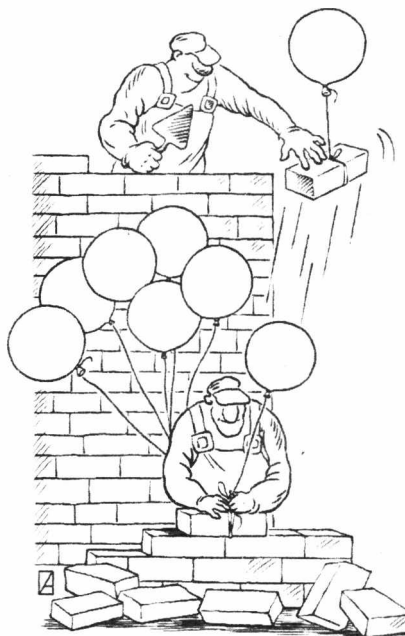

Рис. А. ОРЕХОВА

Рис. В. ТАМАЕВА

Рис. В. ДУБОВА

Картина показывает всенародную суть партизанской войны.

Герои киноэпопеи — полковник Млынский — В. Тихонов, политрук Алиев — Т. Мирзоев, сержант Ерофеев — И. Лапинов, военврач Ирина Петровна — В. Заклунная. В новой серии на их долю выпадает особо важная и опасная задача — проникнуть на гитлеровские сверх-

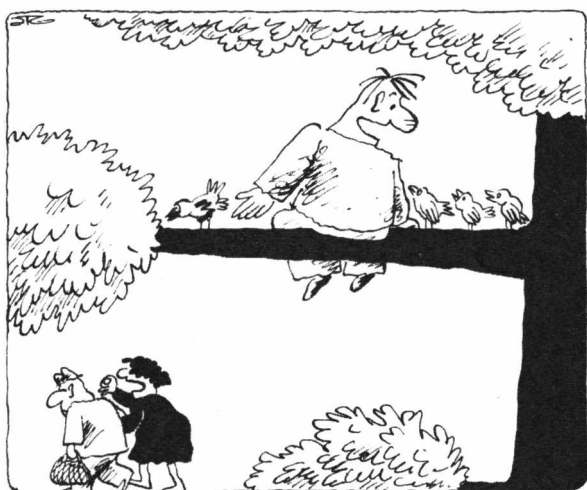
секретные предприятия, где ведутся работы над ракетами «Фау-1» и «Фау-2». В этом сложном и рискованном деле на помощь героям приходят не только советские разведчики — тут видим польских и чешских партизан, немецких антифашистов, членов интернациональных групп Сопротивления, действующих в самом логове врага: на подземных военных заводах, в концлагерях... Тема интернационализма мощно звучит в картине, съемки которой проходили на местах реальных событий осени 1944-го — весны 1945 года. В фильме «Фронт в тылу врага», выпущенном совместно со студией «Баррандов» при участии ДЕФА, играют также актеры из ГДР и Чехословакии.

Несмотря на предельную остроту и напряженность действия, характерные для детективно-приключенческого жанра, кинолента рождает ощущение большой исторической достоверности. И это не случайно. Образы многих героев, прославившихся в борьбе с фашизмом, советских воинов и их соратников восходят к живым людям, подлинным прототипам.

«Мы вернемся...» Эти слова, произвавшие в финале первого фильма кинотрилогии, сбываются в ее завершающей серии.

Герои вернулись домой с победой. Нелегким был их путь. И не всем довелось встретить памятное майское утро у стен поверженного рейхстага... Нынче тем дороже память о них, замечательных людях, которые ценою своей жизни спасли человечество от фашистского рабства.

Л. ИВАНОВА

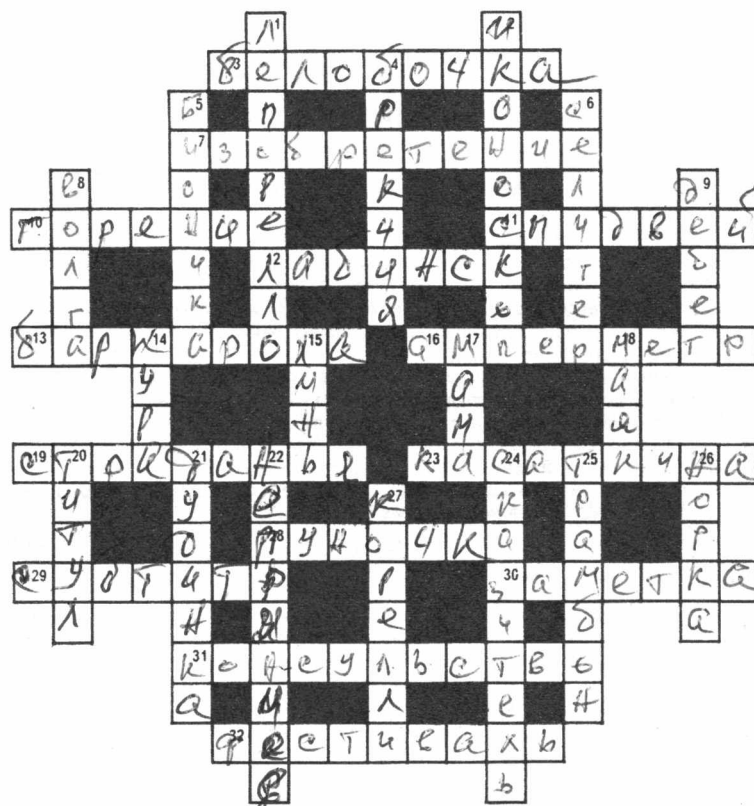
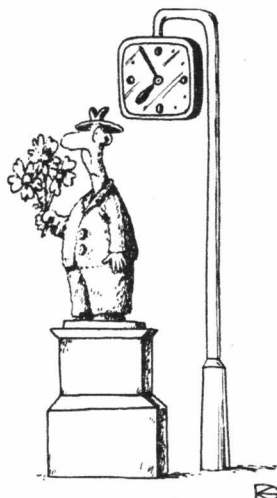
— Вон, смотрите, моя бывшая жена.

Рис. О. ТЕСЛЕРА

Рис. Л. ТИШКОВА

Рис. В. КАЗАНЕВСКОГО (Киев)

По горизонтали: 3. Обыкновенный дельфин. 7. Новое техническое решение определенной задачи в народном хозяйстве. 10. Роман Ю. С. Семенова. 11. Вид мотоциклетного спорта. 12. Город в Краснодарском крае. 13. Музыкальный жанр, распространенный в Венеции. 16. Электронизмерительный прибор. 19. Разновидность русской чащушки. 23. Народная артистка СССР, выступавшая на сцене ЦТСА. 28. Птица, обитающая в тундре. 29. Надпись на кинокадре. 30. Газетный жанр, краткое сообщение. 31. Представительство одного государства на территории другой страны. 32. Массовое празднество, смотр достижений в различных видах искусства.

По вертикали: 1. Персонаж трагедии А. С. Пушкина «Каменный гость». 2. Телевизионная передающая трубка. 4. Горная порода. 5. Наука, одно из направлений кибернетики. 6. Озеро на Валдайской возвышенности. 8. Марка советского легкового автомобиля. 9. Объем нефти, газа, поступающих за единицу времени из скважины. 14. Река в Закавказье. 15. Промысловая пресноводная рыба. 17. Картина А. А. Пластова. 18. Навигационный ориентир для судов. 20. Первая страница книги. 21. Центр Таймырского автономного округа. 22. Живописец и график, народный художник СССР. 24. Исполнитель былин. 25. Духовой музыкальный инструмент. 26. Пушной зверек. 27. Основположник итальянской скрипичной школы, композитор.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 19

По горизонтали: 7. Литейщик. 9. Ансамбль. 10. Орлов. 11. Перепляс. 12. Лаборант. 13. Разметнов. 15. Перепись. 17. Старшина. 19. «Рослав-лев». 22. Архбухан. 23. Вайконур. 26. Ростоцкий. 29. Котопах. 30. Толбухин. 31. Хонсю. 32. Чиковани. 33. Шмаринов.

По вертикали: 1. Кинескоп. 2. Рецепт. 3. Экосез. 4. Павлин. 5. Амариллис. 6. «Аленушка». 8. Планер. 13. Репертуар. 14. «Воров-ский». 16. Сосна. 18. Тулча. 20. Оксиморон. 21. Андалузит. 22. Аналогия. 24. Рыбников. 25. Бобина. 27. Стихия. 28. «Катюша».

НА ПЕРВОЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ: Будущих металлургов готовит ГПТУ-22. * Мемориал у Атаманского леса. * Дворец культуры «Комсомолец». Областной конкурс исполнителей балетного танца. * Бригадир Николай Шевченко — делегат XIX съезда ВЛКСМ. (См. в номере материал «Возводит молодость!».)

Фото Г. Копосова

НА ПОСЛЕДНЕЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ: Столица Мальты — Ла Валлетта. * Крепостные стены порта. * Древняя столица Мальты — Мдина. * Так встречаются на острове туристов. * Улочка Ла Валлетты.

(См. в номере материал «О Мальте и мальтийцах».)

Фото С. Высоцкого

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ.

Редакционная коллегия: Д. Н. БАЛЬТЕРМАНЦ, В. В. БЕЛЕЦКАЯ, С. А. ВЫСОЦКИЙ (заместитель главного редактора), И. В. ДОЛГОПОЛОВ (главный художник), Д. К. ИВАНОВ (ответственный секретарь), Н. А. ИВАНОВА, В. Д. НИКОЛАЕВ (заместитель главного редактора), Ю. С. НОВИКОВ, А. Г. ПАНЧЕНКО, Ю. П. ПОПОВ, Н. П. ТОЛЧЕНОВА.

Адрес редакции: 101456, Москва, ГСП, Бумажный проезд, 14.

Оформление Н. П. КАЛУГИНА.

Телефоны отделов редакции: Секретариат — 212-23-27; Отделы: Внутренней жизни — 250-56-88; Международный — 212-30-03; Социалистических стран — 250-24-21; Искусств — 250-46-98; Литературы — 212-63-69; Военно-патриотический — 250-15-33; Науки и техники — 212-21-68; Юмора — 212-14-07; Спорта — 212-22-19; Фото — 212-20-19; Оформление — 212-15-77; Писем — 212-22-69; Литературных приложений — 212-22-13.

Сдано в набор 26.04.82. Подписано к печати 11.05.82. А 00368. Формат 70×108/16. Глубокая печать. Усл. печ. л. 7,0. Уч.-изд. л. 11,55. Усл. кр.-отт. 18,20. Тираж 1 810 000 экз. Изд. № 1315. Заказ № 2301.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. 125865, ГСП, Москва, А-137, улица «Правды», 24.

**ГЕНЕРАЛЬНОМУ СЕКРЕТАРЮ ЦК КПСС,
ПРЕДСЕДАТЕЛЮ ПРЕЗИДИУМА
ВЕРХОВНОГО СОВЕТА СССР
ТОВАРИЩУ Л. И. БРЕЖНЕВУ**

Дорогой Леонид Ильич!

С чувством гордости и глубокого удовлетворения докладываем Вам, что первая экспедиция советских альпинистов на Эверест, успешно проложив маршрут по ранее никем не пройденному сложному склону, 4 мая покорила высочайшую вершину мира и водрузила на ней Государственный флаг СССР.

Огромный труд большого коллектива тренеров, ученых, инженеров и рабочих, вложенный в подготовку экспедиции, увенчался успехом.

Еще раз всему миру продемонстрированы высокое мастерство, воля и мужество советских спортсменов — представителей братских народов нашей великой Родины.

Посвящаем свое восхождение на Эверест 60-летию образования Союза Советских Социалистических Республик.

Руководитель
экспедиции
Е. И. ТАММ

Восемь с половиной часов потребовались двум советским альпинистам — московскому преподавателю Эдуарду Мысловскому и ленинградскому инженеру Владимиру Балыбердину, — чтобы преодолеть последние 348 метров и подняться на вершину Эвереста. А за этими часами таятся долгие месяцы труднейших тренировок, бескомпромиссных медицинских исследований, дотошных испытаний высотного снаряжения, тщательных анализов маршрута.

С 1953 года, вслед за новозеландским альпинистом Эдмундом Хиллари и его напарником шерпом Норгеем Тенсингом, еще сто одиннадцать альпинистов сумели победить Властелина неба, как называют Эверест непальцы. Но советские альпинисты решили подняться на высоту 8848 метров не по одному из шести проторенных маршрутов, а по седьмому, который до сих пор считался непреодолимым.

Это был путь асов, путь, на который никто никогда не смел стать, — по юго-западному ребру величайшей вершины. Недаром

матических наук — Евгений Игоревич Тамм и Анатолий Георгиевич Овчинников — стали во главе советской команды, и вот после многомесячной подготовки в феврале экспедиция вылетела в Непал, затем грузы и люди были переброшены на маленький аэродром в местечке Лукла, а уже оттуда с помощью носильщиков-шерпов, без которых не обходится ни один штурм Эвереста, пешим путем команда направилась к подножию исполинской горы.

Но и это было только прологом к штурму. Более месяца наперекор ураганам, снегопадам, сорокаградусным морозам альпинисты поднимались все выше. Базовый лагерь был основан на высоте 5 тысяч метров, за ним раскинулись палатки первого, второго, третьего промежуточных лагерей, а еще два были основаны на высотах 8250 и 8500 метров.

Не раз штормовые ветры сместили в пропасти веревочные перила и мостики, срывали палатки, крючья приходилось забивать в

мались они по отвесной стене, отдохнули в четвертом лагере и двинулись дальше, разбили пятый лагерь и после восьми часов штурма 4 мая вззошли на вершину, укрепив там красное знамя Страны Советов.

Это было 25-е удачное восхождение за 29 лет.

Победители Эвереста пробыли на вершине полчаса, а затем начали спуск. И в то же время вторая связка, состоящая из Сергея Бершова, майора из Харькова, и самого молодого участника экспедиции, инструктора альпинизма из Донецка Михаила Турневича, покинула четвертый лагерь. Уже начинало смеркаться, но отважные спортсмены приняли смелое решение штурмовать Эверест в темноте. Через три часа вторая связка встретилась с первой и продолжила ночной штурм, который, как известно, завершился блестящей победой. И как бы закрепляя ее, на вершину Властелина неба поднялись еще два альпиниста — капитан команды москвич Валентин Иванов и свердловчанин Сергей Ефимов.

Вечером 6 мая шесть советских альпинистов — покорители Эвереста собрались в первом лагере, а затем спустились и в базовый лагерь, а в это время их победа стала уже мировой сенсацией.

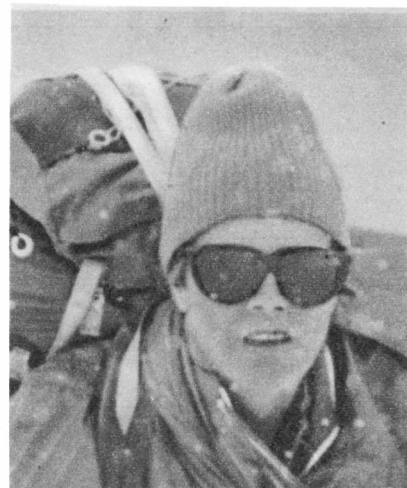
Знаменитый французский горновосходитель Морис Эрцог заявил:

— Восхождение советских альпинистов — настоящий подвиг, ибо новый путь к вершине один из самых трудных, если не самый трудный. О нем мечтали многие, но даже лучшие альпинисты не решились пойти им, учитывая крайнюю трудность и опасность этого маршрута.

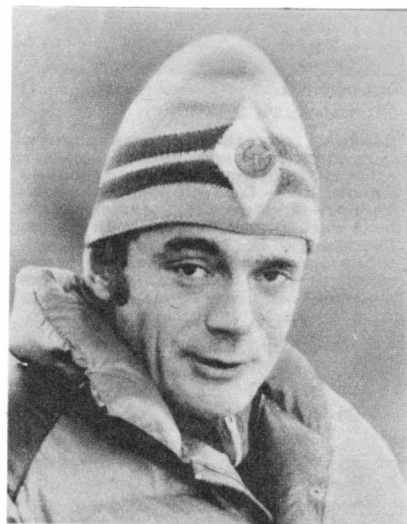
Известный английский альпинист лорд Джон Хант сказал:

— Прошу передать мои самые горячие поздравления советским альпинистам. Я весьма рад их успеху и в то же время не удивляюсь ему, учитывая их прежние достижения.

Но думается, что лорд Хант все же удивился, когда узнал, что еще

Эдуард Мысловский.

Сергей Ефимов.

ПОКОРЕНИЕ ВЛАСТЕЛИНА

сам Эдмунд Хиллари, встретившийся с советскими альпинистами в столице Непала Катманду, сказал им, что подъем на вершину Эвереста по избранному ими пути будет новым словом в истории высотного альпинизма.

Два десятилетия мечтали советские горновосходители о покорении Властелина неба и не раз доказывали, что по уровню своего мастерства вполне способны на восхождение, но экспедиция такого рода требовала больших затрат, тщательной подготовки, и те, кто первым мечтал о штурме Эвереста, давно уже уступили свои места в связках спортсменам новых поколений, прежде чем гималайская экспедиция смогла стать явью.

Два страстных любителя альпинизма, два доктора физико-мате-

оленные стены, крутизной достигавшие шестидесяти градусов. Но безукоризненное техническое мастерство, колоссальные выносливость, бесстрашие, тренированность помогли членам экспедиции преодолеть все трудности.

29 апреля кинооператор экспедиции Владимир Шопин, самоотверженно фиксирующий на пленку все детали восхождения, вместе с помогавшим ему шерпом поднялся на четвертый промежуточный лагерь, установил там палатку и оставил запас продуктов и кислородные баллоны. И тут же вслед за ним двинулась для штурма вершины Эвереста первая связка — один из самых опытных альпинистов экспедиции, великопелный техник Эдуард Мысловский и его молодой товарищ Владимир Балыбердин.

Медленно, шаг за шагом подни-

два участника советской экспедиции, алмаатинцы инженер-сейсмолог Казбек Валиев и инженер-почвовед Валерий Хрищатый, со второй попытки поднялись на вершину Эвереста, и притом тоже ночью. Пятнадцать часов продолжался штурм вершины, альпинисты спускались вниз, уже потратив почти все силы, и их товарищи Ерванд Ильинский и Сергей Чепчев решили прервать подъем, чтобы помочь им. Но и на этом горная эпопея не закончилась. В День Победы еще трое участников экспедиции — В. Хомутов, В. Пучков и Ю. Голодов преодолели в труднейших погодных условиях все препятствия и вслед за своими восьмью товарищами успешно завершили штурм Властелина неба.

Я. КАТИН

Казбек Валиев.

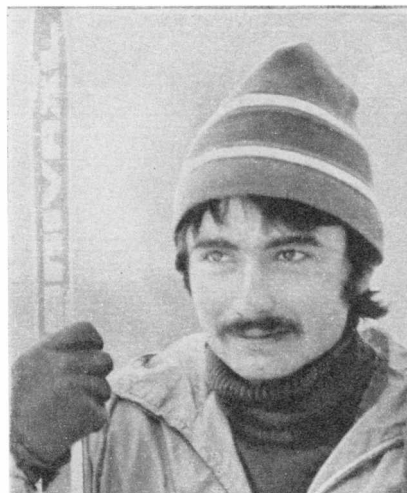

Владимир Балыбердин.

Сергей Бершов.

Михаил Туркевич.

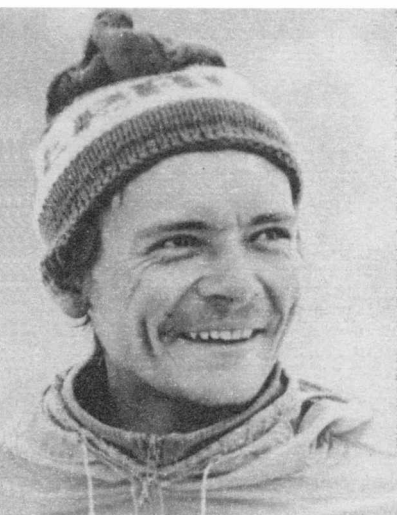

Валентин Иванов.

Высочайшая горная вершина мира — Эверест.

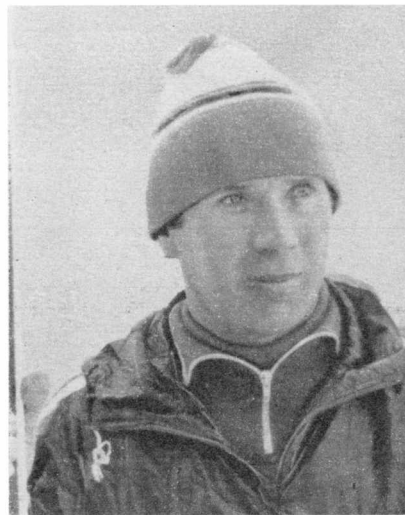
Фото ТАСС

Валерий Хрищатый.

Владимир Пучков.

Валерий Хомутов.

Юрий Голодов.

